

РУССКАЯ РЕЧЬ 1981

НОЯБРЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В номере:

К 180-летию со дня рождения В. И. Даля

Г. П. Смолицкая. Владимир Иванович Даль (1801—1872) 3

М. А. Галманова. С трибуны съезда писателей СССР 13

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова

Н. Н. Иванова. «Сестра народа — и моя!» 16

И. Б. Голуб. Гармония звуков, мыслей и чувств 23

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. О русском сценическом произношении (окожчание) 31

ЧИТАТЕЛЮ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Г. А. Куттубаева. Внутренняя форма слова . . . 36

Э. А. Григорян. Самолет, вертолет, экранолет... 40

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Григорий Осипович Винокур (1896—1947) 45

СРЕДИ КНИГ

Н. М. Шанский. Слова, рожденные Октябрем . . . 51

В. И. Максимов. К тайнам словообразования 52

В. И. Порудоминский. Повесть о Толковом словаре 11

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Г. В. Судаков. Лицевой букварь Кариона Истомина	55
Н. В. Васильева. Русские названия падежей	60
Г. С. Журавлева. «Повесть о российском кавалере Александре»	66
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
Т. В. Горячева. Времена года. Первозимье	73
В. В. Касаркин. Конференция в Кишиневе	78
РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Н. Д. Канаев. Русский язык на земле Карфагена	80
А. Ю. Прокопов. Праздник русского языка и дружбы	83
НА КАРТЕ РОДИНЫ	
Т. В. Сергеева. На трассе БАМа. Улькан	85
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Суздаль	87
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
А. Н. Кожин. Гвардия	94
А. В. Барандеев. <i>Ильмень</i> и <i>лиман</i>	95
Е. Э. Биржакова. <i>Сюрприз</i> и <i>результат</i>	100
Н. Я. Дараган. Откуда пришли названия нот?	106
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	110
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Косметолог или косметичка? Конь о четырех ногах...; Ключка и клюшка; Немой взор или немая женщина?	114
Кроссворд	108
Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1981 год	123
<i>На обложке: В. И. Даль. Рисунок Ю. Космынина</i>	

10(22) ноября 1981 года исполняется 180 лет со дня рождения В. И. Даля, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка», над которым он работал 53 года. Его современники, рецензенты после выхода словаря писали, что автор совершил подвиг, достойный занять одно из почтеннейших мест в летописях отечественной науки. Жизненный и творческий путь Владимира Ивановича Даля сложен и многогранен. Он родился в г. Лугани (ныне Ворошиловграде) в семье заводского врача. Детство его прошло в Николаеве, куда был переведен отец на строящуюся судостроительную верфь. В доме Даля было много книг, словарей и царило благоговейное отношение к слову. Отец и мать владели несколькими иностранными языками. Бабушка была переводчицей; нъсы, переведенные ею на русский язык, шли в то время в театрах. Все это несомненно повлияло на будущего автора одного из лучших русских словарей.

К 180-летию
со дня рождения

**Владимир
Иванович
ДАЛЬ
1801—1872**

В. И. Даль начал самостоятельную жизнь морским офицером Черноморского флота, затем Балтийского. В 1826 году он уходит в отставку и становится студентом медицинского факультета Дерптского университета (ныне Тартуского), по окончании которого работает врачом и как врач участвует в русско-турецкой войне. С 1833 года В. И. Даль — чиновник особых поручений при военном губернаторе в Оренбурге, где служит 7 лет. Затем Даль переезжает в Петербург и в течение 9 лет является чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел. Потом судьба бросает его в Нижний Новгород, где он состоит в должности управляющего Нижегородской удельной конторой. И только в 1859 году выходит в отставку и до конца своих дней живет в Москве.

Но где бы ни был Даль, чем бы ни занимался, его всегда сопровождало творческое отношение к народному слову. «...Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...» — писал он в статье «Напутное слово», опубликованной в связи с предстоящим изданием Толкового словаря. Еще мальчиком он прислушивается к новым, неизвестным словам, которые слышит на Николаевской судоверфи, куда стекались люди со всей России. Много слов узнал он в поездке на телеге из Николаева в Петербург, когда ехал в Морской кадетский корпус. В марте 1819 года по дороге из Петербурга у Зимогорского Яма, под Новгородом, от ямщика услышал молодой мичман поразившее его слово *замолáживает* — «начищает пасмурнеть, заволакиваться тучками (о небе)». Это слово он записал, и началась работа над словарем.

В. И. Даль записывал слова во время плавания на Балканы и на русско-турецкой войне. На отдыхе он собирал вокруг себя солдат и расспрашивал, как в разных местах называется тот или иной предмет, прислушивался к их разговорам в походах. Особенно плодотворными были годы, проведенные им в Оренбурге и

Нижнем Новгороде,— разъезды по губерниям, общение с местным населением, частое посещение Нижегородской ярмарки. Здесь он слушал офеней, присказки и прибаутки бойких торговцев, сам вступал в разговоры. Будучи чиновником довольно высокого ранга, Владимир Иванович даже использовал свое служебное положение для сбора слов: составлял специальные циркуляры-анкеты и посылал во все концы России. Рассылкой и обработкой полученных циркуляров занималась вся вверенная ему канцелярия, служащие которой были увлечены этим делом. По воспоминаниям современников, в канцелярии чиновника особых поручений В. И. Даля при министерстве внутренних дел царил филологическая атмосфера.

Последнее слово он записал за несколько дней до смерти, продиктовав его дочери.

В. И. Даль не только собирал диалектные (областные) слова из разных мест России, он исследовал их и делал теоретические обобщения, отбирал для словаря, пытался определить их роль в русском литературном языке. Им написана статья «О русском словаре». В 1852 году он выступил рецензентом первого русского диалектного словаря — «Опыта областного великорусского словаря», результатом чего явилась большая статья «О наречиях русского языка». В статье «Напутное слово» Даль обобщает принципы составления словаря и затрагивает ряд смежных вопросов, касающихся дальнейшей судьбы общерусского языка, в частности роли иноязычных слов — «чужесловов».

Желание собрать богатства русского языка, передать их потомкам, выявить характер, быт русского народа привели Даля к идее создания будущего прославленного Русского географического общества. В 1845 году он был одним из его организаторов и учредителей. В первый же год своего существования это общество составило и разослало «этнографический циркуляр», начало издавать «Записки Русского географического общества», со страниц которого обратилось к читателям с призывом записывать и присылать местные слова, пословицы, поговорки, речения, обычаи, обряды и т. п.

Знатком русского языка и неутомимым собирателем

его предстает Даль в своих литературных произведениях, выступая под псевдонимом Казак Луганский. Им написаны «Русские сказки», «Были и небылицы», «Повести, сказки и рассказы». Первой повестью Даля была «Цыганка», насыщенная этнографическим материалом. Им создан уникальный труд «Пословицы русского народа» (I изд.—1862, II—1957).

Любовь к живому русскому слову была основой его дружбы с Пушкиным. Они виделись редко, но с самой первой встречи в 1832 году, когда Даль принес Пушкину свою первую книгу «Русские сказки», между ними установились отношения глубокого взаимопонимания. Во время этой встречи Пушкин подал Далю идею написать словарь, когда узнал, что тот собрал 20 тысяч слов, употребляющихся в разных концах России. Пушкин приветствовал решение Даля написать статью о богатстве и выразительности русского языка, о проникновении в него иностранных слов. В Оренбурге осенью 1833 года, когда Даль сопровождал Пушкина по местам пугачевского восстания, они рассказывали друг другу сказки, которых знали великое множество. На рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке», которую Пушкин подарил Далю, он написал: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому—сказочник Александр Пушкин».

Главным трудом жизни В. И. Даля стал его четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» (I изд.—1863—1866). Созданию такого словаря способствовали не только интерес и любовь автора к слову, эти личные качества, несомненно, были основными и решающими, однако немалое значение имело и то, что в развитии русского языкознания XIX века ведущим направлением становится лексикография. Большая работа велась в то время Вторым отделением (русского языка и словесности) АН, издавшим «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», «Словарь церковнославянского и русского языка», «Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнения к опыту областного великорусского словаря». И. И. Срезневский выступил в 40—60-е годы с рядом интересных статей по вопросам русской и славянской лексикогра-

фии, подготовил и издал «Материалы для словаря древнерусского языка». В середине XIX века выпущены специальные словари, среди которых такие, как «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» Вл. Бурнашева, «Ботанический словарь» Н. Анненкова и некоторые др.

Что представлял собой словарь Даля на фоне развивающейся русской лексикографии? В своей рецензии И. И. Срезневский писал: «Давно уже в русской литературе не было явления в такой мере достойного общего внимания и признательности, как этот словарь». Он был принципиально иным, нежели имевшиеся академические словари, к которым привыкла читающая публика. Необычным было его название — «Толковый словарь живого великорусского языка». Это название появилось не сразу, а только в 1860 году, за три года до его издания, и было сообщено Далем как окончательное в докладе на заседании Общества любителей российской словесности. До этого словарь имел такие названия: «Словарь живого народного русского языка по всем наречиям», «Запасы для толкового словаря».

Даль впервые употребил термин *толковый* по отношению к словарю и объяснил его так: «Словарь назван *толковым*, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных». В этих словах — ключ к пониманию и восприятию словаря Даля. В «Напутном слове» Даль пишет, что он употребил термин *великорусского* вместо *русского* потому, что исключил из словаря, как тогда говорили, малорусское и белорусское наречия, церковный язык. Термином *живой* Даль показывает, что в словарь включены только бытующие в народе слова, «указывает на желание захватить все то, что среди нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать». Таких слов в словаре В. И. Даля около 200 тысяч.

В процессе работы Даль несколько отступил от этих принципов, руководствуясь своими взглядами на развитие русского «письменного» языка, на распространение просвещения и грамотности в народе, которые

иногда шли вразрез с прогрессивными взглядами русского общества того времени. В частности, он незаслуженно умалял роль иностранных слов в русском языке. Даль не исключал их полностью, но рекомендовал заменять исконно русскими словами, которые иногда придумывал сам и не очень удачно. Например, вместо известного и довольно широко распространенного в то время в русском языке *атмосфера* он предлагал придуманные им слова *коложэмица*, *мирокóблица*. Это вызвало резкие возражения и дало основания для утверждения, что в словаре Даля много выдуманных слов. В действительности же таких слов в нем было предельно мало; об этом писал и сам Даль в «Напутном слове»: «...в красной строке [т. е. в заглавном слове] или в числе объясняемых слов, *сочиненных мною слов нет*».

Словарь Даля ценен для нас в первую очередь тем, что в нем запечатлен определенный лексический состав русского языка XIX века и в нем практически отражены все стороны жизни русского человека, преимущественно крестьянства. Это не словарь русского литературного языка, который, как известно, начинается с Пушкина. В нем нет современной лексики, нет строго выдержанной семантической разработки слов, отсутствуют стилистические пометы. В словаре наиболее полно (по сравнению со словарями или описаниями того времени) представлена лексика, характеризующая быт русского народа — промыслы, материальную и духовную культуру. Так, впервые зафиксированы слова, характеризующие рыболовство: *абрáшка*, *блеснítь рыбу*, *брédняк*, *вятель* и *вятерь*, *кокогítь рыбу*, *лясы*, *мáрик* и др.; названия, относящиеся к пище: *балабошка*, *бублик*, *гречневка*, *грудник*, *дорожник* и т. д. (см.: Канкава М. В. В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958).

Толкования слов у Даля неповторимо своеобразны. Он не просто стремился зарегистрировать слово в определенном значении, но и дать о нем энциклопедические сведения, привести к нему синонимический ряд, то есть подобрать слова, близкие по смыслу, указать, где каждое из них встречается: соответствующие «речения», терминологические выражения, пословицы и поговорки.

Стремлением показать «живой язык» объясняется и преимущественно гнездовое расположение слов (за исключением приставочных образований). Алфавитный принцип В. И. Даль считал тупым и сухим, разрывающим живую связь слов: «Самые близкие и сродные речения, при законном изменении своем на второй и третьей букве, разносятся далеко врозь...; всякая живая связь речи разорвана и утрачена...» (Напутное слово). Однако автор не всегда правильно определял родство слов, иногда объединял в одном гнезде даже разные слова, давал неправильные этимологические пояснения.

Вместе с тем в этом словаре большую ценность для изучения богатства и выразительности русского языка представляют приведенные синонимы, фразеологическое и терминологическое употребление слов. Так, к слову *ез* или *яз* (загородка в виде частокола или плетня поперек реки для задержания рыбы) даны синонимы: *городьба, перебой, закол, учуг*; к *аир* (болотное растение из семейства арониковых) — *ир, касатик, сабельник, татарник, пищалка, лепета, лепешник*. В слове *красный* выделен оттенок — «о доброте, красоте: красивый, прекрасный, превосходный, лучший», но полностью значение раскрывается в следующих сочетаниях: *красный товар, красная дичь, красная рыба, красное окно, красная изба, красный угол, красная лавка, красное крыльцо, красная девица, красное солнышко, красный денек, красная пора, красное словцо* и др.

Пословицы и поговорки (их около 30 тысяч) раскрывают жизнь слова в языке. На слово *красный* помещены такие: *на людях и смерть красна; жить в добре и красне хорошо и во сне; сын да дочь — красны детки; красны похороны плачем, свадьба песнями; дело толком красно; рад дурак красному; птица крыльями сильна, жена мужем красна; не всяк умен, кто в красне наряжен; не красна изба углами, красна пирогами* и др.

В словаре широко представлен этнографический материал. Некоторые из критиков неодобрительно отнеслись к его включению в словарь. Но наиболее серьезные рецензенты уже тогда понимали значение этих сведений. И. И. Срезневский, П. И. Савваитов, М. П. Погодин отме-

чали, что словарь В. И. Даля является не только самым большим собранием слов, но в нем наиболее полно представлены этнографические сведения о русском народе. Дано описание реалий (предметов, вещей, явлений): их устройство, внешний вид, время и место употребления, связанные с ними нравы и обычаи и т. п. При слове *кокошник*, *кокуй* и *кокошка* (народный головной убор русских женщин в виде опахала или округлого щита вокруг головы) сообщается: *Кика* и *сорока* носятся только замужними, делаются из лубка кузовком, а *кокошник* носят и девицы, это легонький веер из толстой бумаги, пришитый к шапочке или волоснику, он состоит из убранного начельника и донца, или начельника и колосника со спуском позади ленты. И приведена поговорка: *Вот тебе кокуй, с ним и ликуй*. В настоящее время эти сведения приобрели характер непреходящих ценностей, и чем дальше отходим мы от времени создания словаря Даля, тем чаще обращаемся к ним.

Подвиг В. И. Даля высоко оценили современники. Ему была присуждена Ломоносовская премия Академии наук, золотая Константиновская медаль, премия Дерптского университета. «Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля немислима», — писал М. П. Погодин. Владимир Иванович Даль был избран почетным членом Академии наук.

Естественно, что мимо богатств, собранных Далем и представленных в его словаре и книгах, не могли пройти лучшие представители русской культуры, те, кто создавал и развивал ее. Известно, что к произведениям В. И. Даля обращались Пушкин, Тургенев. Словарем Даля часто пользовался Л. Н. Толстой, он делал из него много выписок, которые использовал в своем творчестве.

«Великолепная вещь» — так назвал словарь Даля В. И. Ленин (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 122). По свидетельству людей, близко знавших В. И. Ленина, этот словарь постоянно находился на этажерке рядом с письменным столом Владимира Ильича в совнаркомовском кабинете (В. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич).

В наше время создаются и переиздаются многотомные словари современного русского литературного языка, выхо-

В. Порудоминский.

**ПОВЕСТЬ
О ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ**

В 1981 году вышел последний том седьмого издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля — своеобразной энциклопедии народного языка и быта. Словарь включает в себя около 200 тысяч слов общеупотребительной лексики, говоров, профессиональной речи и т. п.; 30 тысяч пословиц и поговорок. Как было создано одним человеком это уникальное издание, рассказывается в книге В. Порудоминского «Повесть о Толковом словаре», выпущенной московским издательством «Книга» (серия «Судьбы книг») в 1981 году.

В. Порудоминский — автор книг о Дале, Гаршине, Пирогове, Ге и других выдающихся деятелях культуры и науки — в увлекательной форме знакомит читателя с этапами жизни В. И. Даля, с его титанической работой над словарем.

В самом начале книги автор приглашает читателя в удивительное путешествие — в мир слов: «Первое слово в Словаре... АБА — „толстое и редкое белое сукно; плащ из него. *Абиное сукно* — окончина в окно; редко, сквозит“. Отсюда по меньшей мере три дороги. Можно отправиться вслед за „плащом“, можно — за „сукном“, можно, наконец, за „окном, окончиной“». Отправляясь в это путешествие, читатель узнает много интересного о многозначности слов, их красоте; о том, где и когда записал Даль первое заинтересовавшее его слово (*замолаживает*): «Заберитесь однажды в Далев Словарь, — предлагает автор, — с этой поры вы будете ловить себя на том, что вам хочется, нужно, необходимо вновь отправиться в путешест-

дят фразеологические, синонимические, этимологические, орфографические, орфоэпические, словообразовательные, грамматические, русских народных говоров и многие другие словари. Значительных успехов достигла историческая лексикография. И можно безошибочно сказать, что авторы и составители этих словарей неоднократно обращались в процессе нелегкого труда лексикографа к Толковому словарю Даля. К нему обращаются все, кто небезразличен к русскому языку, кого волнует его дальнейшая судьба и кто хочет знать свое прошлое. Вышло семь изданий словаря, а он все еще библиографическая редкость. Это лучший памятник замечательному творению и его бессмертному автору — Владимиру Ивановичу Далю.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

вие: не ставьте Словарь далеко — положите под рукой».

В. Порудоминский приводит на страницах своей книги интересные факты из жизни В. И. Даля. Перед нами предстает воин и военный врач (отличился в сражениях под Кулевчами и на реке Камчик в русско-турецкую войну 1828—1829 гг.), разносторонний ученый (автор известных в свое время учебников по ботанике и зоологии, проектов об улучшении быта помещичьих крестьян, о преобразовании земского суда, о монетной системе и др.), известный литератор (под псевдонимом Казак Луганский писал очерки, повести, рассказы, сказки).

На обширном материале показан путь, который привел Дalia к идее создания Толкового словаря. Любовь к народной речи, устному народно-поэтическому творчеству сблизила Дalia и Пушкина. Тогда и родилась идея — создать «Толковый словарь живого великорусского языка». В книге приведены интереснейшие факты творческого взаимообогащения двух выдающихся людей России.

В 1864 году появился первый выпуск Далева словаря. В. Порудоминский приводит любопытные оценки, данные Словарю известными учеными. «Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля неммыслима. Но вакантных

мест ординарного академика нет. Предлагаю всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далию» — так говорил М. П. Погодин. Академик Я. К. Грот писал: «Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода и для литературного дела».

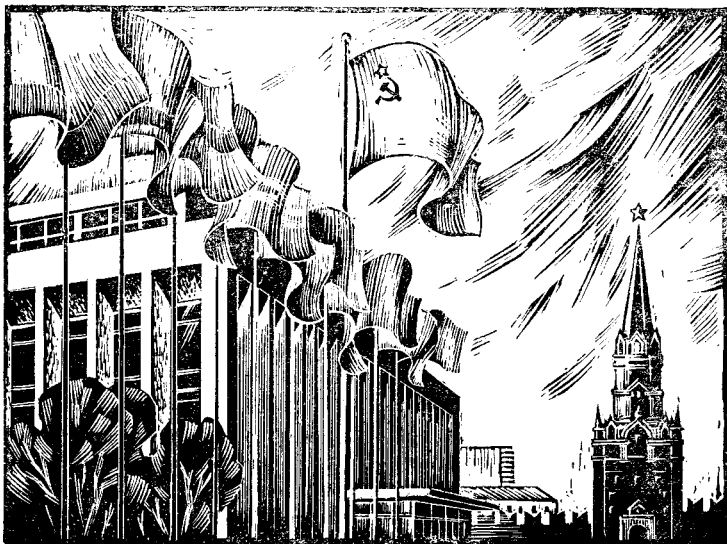
К словарю Даля обращался В. И. Ленин. Н. К. Крупская вспоминала: «Чтобы понять, какая образность близка крестьянину, Владимир Ильич, между прочим, особенно внимательно читал и изучал словарь Даля, настаивал на его скорейшем переиздании». За годы Советской власти словарь переиздавался три раза.

Книга В. Порудоминского написана живым, образным языком, хорошо проиллюстрирована. Прочитав ее, широкие круги читателей, интересующихся русской историей, культурой и наукой, узнают много интересного об удивительном человеке и удивительном словаре — его детине.

В. К.

Словарь Даля — это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в., широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию...

В. В. Виноградов

С ТРИБУНЫ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В Москве, в Большом Кремлевском дворце с 30 июня по 4 июля работал VII съезд писателей СССР, на котором литераторы выступали с творческим отчетом перед народом, перед партией. VII съезд писателей собрался в знаменательное время, когда трудящиеся нашей страны приступили к претворению в жизнь задач и планов, намеченных XXVI съездом Коммунистической партии Советского Союза.

В докладе «Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI съезда КПСС» первый

секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков сказал: «Обозревая литературу, мы имеем сегодня полное основание сказать, что советская многонациональная литература — это литература динамичной мысли, мысли, окрыленной нашим мировоззрением, воодушевленной историческим оптимизмом, присущим нашему социальному строю». И далее: «Семьдесят семь языков, на которых сегодня создаются литературные произведения, выразительно и сильно звучат в многоголосом хоре великой советской литературы».

Главная отличительная черта современного этапа развития советской многонациональной литературы — активное вторжение в жизнь, раскрытие нравственного мира нашего современника — строителя коммунизма.

Первостепенное значение в воспитании имеет, по словам А. М. Горького, «слово — первоэлемент литературы». Об этом очень эмоционально говорил с трибуны съезда Федор Абрамов. «Любовь к слову, понимание красоты и силы его закладываются с детства — в семье, в детском саду, в начальной школе. И потому должен быть особый спрос с литературы для малышей, с детских издательств и особенно с хрестоматий, с «Родной речи». К сожалению, «Родная речь» оставляет желать лучшего. Два стихотворения Пушкина для первого класса — не маловато ли?

Классики, классики. И Пушкин. Пушкин — отец наших душ. Это должно быть неизблемой основой всех школьных хрестоматий. Ведь именно классики — связующая духовная нить разных поколений.

В последнее время я получаю много писем от словесников средней школы, и в них один крик, один стон: помогите спасти уроки литературы. Пора всем понять: перегрузка школьника всевозможными предметами и недогрузка его родным словом могут обер-

нуться самыми серьезными последствиями, особенно в наш век всеобщей технизации и усыхания сердца.

Преподавание литературы в школе связано и с подготовкой учителей. А по моему глубокому убеждению, преподавание советской литературы в вузах вызывает еще большую тревогу.

XX век подводит свои итоги, и сделать их обнадеживающими — это зависит и от нас, писателей.

Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове скрыта самая великая энергия, известная на Земле, — энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы, слово двигало народы в борьбе за равенство и братство, подымало на революцию. И сегодня, в век неслыханной, небывалой спекуляции словом, лишь нам, писателям, дано вернуть слову его изначальную мощь и силу».

Литература вместе с семьей, школой, жизнью — великий воспитатель человека коммунистического общества. Г. М. Марков в докладе подчеркнул воспитательное значение детской литературы, сказав: «Школа и учитель — важная тема литературы, у нее чет конца, как у самой жизни». Об этом же взволнованно говорил в своем выступлении Чингиз Айтматов: «Одна из

главных задач писателя — поставить диагноз нравственного состояния общества, предвидеть эволюцию в духовной атмосфере времени.

В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о проблеме школьного учителя как воспитателя, словесника, проповедника культуры, как основной фигуры в обществе, связующей поколения и формирующей облик юных граждан. Да, такая проблема существует. И не потому, что с учителем в стране что-то неладное, нет, он на месте, он дает образование. Однако образование и воспитание — далеко не одно и то же. Не исключая, разумеется, семью, от учителя зависит, каких нравственных принципов будет придерживаться в будущем человек, что он будет читать, сможет ли осилить Достоевского и Толстого или ограничится чтением детективных романов в ранней юности.

Учительство — великая сила страны. Духовный потенциал учительства определяет в нашей жизни очень многое. Источники знаний, культуры, патриотизма закладываются в сознание детей при непосредственном и повседневном радении учителя...

Мы все обязаны помочь поднять профессиональный и социальный престиж школьного учителя, если мы хотим, чтобы воспитателем был Учитель с большой буквы, а не случай-

ный человек, не имеющий призвания, тяготящийся воней педагога...».

Русский язык — это язык межнационального общения. На съезде выступали писатели, представители многих национальных литератур, горячо говорившие о взаимном обогащении советских национальных культур, о роли перевода с русского языка на национальный и с национального на русский. Так, Вардгес Петросян (Армения) сказал: «Огромное значение имеют в нашей стране переводы книг на другие языки, и в первую очередь на русский, являющийся золотым мостом, соединяющим национальные литературы». А Павел Боцу (Молдавия), отметив, что для писателя главным строительным материалом является слово, подчеркнул, что «неоценимую роль в благородном деле интернационализма играет русский язык, язык братства и взаимообогащения. Посредством русского языка мы познаем культурные ценности других народов, посредством русского языка наша молдавская культура стала всеобщим достоянием».

Закончив свою работу, съезд писателей СССР призвал всех советских литераторов отдать свой талант и мастерство делу коммунистического созидания, делу мира, сотрудничества, прогресса.

М. А. ГАЛМАНОВА

К 160-летию
со дня рождения
Н. А. Некрасова

«СЕСТРА
НАРОДА —
И МОЯ!»

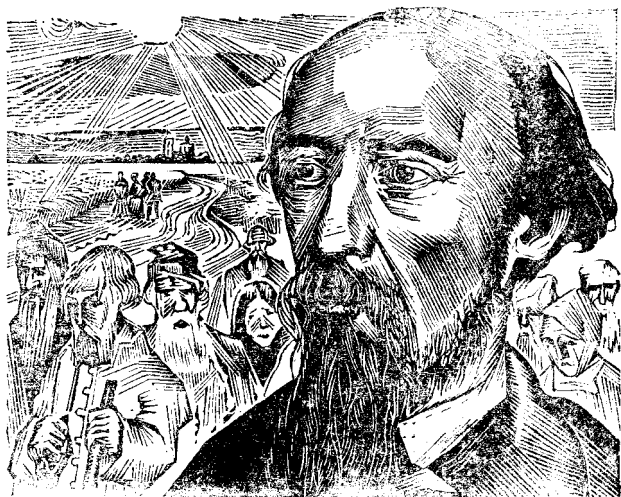
Творчество Н. А. Некрасова принадлежит к вершинным явлениям русской поэзии. В истории отечественной культуры Некрасов выступил как певец эпохи революционно - освободительного движения в России середины прошлого столетия. Он явился продолжателем традиций поэзии предшествующего периода, преемником Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Особенно значительна преемственная связь между Некрасовым и Пушкиным.

Д. Д. Благой, сопоставляя достижения обоих поэтов, отмечает: «важнее... было воздействие на творческое развитие Некрасова новаторского метода, составляющего одно из самых значительных и чреватых будущим художественных открытий Пушкина 30-х годов... стихотворный мир Пушкина, каким бы «прозаичным»... он ни был, сохранял все магическое обаяние, всю поэтичность, присущую стихам великих поэтов, оставался поэзией действительности. Это было главным, основным, что дал Некрасову Пушкин» (Благой Д. Д. Две эпохи русской поэзии (Некрасов и Пушкин)).

Вместе с тем Некрасов сделал значительный шаг вперед на пути развития русской поэзии, обогатив ее новыми творческими достижениями. Он стал новатором в различных областях художественного творчества: в идейно-образном содержании произведений и способах поэтического решения традиционных тем, в характере использования речевого материала и широком вовлечении в поэзию средств из публицистического и, что особенно важно, из пародного источника.

*

Новое нагляднее проступает на фоне известного, при сравнении с ним. Так, например, отношение поэта к искусству, творчеству, связь понятий «поэт» и «поэзия» посто-

янно интересовали авторов лирических стихотворений. Произведения на эту тему есть у Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова и других поэтов, творивших до Некрасова. Обращение к этой «вечной» теме Некрасова отмечено неповторимым своеобразием. Остановимся, чтобы показать это, лишь на двух небольших по объему стихотворениях поэта, которые связаны, помимо единства темы, глубоким пониманием общественной роли поэзии. Это стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...» и «Музе», отделенные одно от другого почти тридцатилетием.

В первом из них слово *Муза* — символ поэзии в литературной традиции — выступает в своей обычной роли, как обозначение темы поэтического творчества. Однако в стихотворении устанавливаются своеобразные связи и отношения между этим традиционно-поэтическим символом и другими изобразительными средствами.

В лирической поэзии Муза обычно представлялась как существо, покровительствующее поэту или обнаруживающее свою неприязнь к нему, существо, с которым поэт ищет общения или почему-либо его не находит. Например: «С тех пор как с Музами, к несчастью, обращаюсь Покою ни на час...» (Батюшков. Послание к стихам моим); «Но музы от него лица не отвратили, И меланхолии печать была на нем» (Жуковский. Сельское кладбище); «Беру перо, сию; пасильно вырываю У музы дремлющей несвяз-

ные слова». (Пушкин. «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»)

В стихотворении «Вчерашний день, часу в шестом...» внимание сосредоточено не на традиционной связи музы — вдохновительницы поэта и самого поэта-творца, а на той связи, которая возникает между музой, с одной стороны, и содержанием поэтического творчества, его объектом и героем.

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

(Цитируется: Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1948, т. 1).

Здесь Муза — родная сестра крестьянки. Это важный момент идейно-образного содержания стихотворения, поскольку в тексте объединяются явления, ранее обычно не объединяемые в поэзии. В уподоблении условно-поэтического (муза) реальному и конкретному (муза — сестра крестьянки) для автора существенно обратить внимание на последнее, что и достигается им с помощью композиции стихотворения. Крестьянка — основное действующее лицо представленной сцены наказания. Эта сцена занимает всю первую строфу и продолжается во второй. Прямое и иносказательное наименования крестьянки — *крестьянку молодую* и *сестра твоя родная*, то есть сестра музы, выделены композиционно: они помещены в заключительном стихе каждой из строф стихотворения. Образы смысловой повтор, эти стихи концентрируют на себе внимание. Поэтический символ включается, таким образом, в реалистическую систему Некрасова.

Факт наказания представлен в стихотворении как обыденный. Указано даже время действия — «Вчерашний день, часу в шестом, Зашел я на Сенную». К. И. Чуковский — исследователь творчества Некрасова — рассматривает некрасовское «введение в поэзию точных чисел и дат, определяемых календарем и часами» как проявление «борьбы с литературными традициями так называемой „высокой

поэзии“» (Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1952). Вместе с тем в этом описании использованы исключительно разговорные и нейтральные слова. Тон повествования определяют оборот *вчерашний день* (ср. нейтральное — *вчера*), свойственная повседневной речи неопределенность обозначения времени сочетанием *часу в шестом* (ср. определенное и нейтральное *в шестом часу*). Выраженная в разговорной форме, эта деталь становится стилистически значимой.

Связь образов музы и крестьянки в тексте стихотворения открывает переносный смысл второго из них. Если поэтический символ *муза* метонимически обозначает причастность к поэзии, творчеству, то образ *крестьянки* метонимически замещает крестьян, то есть народ. Условный поэтический символ служит, следовательно, в стихотворении выяснению связи и взаимоотношения таких явлений, как поэзия и народ. Автором устанавливается близкая родственная связь между музой и крестьянкой, поэтически выражается сочувствие народу.

Эта существенная часть смыслового содержания стихотворения обнаруживается в результате резкого изменения общего тона при переходе от первой композиционной части — повествовательно-реалистической, ко второй — обобщенно-лирической. Важную роль в изменении стилистического звучания играет высокое наименование орудия наказания — *бич*, которое во второй строфе как бы сменяет прямое его наименование — *кну́т*. *Бич* в стихотворной традиции — символ насилия, угнетения, слово, характерное для гражданской поэзии. Ср., например, у Пушкина в стихотворении «Вольность»:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы

или в стихотворении «Деревня»:

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.

Высокое звучание и обобщенное значение символа *бич* служит включению в стихотворение высокой гражданской темы.

Подчеркнутая эмоциональность второй строфы связана не только с употреблением поэтических символов *бич, муза*, что само по себе очень важно, но и с изменением интонационно-синтаксического рисунка текста: повествовательная интонация рассказа, короткие законченные предложения сменяет сложное предложение с деепричастным оборотом, затем фраза обрывается (многоточие). В последних стихах вводится обращение автора к музе. Стилистический контраст конца стихотворения с его начальной строфой заставляет читателя взглянуть глазами поэта на трагический факт, увиденный им в жизни, глубоко прочувствованный и вынесенный на суд читателя. Вторая часть стихотворения создает напряженный драматизм, который сообщается звучанию всего художественного целого.

Если в стихотворении «Вчерашний день, часу в шестом...» поэтический символ *муза* служит в реалистическом описании установлению взаимосвязи поэзии и народа (муза — сестра крестьянки), то в стихотворении «Музе», глубоко «личной» лирической миниатюре, созданной уже тяжело больным Некрасовым в предпоследний год его жизни, тот же символ входит в осознанное триединство поэзия — народ — сам поэт (муза — сестра народа — и моя).

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

Особая значимость в установлении этой смысловой связи принадлежит последнему стиху, в котором одновременно композиционно выделены и объединены три основные темы, три главных героя лирики Некрасова: поэзия (муза), народ (муза — сестра народа) и поэт (муза — сестра народа — и моя!).

Убедительность емкого словесного образа опирается здесь на предшествующее творчество поэта, поскольку ощутима перекличка со стихотворением «Вчерашний день, часу в шестом...» и на поэтическую традицию. Но образ музы, в отличие от музы в стихотворении 1848 года, одухотворен. Все стихотворение — это непосредственное обращение к ней поэта с просьбой, как к близкому, родному человеку — «Приди, закрой глаза поэта».

В обращенных к музе словах объединены интимность просьбы с высокой поэтической фразеологией, соответствующей трагической ситуации: «закрой глаза поэта На

вечный сон небытия». Эмоциональный образ создается в стихотворении как ореолом поэтичности, окружающим образ музы в истории поэзии, так и речевыми средствами. В краткую форму четверостишия вмещено словосочетание, в котором общеязыковая фразеология *закрывать глаза кому* сливается с перифразой *вечный сон небытия*. В этой перифразе участвуют два близких по значению поэтических сочетания *вечный сон* и *сон небытия*, благодаря чему тема скорой кончины получает двойное обозначение. Этим нагнетается трагическое настроение.

На фоне распространенных в поэзии XIX века штампов стихотворной речи типа *друг, подруга кого, чего остро* ощущается новизна определения музы Некрасовым: «сестра народа — и моя». В стихотворной традиции эти сочетания использовались при описательном обозначении связи двух объектов, например, поэт — *друг муз*; чернышница — *подруга поэта*; муза — *подруга чьих-то дней* и т. п. В тексте стихотворения муза максимально приближена к народу и поэту — она их сестра. Новое определение музы-поэзии, указывая на теснейшую связь (сестра народа, а не подруга) поэзии и народа, говорит и о кровном родстве с ними поэта (сестра народа — и моя). Такого определения поэзии не было и не могло быть до Некрасова. Право на него поэт заслужил своим творчеством: ощущая народную боль как свою, он отзывался на нее своей поэзией. Таким образом, в определении поэзии-музы совмещены и поэтическое, и глубоко личное содержание, которое поэт вкладывал в этот символ.

Выразительность стихотворения «Музе» связана также с употребленным вариантом разговорного сочетания *чья-то песенка спета*. В обращении к музе «*О муза! наша песня спета*» это сочетание сохраняет свое обычное значение «чья жизнь, благополучие кончились»; но одновременно оно приобретает и другой, отвлеченный смысл, связанный с поэтическим творчеством. Глагол *петь*, как известно, широко употреблялся в поэзии в переносном значении «заниматься поэтическим творчеством», так же как и соотношенные с ним по содержанию слова *песнь, песня, пение, глас, голос*, как, например, в сочетаниях-штампах *пенье муз, голос музы, муза поет* и т. п. Экспрессивное разговорное сочетание включается, таким образом, в состав собственно поэтических средств, связанных между собой единством устойчивого в поэзии метафорического значения. Развитие поэтических значений у разговорных слов

и сочетаний, у наименований процессов и предметов трудового крестьянского быта является характерной чертой поэзии Некрасова. В лирике Некрасова осуществляется не только употребление таких средств рядом и наравне с другими, но и широкое их использование для выражения отвлеченных, обобщенно-переносных значений. Такие значения получают, например, слова *лапти*, *проторить* в стихотворении «Друзьям» 1876 года:

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

*

Родство поэзии Некрасова с народом, о котором в поэтической форме говорят стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...» и «Музе», конечно, не исчерпывается лирическими самопризнаниями поэта. Оно многомерно. Поэзия Некрасова говорит о народе, в ней слышится голос народа, в ней выражены его интересы и чаяния. Именно поэтому столь значительно ее влияние на последующее развитие русской поэзии, столь велики любовь к Некрасову и преклонение перед ним — поэтом и гражданином.

Это выражено в поэтическом обращении к Некрасову нашего современника Е. Евтушенко. Во вступлении к поэме «Братская ГЭС» есть такие строфы, написанные им в стиле любимого поэта:

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей —
у парадных подъездов, у рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неязящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

(Цитируется: Евгений Евтушенко. Братская ГЭС, М., 1967).

Н. Н. ИВАНОВА
Рисунок Ю. Космынина

КТО может остаться равнодушным к завораживающей гармонии звуков в стихотворениях Некрасова? С детства наша память удерживает счастливо найденные поэтом сочетания слов, объединенных удивительной «звуковой перекличкой». Это и веселые созвучия *мужичок с ноготок, Мазай и зайцы*; это и жесткие, трагические и «непоэтичные» звуковые повторы *верченый, крученый, сеченый, мученый*; это и резкие аллитерации, придающие стихам энергию и силу *Иди к униженным, Иди к обиженным, Там нужен ты*; это и раздольные песенные ассонансы:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка — Русь!

Кому на Руси
жить хорошо

(Цитируется: Некрасов Н. А. Сочинения в трех томах, М., 1959)

Поэзия Некрасова выделяется в русской литературе своим особым голосом, ее отличают не только любимые поэтом трехстопные размеры, разговорные интонации, многосложные, непривычно длинные слова, но и звуковая окраска речи, ее «тембр», который определяет свойственное только ему фонетическое «притяжение» слов.

Наблюдения над звуковой организацией поэтической речи

ГАРМОНИЯ ЗВУКОВ, МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ

Некрасова, в которой ярко отразилась народность его стиля, помогут глубже проникнуть в творческую лабораторию поэта, выявить своеобразие его художественной манеры.

*

Традиции устного народного творчества в поэзии Некрасова сказываются и в умелом вводе пословиц и поговорок, отмеченной яркой звуковой инструментовкой (Кукуй, кукуй, кукушечка! Заколосится хлеб, Подавишься ты колосом — Не будешь куковать!), и в излюбленных им словесных повторах и многочисленных тавтологических сочетаниях, используемых как средство звуковой инструментовки (День денна́ моя печальница, В ночь — ночная богомолица! Никогда тебя, желанная, Не увижу я теперь!).

Фольклорное звучание поэтической речи придает и нанизывание созвучных глагольных форм, а также существительных с одинаковыми морфемами, что можно проиллюстрировать примерами из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми...

Одинаковые приставки создают анафору (фигура речи, состоящая в повторении начального звука, звукосочетания), суффиксы и окончания — эпифору (повторение конечных звуков и звукосочетаний). Эти виды звуковых повторов у Некрасова обычно дополняются различными аллитерациями:

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые,
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы,
И труженицы вечные...

Кому на Руси жить хорошо

Для стиля Некрасова показательным и то, что в основу звуковых повторов поэт обычно кладет морфемы с разговорно-просторечной окраской, повторяет слова, заключающие яркий народный колорит:

Приспела скоро водочка, Приспела и закусочка — Пируют мужички! (там же).

Особый демократизм стиля Некрасова проявился в том, что поэт старался выделить средствами звукописи просторечные слова. Вот пример из той же поэмы: Мужик что бык: втемяшится В башку какая блажь, Колом ее оттудова Не выбьешь...

Поэзии Некрасова была чужда эстетизация «нежных», пыканых звуковых узоров, ее отличает обилие созвучий, которые придавали речи «непоэтическую», сниженную окраску. Какой еще поэт, кроме Некрасова, решился бы в его время оттенить «некрасивыми» аллитерациями на свистящие и шипящие символический образ Музы:

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы...
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей...

Муза

Некрасова несколько не смущало «непоэтическое» звучание подобных аллитераций, и он даже образует новые слова с такой же фонетической доминантой, чтобы усилить сатирическую окраску речи. В поэме «Современники» выразительные аллитерации на шипящие, выделяющие к тому же «внээстетические» сложные слова, ярко передают отрицательную эмоциональную оценку описываемого:

Прочь! Гнушаюсь ваших уз!..
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватывающий,
Всеворующий союз!..

Неблагозвучие в поэзии Некрасова как одно из сильных средств его сатиры подчеркивало отрицательные явления жизни, отражало отсутствие гармонии, красоты в изображаемых предметах. Такова звуковая инструментовка на согласную *p* в некрасовских стихах, расцвеченных разнообразными аллитерациями:

Военный пир... военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
Аничков — вор!
Мордвинов — вор! —
Кричит зарвавшийся оратор.

Известно, что при восприятии звучащей речи наиболее «выпуклы» непривычные в контексте, редкие слова: их фонетическая

окраска задерживает наше внимание. И Некрасов — один из первых русских поэтов, которые средствами звукописи стали подчеркивать необычные в поэзии, неожиданно хлесткие слова, создающие яркие сатирические образы. В поэме «Современники» эта черта стиля Некрасова проявилась особенно последовательно: автор, рисуя сатирические портреты «столпов общества», не жалеет ярких экспрессивных красок:

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы...

Обращался Некрасов к звукописи и для того, чтобы усилить идейно важные для его поэзии слова-символы, взятые им из прозаической речи и в контексте выполнявшие главную смысловую роль. Так, звуковым «курсивом» у Некрасова часто выделены такие, например, существительные, как *терпенье, страданье, страда*: Я призван был воспеть твои страданья, Терпеньем изумляющий народ! И бросить хоть единый луч сознания На путь, которым бог тебя ведет. Эти некрасовские слова-находки, подчеркнутые аллитерациями, часто становились логическим «стержнем» фразы, к которому «притягивалась» созвучная лексика:

Не делай никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцанье народных страданий
И в сознание бессилья — умри!..

Старость

Звуковая инструментовка в поэзии Некрасова выполняет важную смысловую функцию, усиливая логические акценты, подчеркивая самые значительные слова, образы. Вспомним «Элегию», в которой звуковой перекличкой связаны слова, несущие основную идейную нагрузку: Пускай нам говорит изменчивая мода, Что тема старая — «страдания народа» И что поэзия забыть ее должна... И далее в стихотворении «всплески» звукописи отличают самые значительные строки: Увы! пока народы Влачатся в нищете, покорствуя бичам, Как тощие стада по скошенным лугам... Толпе напоминать, что бедствует народ... К народу возбуждать вниманье сильных мира. В стихотворении «Железная дорога» звукопись также выделяет самые впечатляющие художественные образы, самые значительные в развитии темы строки: Славная осень! Здоровый, ядреный Воздух усталые силы бодрит; Быстро лечу я по рельсам

чугунным, Думаю думу свою..; Многие — в страшной борьбе, К жизни воззвав эти дебри бесплодные, Гроб обрели здесь себе; Благослови же работу народную И научись мужика уважать и т. д.

Логическая функция звукописи требует особенно внимательного фонетического отбора слов, связанных по смыслу и грамматически. Некрасов мастерски владел этим стилистическим приемом, создавая самобытные художественные образы. Например, в «Железной дороге»: Грабили нас грамотей-десятники, Секло начальство, давила нужда... Волосом рус, Видишь, стоит, изможден лихорадкой, Высокорослый больной белорус: Губы бескровные, веки упавшие...

Наблюдения над стилем Некрасова убеждают в том, что излюбленным приемом поэта было звуковое сближение эпитетов и определяемых слов. Например, в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: На комара корёжского Костлявый я похож..; Худой, как зайцы зимние; холуй хитер; тараторка-странница и тихий богомол; палач, заплакавший ошибкой (Родина); И липа бледнолистая, и белая березонька (Зеленый шум) и т. д. Звуковой подбор лексики ощущается и в рядах однородных членов: Леса, луга поемные, ручьи и реки русские весною хороши (Современники); Прямо дороженька; насыпи узкие, Столбики, рельсы, мосты; Мерзли и мокли, болели; ...Лабазник, Толстый, присадистый, красный, как медь (Железная дорога).

Звуковая инструментовка в поэзии Некрасова играет и важную композиционную роль. Смена звучания отражает каждый поворот мысли, появление новых образов. Например, в стихотворении «Русскому писателю»: Служки не славе, не искусству,— Для блага ближнего живи, Свой гений подчиняя чувству Всеобнимающей любви. Такое использование звукописи нередко придает особую фонетическую окраску каждому новому стиху в том или ином произведении:

Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон — тоскою постоянной...

«Еще скончался честный! человек...»

Стилистическое использование звукописи порой придает речи пролический оттенок:

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдал, —
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
У! как бледен! Опять пошалил?

В этих строчках из «Современников» художественно значим и подбор глагола с «сильным» звуком *ш* в последней реплике, так как за ними угадывается сатирический образ Гроша, шута, характеризующего которого ранее, поэт уже обыгрывал аллитерации на шипящие.

Некрасов обращался к звукописи, чтобы усилить трагическую интонацию в поэтической речи, и тогда его гений создавал сильные драматические картины:

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!

Кому на Руси жить хорошо

Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?

Современники

*

В поэзии Некрасова нас завораживает богатая палитра красок и звуков, рисующих мир природы. Эта черта его стиля обращает исследователя к оценке звукоподражания в произведениях поэта. Некрасов показал высокое мастерство и в этой сфере. К звукоподражанию он охотно прибегал, чтобы запечатлеть гармонию жизни. Такова, например, звуковая организация его стихотворения «Надрывается сердце от муки...»:

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

.
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,

Разом слышны — папев соловьиный
 И пестройные пiski галчат,
 Грохот тройки, скрипенье подводы
 Крик лягушек, жужжанье ос,
 Треск кобылок, — в просторе свободы
 Все в гармонию жизни слилось...

Здесь переданы самые различные звуковые впечатления: повторение шипящих доносит «зеленый шум» весны; «переливы» *ворл-в-р-вол* — плеск ручья; звукоподражательные глаголы, усиленные соседними аллитерациями, воспроизводят реальные «голоса» природы; повторение *а, у* — эхо в лесу. При этом наряду с традиционными для звукоподражания в русской поэзии созвучиями, в этой зарисовке художественную нагрузку получают и неожиданные сочетания слов, создающие яркие звукообразы. Некрасов, конечно, в совершенстве владел испытанными средствами звукоподражания. Например, он мог в фонетическом рисунке речи легко передать звукообраз тишины — для этого использовались слова с преобладанием глухих согласных, исключались резкие звуки, в особенности *р*. К сгущению шипящих и свистящих поэт часто прибегал, описывая ночной лес, шум и шорох ветвей: Послышался шорох случайный — Вершинами белка идет (Мороз, Красный нос). Никто, кроме Некрасова, в нашей литературе не пытался средствами звукописи усилить необычные для поэзии сочетания слов, изображающих отвратительные стороны российской действительности, только у него аллитерации передают удары кнута, звуки от барских пощечин: Она [толпа] несет хвалы, венцы и лавры Лишь тем, Чей бич хлестал ее больней (Мать); Вот были люди гордые! А нынче дай затрещину — Исправнику, помещику Тащат последний грош (Кому на Руси жить хорошо). Необычные звуковые повторы, например, в поэме «Мороз, Красный нос»: Люблю я в глубоких могилах Покойников в иней рядить, И кровь вымораживать в жилах, И мозг в голове леденить...

Прекрасно зная язык народа, Некрасов находил в разговорной и просторечной лексике удивительно выразительные по звучанию слова, которые точно передавали характер действия. Это и звукоподражательные существительные (Чу! лошадиный храп!), и глагольные формы, подчеркнутые ассонансами и аллитерациями (Словно как в бочку пустую угод ухае; Догнал коня — за холку хват!). Поэт любил ставить в центр фразы подобные образительно-выразительные глаголы, усиливая их звучание логическим ударением и звуковой переключкой согласных: Чего орал, куражился? На драку лез, апафема? (Кому на Руси жить хорошо).

Звукоподражание особенно привлекало Некрасова как средство реалистического изображения крестьянского быта, труда. У кого еще из русских поэтов можно найти описание каторжной крестьянской работы, ставшее классическим примером художественного использования звукописи?

Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое
Скосивши волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетухами —
Трещит крестьянский пуп!
Кому на Руси жить хорошо

Плавное чередование гласных и согласных в начале описания образно передает ритмическое движение — мы живо представляем, как «волокут» сено, причем это существительное выделено аллитерацией на *с*. Далее, сгущение шипящих дает почувствовать напряжение папряжения. Наконец, яркая инструментовка на *р, н, з*, скопление неблагозвучных слов рисует кульминацию этой драматической картины. А вот как звуковая сторона речи подкрепляет ее образность в портрете крестьянина из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Живет — с сохой возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

Ассонанс на *о*, отсутствие резких звуков в первой строке, преобладание глухих согласных отображает безрадостно-однообразный быт мужика. На фоне этих строк резко выделяется своим звучанием третья, в которой фонетическое подобие объединяет все слова, получившие изобразительное значение. И с этой строкой контрастирует четвертая, состоящая только из коротких слов, связанных необычным звуковым повтором.

Итак, в творчестве великого русского поэта Н. А. Некрасова большую роль играет звуковая организация текста, в его поэзии сливались воедино звуки, мысли, чувства, рождая удивительные и незабываемые художественные образы.

И. Б. ГОЛУБ

О РУССКОМ СЦЕНИЧЕСКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Окончание. Начало см.: 1981, № 5

Сценическая речь стремится придерживаться, в основном, старых московских норм. Однако в двух важных пунктах она отходит от них, принимая существующую сейчас в общественной практике норму:

1. Произношение гласного *a* на месте *a* в первом предударном слоге после твердых шипящих: *шагáть, шалáш, шампáнское, жаргóн* и т. д. Как известно, согласно старой московской норме, в этом случае произносился гласный типа *ы* или средний между *ы* и *э*: *шыгá, шампáнское* или *шы'гá, шы'мпáнское* и т. д. Такое произношение сейчас уместно на сцене только в качестве речевой краски, например в речи персонажей Островского или Чехова, при обычном произношении *ша, жа*. Гласный *a* уже давно произносился в фамилиях. Так, Д. Н. Ушаков произносил свою фамилию с *ша*, а известный лингвист Н. М. Каринский — *Ушы'ков*.

Однако в отдельных словах как в общественной практике, так и в сценической речи сохранилось старомосковское произношение, которое, употребляясь в обеих сферах, оказывается лишенной стилистической окраски, является нейтральной: *к сожы'лэнию* (или *к сожы'лэнию*), *лошы'дэй, лошы'дэям* (или *лошы'дэй, лошы'дэям*). Здесь же можно упомянуть слова *два'ццэт'и, трит'цэт'и* или *два'ццэ'т'и, трит'цэ'т'и*.

2. Безударные окончания 3-го лица множ. числа глаголов второго спряжения. Сцена и общепринятое сейчас произношение здесь уже не расходятся: *ды'шэ'т, стрб'йэ'т, гóн'э'т, вáр'э'т, хвáл'э'т*. Только в качестве речевой краски в репертуаре старого бытового характера — в пьесах Грибоедова, Островского — *стрб'йут, ды'шут, гóн'ут, вáр'ут*.

Однако есть свидетельства и типичных отклонений от норм сценического произношения. Приведем одно из них. М. Г. Савина, уроженка Украины, учившаяся в Одессе и начавшая сценическую карьеру в городах Украины, Белоруссии и ряде русских городов, в течение нескольких десятилетий была украшением Александринского театра в Петербурге. Вот что пишет советская актриса Алиса Коонен о своей и К. С. Станиславского встрече с М. Г. Савиной:

«Как-то мне довелось присутствовать при их горячем споре о том, какая речь должна быть признана правильной на театре: московская или петербургская. Савина, петербурженка до мозга костей, разумеется, настаивала на петербургской. Московская речь казалась ей гораздо вульгарнее. Константин Сергеевич оспаривал это, говорил, что петербуржцы боятся открыть рот, цедят слова сквозь зубы, что только московская речь с широкими выпуклыми гласными, близкая итальянской, выражает красоту русского языка. Неожиданно он попросил меня прочесть что-нибудь, сказав Савиной, что у меня истинно московская речь, которая при широких гласных не переходит в бытовую. Я в большом смущении прочитала по книжке какое-то стихотворение. Мария Гавриловна любезно сказала, что я очень мило читаю, но мнения своего, разумеется, не изменила» (Алиса Коонен. Страницы жизни. М., 1965, с. 86).

*

Оставим на совести Станиславского, насколько близка московская речь итальянской. Однако фонетисту и диалектологу, а также преподавателю сценической речи понятно, о чем идет речь. Русскому произношению украинцев свойственно довольно закрытое произношение гласных на месте безударных *о* и *а* после твердых согласных. Близкое произношение этих гласных было распространено и в ленинградском просторечии, что у коренного русского населения объясняется севернорусской, бакающей основой. Произносилось что-то вроде *гэлэва́* или *гэ́лэва́*, *мэлэдбэй* или *мэ́лэдбэй*. Близость русского произношения украинцев и ленинградского просторечия в произношении предударных гласных на месте *о* объясняется тем, что в обоих случаях акашье (неразличение в безударных слогах *о* и *а*) развивалось на базе баканья. Эта черта, воспринятая М. Г. Савиной, вероятно, в детстве и юности, сохранялась, видимо, и позднее.

Московское произношение различало и различает в нейтральном стиле две ступени редукции — гласный *э* во втором предударном слоге и гласный типа *а* (\wedge — несколько менее открытый и более задний) в первом предударном: *гэ́лэва́*, *мэ́лэ́дбэй*. Именно такое произношение, свойственное и многим южнорусским говорам,

считалось Стапиславским «бытовым». Понятно замечание Станиславского и о том, что у А. Коонен «истинно московская речь, которая при широких гласных не переходит в бытовую». Дело в том, что московская бытовая речь (просторечие) знает очень редуцированный, краткий звук *ъ* во втором предударном слоге и очень открытый гласный *a* в первом предударном: *глава́* (почти *глава́!*), *младб́й* (почти *младб́й!*). Вероятно, и М. Г. Савина, и А. Коонен ёкали (произносили *в'есна́, с'едб́й, п'етнб́*). Еканье было свойственно и петербургскому, и русскому сценическому произношению, и, в частности, А. Коонен как актрисе трагического репертуара (московское иканье начала века носило бы бытовой, просторечный характер, неподходящий для трагедии).

*

При освоении русского сценического произношения учащимся — выходцам из разных мест нашей страны, конечно, приходится нередко переучиваться, отвыкать от своего местного произношения. Речевая, в том числе приносительная, культура требует повседневной работы над правильным произношением, вершиной которого является нейтральное (не окрашенное стилистически) сценическое произношение. Актеры и учащиеся театральных школ в быту и повседневной жизни сталкиваются со многими вариантами речи, не принятыми на сцене, и потому иногда не вполне последовательно применяют орфоэпические нормы в театре.

Культурированное произношение вообще и сценическое в частности нельзя рассматривать отдельно от дикции. Сценическая речь должна быть не только правильной, но и четко артикулированной. Сцена (да и общественная практика) не терпит вялой, нечеткой артикуляции, произношения «сквозь зубы», пропуска отдельных звуков, стяжения рядом находящихся гласных, «комканья» отдельных частей слова, в особенности безударных концов. Правильное произношение не должно искажаться плохой дикцией. Только четкость дикции обеспечивает доходчивость сценической речи до каждого зрителя. Поэтому на сцене нетерпимо произношение *де* вместо *где*; *рази* вместо *разве*; *пиисят* вместо *пятьдесят*; *скбко, токо* вместо *сколько, только*; *када́, тада́* вместо *когда, тогда*; *стрети́л* вместо *встретил*.

Все эти и подобные отклонения от общенационального произношения в его нейтральном стиле на сцене могут быть использованы только как речевая краска для характеристики соответствующих персонажей. «Надо приучать себя хорошо открывать рот, это важно для „посыла“ звука и для его формирования», — пишет крупнейший специалист по сценической речи и дикции И. П. Козляни-

пова в книге «Произношение и дикция» (М., 1977). Преподаватели сценической речи разработали целый комплекс упражнений по дикции. Например, для четкого разграничения двойных и одиночных согласных: *ведение — введение, главному — к главному, над рамой — над драмой, вас беречь — вас сберечь* и т. д.; для четкой артикуляции трудных сочетаний согласных (в особенности, разных по месту артикуляции), например, гбди, кпти, бдти, птки, фтки, фкти: *к птице, к ткани, жни, жди, прежде, художник*; для разграничения мягких и твердых губных согласных в конце слова: *упрям — впрямь, знаком — знакомь*. Очень важно упражняться в скороговорках, которые широко представлены в пособии И. П. Козляниновой. Вот несколько скороговорок из него: *Колпак на колпаке, под колпаком, колпак; Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет; Не жалела мама мыла, мама Милу мылом мыла, Мила мыла не любила, мыло Мила уронила*.

Совершенно справедливо И. П. Козлянинова пишет: «Упражнения по дикции... надо проводить ежедневно, как физзарядку», скороговорку «можно начинать произносить медленно, постепенно убыстряя темп».

Все сказанное свидетельствует о том, что произносительная культура речи деятелей сцены требует постоянного труда и внимания подобно тому, как повседневные упражнения необходимы каждому пианисту или скрипачу.

*

Сценическое произношение может быть рассмотрено с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения состояния произносительной культуры в современном советском театре. Для этого необходимо сделать наблюдения над произносительной практикой сегодняшнего театра и притом не только в Москве и Ленинграде, но и во многих других центрах, например, таких, как Саратов, Горький, Ярославль, Орел, Воронеж, Одесса и т. д., а также в русских театрах национальных республик. Во-вторых, оно может быть рассмотрено с точки зрения тех идеальных требований, которые в настоящее время предъявляют к нему опытные деятели театра — режиссеры, преподаватели сценической речи. Именно этой второй точке зрения отвечает настоящая статья (начало см.: Русская речь, 1981, № 5).

Идеальные требования и практическое их воплощение не совпадают полностью. Непоследовательность, если хотите «ошибки», мы можем найти даже у великих актеров Московского Малого театра старшего поколения. Тем не менее значение произноситель-

ного идеала, эталона трудно переоценить, так как именно на него равняются актеры.

Сейчас настало время выполнения первой задачи — массового исследования современной сценической речи. Ведь в советскую эпоху роль театра как хранителя чистоты литературного произношения не только продолжается, но и усилилась. Надо помнить положение о том, что сценическая речь всегда обращается ко всем реально существующим стилям речи и взаимодействует с ними. Кроме того, актеры говорят не только со сцены, но и в практике общественной жизни, в быту. Поэтому естественно, что новые явления, развившиеся за последнее время, проникают и в сценическую речь, которая идет в ногу с развитием литературного языка. Колебания, характеризующие современное произношение, в немалой степени свойственны и сценической речи.

*

Несомненно, настало время, когда требуется составление свода правил современного сценического произношения, который учитывал бы происшедшие в течение XX столетия изменения, с тем чтобы им пользовались преподаватели театральных училищ. Между тем сейчас, как уже было показано, в них культивируют по большей части старые московские нормы, которые в ряде черт давно отошли от общепринятого современного литературного произношения и потому не проводятся последовательно в практике сцены. Конечно, речь идет о сценическом нейтральном стиле произношения, которое в наибольшей степени подходило бы для современного русского репертуара. Для бытового репертуара русских пьес XIX — начала XX века уместны были бы специфические бытовые «краски» старого московского произношения. Особо может стоять вопрос о произношении при постановке переводных пьес разного характера (трагедии, комедии).

Как уже сказано, театру больше всего приходится иметь дело с обычной речью нашего времени, то есть с речью стилистически нейтральной. Однако театр строже относится к произносительной норме, крепче держится установившихся и исторически отстоявшихся норм, отвергает многие из тех произносительных новшеств, которые постепенно накапливаются в непосредственной общественной практике говорящих. Иначе говоря, театральное произношение консервативнее литературного, сложившегося в быту. Первое является идеалом, эталоном, к которому следует стремиться. Это естественно. Так было раньше. И так будет всегда, так как культура сценической речи опирается на выработавшуюся традицию.

Р. И. АВАНЕСОВ

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

В современном русском языке многие слова содержат в своем значении признак, по которому назван обозначаемый предмет или явление окружающей действительности. Так, например, в названиях растений *подорожник*, *подосиновик*, *подберезовик* содержится признак, указывающий на место, где они обычно растут, — по дороге, под осинами, под березами; в слове *творожник* ясно обозначена связь с творогом; *синяк* назван по цвету; *сороконожка* — насекомое, имеющее сорок ног; *вьюнок* — вьющееся растение; *домосед* — человек, сидящий дома; *знаток* — человек, который много знает; ягода *черника* получила название по цвету и т. п.

Признак, который лежит в основе обозначения предметов и явлений действительности, носит название «внутренней формы слова». Она представляет собой заключенное в слове и осознаваемое говорящим «обоснование» звукового облика этого слова. В лингвистической науке это понятие называется и другими терминами: семантическая мотивированность, словообразовательное значение, мотивировка, мотивационный признак и другие.

Внутренняя форма слова может быть различной. Она обнаруживается в звукоподражательных словах, например: *куковать*, *мяукать*, *кукарекать*, *каркать*, *хрюкать*, *хихикать*, *аукать* и т. п. Это фонетическая или изобразительная внутренняя форма. В производных и сложных словах представлена лексико-грамматическая внутренняя форма, которая в лингвистике также называется по-разному: морфологическая мотивированность, словообразовательная мотивированность, внешняя или гнездовая мотивированность. В основе лексико-грамматической внутренней формы лежат словообразовательные связи между производящими и производными словами,

если эти связи не утратились и осознаются говорящими. Слова с такой формой образованы при помощи суффиксов, приставок, а также сложением основ: *подснежник*, *подстаканник*, *коровник*, *выдумщик*, *защитник*, *создатель*, *смельчак*, *бородач* и т. п. Сюда же относятся сложные слова: *сороконожка*, *скороварка*, *соковыжималка*, *пустоцвет*, *трудолюб*, *скороход*, *лесоруб*, *водолаз*, *самохвал*, *кругосветный*, *белоснежный*, *свежеиспеченный* и т. п.

Сложные слова с точки зрения их внутренней формы имеют свои особенности. Так как они образованы из двух, а иногда трех основ, то и количество признаков обозначения у них больше, чем в обычных производных словах. А это придает сложным словам бóльшую определенность по сравнению с простыми производными. Так, производное *труженик* обозначает: 1) человека, который много трудится; 2) человека, любящего труд; 3) человека, занимающегося определенной деятельностью (труженик сельского хозяйства). Но значение слова *трудолюбец* более определено: человек, любящий труд. Слово *книжник* — человек: 1) собирающий книги, 2) любящий книги, 3) занимающийся продажей книг и т. д., но *книголюб* — это только «человек, любящий книги».

Есть еще одна разновидность внутренней формы слова — семантическая, в основе которой лежит процесс переноса значения с одного предмета или явления на другой. Так, слова *подошва* (горы), *мушка* (на лице), *золотой* (человек), *шелковые* (ресницы, волосы), *овечка* (о смирном, кротком человеке), *кипяток* (о горячем, вспыльчивом человеке), *медведь* (о неуклюжем, неповоротливом) и т. п. обладают яркой внутренней формой и образованы путем семантического (смыслового) переноса определенных признаков одного предмета или явления на другой.

Слова с семантической внутренней формой разнообразны по характеру исходного значения. Большую группу составляют зоонимы — названия, относящиеся к животному миру. На человека, его действия, поступки переносятся качества, свойства и признаки, характерные для животных: *орел* — о человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью; *тюлень* — о неуклюжем, неповоротливом, нерасторопном человеке; *ягненок* — о тихом, кротком человеке и т. п. Часто в устной речи мы слышим: «Этот медведь наступил мне на ногу» или «Соседка у них — настоящая лиса» и т. п. Благодаря своей связи с исходным значением эти слова обычно употребляются для характеристики человека, его поступков, действий, моральных качеств, внешности.

Такие слова являются средствами достижения выразительности, образности речи, поэтому часто используются в художественной литературе, публицистике: Он оказался кротким, смирным ягненком, самым простым человеком, с добродушными шутками

(Л. Толстой. За что?); Андрей и по природе своей был тяжеловесен и не быстр, в школе его недаром прозвали «тюленем» (Горбатов. Донбасс); [Гуртовщик] из себя молодчина, орел (Л. Толстой. Идиллия).

Кроме названий, относящихся к животному миру, в процессе переноса участвуют и другие группы слов. Так, для метафорического обозначения человека используются слова с конкретным предметным значением: *шелк* — о человеке с мягким, покладистым характером; *мешок* — о неуклюжем, нерасторопном человеке; *пила* — о сварливом человеке и т. п.; различные наименования людей, мифических существ, персонажей сказок, имена литературных героев: *философом* называют человека, разумно относящегося к жизни, спокойного, рассудительного; *дипломатом* — человека, тонко и умело действующего в отношениях с другими; *поэтом* — человека, творчески относящегося к своему делу; *Дон-Кихотом* — фантазера и наивного мечтателя; *Кощеем* — тощего и высокого и т. п. Вот примеры из произведений художественной литературы: Правду сказал кто-то в училищном совете, что вы поэт в своем деле (Чехов. Учитель); Называют они своего хозяина Кощеем за его худобу, сутулость и неуживчивость (Гладков. Клятва).

Метафорический перенос осуществляется также и с обозначения конкретных явлений, действий на абстрактные, из одной семантической сферы в другую: *изливать* (высказывать), *стряпать* (сочинять, писать), *координаты* (адрес, местопребывание) и т. п.

Слова, имеющие внутреннюю форму, различаются по степени ее прозрачности. Есть слова, где признак обозначения вытекает из значения корня или основы; таковы слова с лексико-грамматической внутренней формой: *сладкоежка* — любит есть сладкое; *ватник* — сделан из ваты; *дождевик* — служит для защиты от дождя; *белоснежный* — белый, как снег и т. п.

Но наряду со словами, имеющими явную внутреннюю форму, в русском языке немало слов, кажущихся немотивированными (без внутренней формы): *скряга* (о скупом человеке), *егоза* (беспокойный человек, непоседа), *лодырь* (ленивый, бездельник), *профан* (несведущий в какой-либо области человек) и т. п. Однако немотивированность подобных слов справедлива лишь для современного их состояния, тогда как по происхождению они имеют внутреннюю форму, что можно установить по историческим или диалектным данным.

Вместе с тем следует указать на такое явление в языке, как воссоздание и развитие мотивированности: слово немотивированное нередко заменяется мотивированным; большинство неологизмов составляют слова с внутренней формой, Слова, обладающие внутрен-

ней формой, легче воспринимаются и прочнее удерживаются в памяти, чем те, которые лишены ее.

В русском языке встречаются случаи, когда можно говорить о двух разновидностях внутренней формы в одних и тех же словах. С точки зрения их структуры они представляют собой примеры лексико-грамматической внутренней формы, так как образованы при помощи суффиксов или сложением основ, но употребляются в переносном значении, то есть можно говорить о семантическом способе выражения внутренней формы: *слепец* — человек, обманувшийся в ком-либо, в чем-либо; *фокусник* — ловкий человек, способный на неблагоприятные поступки, ловкач; *ремесленник* — тот, кто работает без творческой инициативы; *буквоед* — о формалисте и педанте и т. п. Вместе с тем необходимо указать, что слова *слепец*, *фокусник*, *ремесленник* могут употребляться в прямом и переносном значении, а *буквоед* — только в переносном. В данном случае мы имеем перекрещивание двух разновидностей внутренней формы.

Слова с переносным значением являются той областью, в которой внутренняя форма обнаруживается наиболее ярко. Особенно ясно признаки, лежащие в основе наименования, выявляются при сравнении слов разных языков, обозначающих одни и те же предметы, вещи и т. д. Здесь мы обнаруживаем случаи совпадения внутренней формы слов. Например, одинаковые признаки использованы в таких названиях: русск. *колокольчик* и нем. *Glockenblume*; русск. *львиный зев* (бот.) и нем. *Löwenmaul*.

Таких примеров в русском языке можно привести немало, однако каждый язык использует и свои способы и средства названия. Национальное своеобразие слова и его значений ярко проявляется именно в выборе признака обозначения того или иного предмета, явления действительности, то есть в выборе внутренней формы: *ежевика* в русском языке от *еж* (колючая), а в английском эта ягода названа по цвету — *blackberry* (буквально «черная ягода»); название весеннего цветка *подснежника* в немецком языке *Schneeglöckchen* (буквально «снежный колокольчик») связано не только со снегом, но и с формой колокольчика.

Способы выражения внутренней формы в каждом языке зависят от его фонетического и грамматического строя. Изучение внутренней формы слова поможет обоснованному выбору приемов обучения языку, а также облегчит задачу обогащения словарного запаса.

Г. А. КУТТУБАЕВА
Фрунзе

САМОЛЕТ, ВЕРТОЛЕТ, ЭКРАНОЛЕТ...

ВОПРОСЫ, связанные с формированием и пополнением терминологической лексики русского языка, привлекают пристальное внимание лингвистов. Причины такого интереса связаны с бурным научно-техническим прогрессом, в результате которого возникают новые явления, понятия, требующие своих наименований. Возьмем, например, названия транспортных средств. Здесь язык нередко использует компоненты сложных слов *-воз, -ход, -лет, -носец*, например: *электровоз, снеговоз, звездолет, торпедоносец*. Такие регулярные компоненты называют аффиксоидами (суффиксоидами, префиксоидами). Они выступают в функции аффикса (суффикса, префикса) и обладают обобщенным смыслом. С этой точки зрения, суффиксоид *-лет*, как и *-ход, -воз*, имеет более обобщенное значение, чем однокоренной глагол *лететь* в свободном употреблении. В названных компонентах явно ощущается элемент движения; не случайно, например, *паровоз* ранее некоторое время называли *пароходом*. Вот пример, показывающий, что и *-лет* мог передавать только общее значение движения: ...в 1887 году киевский изобретатель Ф. Р. Гешвенд издал брошюру «Общее основание устройства воздухоплавательного парохода (паролет)» (Рябчиков. Звездное небо),

Суффиксоиды *-ход*, *-воз*, *-носец* не всегда употребляются для обозначения транспортных средств, ср. названия лиц: *пешеход*, *водовоз*, *медаленосец*. Совершенно иначе ведет себя компонент *-лет*: он служит для названий только летательных аппаратов. Каковы же истоки специализации суффиксоида *-лет*?

С незапамятных времен люди мечтали о полетах в небо. Дедал и Икар, монах Оливье, насмерть разбившийся о подножье Тауэра, русский мужик, который обещал летать на крыльях «аки журавль». «Старинные документы утверждают, что успешные попытки летать предпринимал житель Южной Чехии Вит Фучик. Было это примерно в 1765 году» (Знание — сила, 1980, № 10). И вот в 1783 году мечта сбылась: во Франции поднялись в воздух на шаре братья Монгольфье. Будущее, однако, было за воздушными аппаратами тяжелее воздуха. В конце XIX века появились первые аэропланы. Испытывались и проектировались и другие аппараты, которые были тяжелее воздуха.

Ортоптер (от греч. *ortos* — прямой и *pteron* — крыло) — летательная машина с подвижными крыльями, имитирующими движения птиц, «аппараты, воспроизводящие ударное действие крыльев» (Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат). Эта машина тогда в воздух не поднялась. Зато сейчас успешно разрабатываются аналогичные модели, которые получают разные наименования: Огромный интерес к этой авиамодели был вызван тем, что до сих пор еще никому не удавалось создать так хорошо летающий аппарат с машущим крылом... Но это был первый полет аппарата, названного конструктором «Птицелет» (Вечерняя Москва, 1964, 11 марта); ...построить летательные аппараты, основанные на принципах машущего полета. Позже такие аппараты назвали «махолетами» (Техника — молодежи, 1978, № 5). Любопытно, что один из необычных аппаратов также назван *птицелетом*: В 1895 году Сентмиклоши получил привилегию на «птицелет» — управляемое приспособление для перемещения тяжестей путем совместного впрягания большого числа птиц (Техника — молодежи, 1967, № 3).

Геликоптер (от греч. *helix* (*helikos*) — спираль и *pteron* — крыло) — «аппараты, в которых подъемная сила получается от вращения огромных винтов с вертикальной осью» (Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат). Словарь добавляет: «Геликоптеры могут подниматься на воздух, но полетов на них до сих пор не совершали». В современном русском языке это слово малоупотребительно; чаще употребляется *вертолет*. Оба слова обозначают одну и ту же летательную машину. «Словарь русского языка» в 4-х томах так и объясняет слово *геликоптер*: «То же, что *вертолет*».

Очень употребительное ранее слово *аэроплан* (франц. *aéroplane* — от греч. *aēr* — воздух и франц. *planer* — парить) уступило место в активной лексике языка исконно русскому слову *самолет*. Это слово раньше имело «неавиационные» значения. Так, в Толковом словаре В. И. Даля читаем: «*Самолет* — разного рода устройство, которому приписывается быстрое движение от себя: паром, на якоре посреди реки, у которого дно устроено откосом против течения, так что оно его переносит с одного берега на другой; ткацкий челн, бросаемый не с руки, а погонялкою, вообще машинный ткацкий стан, *самолетный стан*».

Есть еще зафиксированное в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово *труболет*: «простореч. Бранное слово». «Опыт областного великорусского словаря» (1852) объясняет его как синонимичное слову *трубочист*. Как видим, компонент *-лет* в словах с «неавиационным» значением был непродуктивен. В каком-то смысле ко времени появления летательных аппаратов тяжелее воздуха он был «свободен». И вот почему.

В толкованиях слова *самолет* в старых словарях, особенно в Толковом словаре В. И. Даля, значение первого компонента *сам* (-о) выражено четко: «...устройство, которому приписывается быстрое движение от себя». Что же означает компонент *-лет*? Имел ли он в составе слова *самолет* только значение «летать, передвигаться по воздуху»? Обратимся к значениям глагола *лететь*. Из шести значений, зафиксированных в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, лишь одно, безусловно, имеет отношение к движению по воздуху («нести, передвигаться по воздуху»), остальные обозначают просто быстрое движение; «то же, что мчаться»; «то же, что падать»; «о времени: быстро проходить».

*

Итак, в смысловой структуре глагола *лететь* присутствуют два элемента: «скорость движения» и «пространство движения» (воздух). Паром-самолет передвигался быстрее, чем простой самолет; самолет-челнок также быстро возвращался в исходное положение для продолжения работы. Мы видим, что компонент *-лет* использовался для обозначения быстроты движения. Однако было и известное по сказкам составное слово *ковер-самолет*, которое обозначало «движущийся быстро» и «движущийся по воздуху». Этот случай использования слова *самолет* и послужил, по всей видимости, источником становления модели сложных слов с компонентом *-лет*, обозначающих летательные аппараты тяжелее воздуха (см.: Эгерлей Е. Н. Самолет и летчик. — Русская речь, 1971, № 6).

Ряд слов, образованных по этой модели, активно пополняется,

например, за счет создания новых названий космических аппаратов (см.: Пеньковская Н. П. Астролёт, звездолёт, космолёт, планетолёт. — Русская речь, 1977, № 6). При всей многочисленности такие слова отличаются некоторым однообразием — все они имеют в качестве первого компонента части, обозначающие космические объекты, к которым направлен полет, среду, в которой полет происходит (космос).

Интересны также образования с *-лет*, построенные по другой семантической схеме. Первый компонент в них может обозначать источник энергии летательных машин, тип энергии, способ ее приложения, способ полета. Вот, например, названия машин, реально существующих.

Вертолет — «летательный аппарат тяжелее воздуха, обладающий свойствами взлетать и опускаться по отвесной линии без разбега, а также висеть в воздухе» (Словарь русского языка в 4-х томах). Это авторское слово конструктора Н. И. Камова: 27 февраля 1929 года было созвано межведомственное совещание по организации постройки опытного вертолета «КАСКР». Так и написано в протоколе этого совещания: «вертолета», — вероятно, впервые в официальном документе было употреблено новое название, вместо прежнего автожира (Знание — сила, 1980, № 6). Первый компонент *верт-* указывает на способ полета машины. В слове *самолет* первый компонент тоже обозначает способ полета (*сам*). Однако слово *вертолет* не совсем обычно: обе части в нем — глагольные. Подобных сложных слов в русском языке немного. Таким является слово *католет*: ...создан принципиально новый вид транспорта без колес и крыльев. Движителем его служит не традиционное колесо или гусеница, а весь католет вместе со своим корпусом (Труд, 1977, 1 окт.).

Реально существует и летает *мускулолет*: Очевидно, наилучший вариант мускулолета — гибрид планера с велосипедом (Неделя, 1980, № 25). Родственник *мускулолета* — *велолет*, также использующий в качестве энергии мускульную силу человека: Создатели мускульной авиации пробуют самые различные варианты машин. Тут и геликоптеры, и сочетания велолетов с воздушными шарами, и аэропеды... (Неделя, 1980, № 25). Один из представителей «мускульной авиации» *велосамолет* уже попал в словарь. «Летательный безмоторный аппарат, скомбинированный с велосипедом, на котором осуществляется разгон и приземление» (Новое в русской лексике. М., 1980): Новый рекорд установил японский студент Такаси Като, пролетев на велосамолете «Аист» 2193 метра (Огонек, 1977, № 17).

Журнал «Знание — сила» (1980, № 4) сообщает о создании модели *солнцелета*, использующего для полета энергию солнца: «Раз-

мах крыльев модели солпцелета — 10 метров...». К этому же ряду следует отнести *турболет*, использующий в полетах турбину: Среди таких, ни на что не похожих, широкоую известность в свое время получил турболет, первое же появление которого в дальнейшем, относительно тихом углу нашего испытательного аэродрома не прошло незамеченным (Галлай. Третье измерение); *автолет*: Экспериментальный автолет отводят в ангар (Правда, 1963, 18 февр.). Ср. также новообразования писателей-фантастов: *Дисколет*? Что за чепуха, откуда он здесь может взяться; *Гравитолет* сильно трянуло (сб. На суше и на море. М., 1980).

Иногда писатели-фантасты используют слова, обозначающие реальные машины, но имеют в виду фантастический летательный аппарат: *Турболет* летел низко над барханами (Хачатурьянц, Хрунов. Путь к Марсу); Это *автолеты*, — объяснил мэр, — нечто среднее между автомашиной и вертолетом (сб. На суше и на море).

В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) зафиксировано слово *экранолет* — летательный аппарат, использующий эффект близости земной поверхности: На создание «подушки» приходится затрачивать большие мощности. Стремление снизить эти затраты и предопределило появление проектов совершенно нового типа транспортных аппаратов — экранолетов. Роль экрана может играть поверхность земли или воды (Известия, 1965, 18 апр.).

Как видим, модель с компонентом *-лет* обладает в наше время достаточной регулярностью и продуктивностью, преимущественно используется для обозначения летательных аппаратов. Отметим, что суффиксоид *-лет* не единственное специализированное средство для таких названий. Много слов с подобным значением создается с заимствованным компонентом *-план* (*звездоплан, ракетоплан*), образуются слова и по менее продуктивным моделям (*винтокрыл, аэропед*).

Э. А. ГРИГОРЯН

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать *нарезать* или *порезать* сыр, колбасу. Почти все продавцы говорят: „Вам порезать?“».

И. К. Мызенкова, Саратов

Единственно правильное слово это «нарезать» сыр, колбасу, а «порезать» можно палец.

17 ноября 1981 года исполняется 85 лет со дня рождения профессора Г. О. Винокура, известного советского ученого-филолога. Г. О. Винокур — автор работ по различным вопросам общего языкознания, истории русского литературного языка, лексикографии, культуры речи, орфографии, а также текстологии, пушкинистики, стиховедения и по общепилологическим проблемам. Труды Винокура не теряют актуальности и до сих пор, к ним обращаются как лингвисты, так и литературоведы (обзор научной деятельности Г. О. Винокура и библиографию его трудов см. в кн.: Цейтлин Р. М. Григорий Осипович Винокур, М., 1965).

Г. О. Винокур еще студентом Московского университета, который он окончил в 1922 году, принимал активное участие в деятельности двух научных обществ — Московской диалектологической комиссии и Московского лингвистического кружка, оказавших большое влияние на формирование научного мировоззрения молодого ученого.

Главной задачей диалектологической комиссии, образованной при содействии А. А. Шахматова в 1904 году, было составление первой диалектологической карты русского языка, но на ее заседаниях обсуждались и общие лингвистические проблемы. Московский лингвистический кружок

*К 85-летию
со дня рождения*

**Григорий
Осипович
ВИНОКУР**

1896—1947

возник в 1915 году. В его работе участвовали наряду с лингвистами, воспитанниками школы Ф. Ф. Фортунатова, и ученики Бодуэна де Куртене (Л. В. Щерба и др.). Активными его членами в разные годы были такие известные языковеды, как Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский.

После окончания университета Г. О. Винокур работает переводчиком-редактором в РОСТА (потом ТАСС), в 1922—1923 годах исполняет обязанности председателя Московского лингвистического кружка. В 20-е годы внимание молодого ученого особенно привлекают вопросы употребления языка («говорения»), вопросы о границах поэтического слова, о связи его с прочими формами словесного выражения, а также с общей культурой; он ищет новые пути анализа художественного текста.

В это же время Г. О. Винокур ведет журналистскую деятельность: выступает с рядом статей, обзоров и рецензий в журналах «Лесф», «Печать и революция». Итогом деятельности Г. О. Винокура как журналиста стала его первая книга «Культура языка» (М., 1925). Книгу открывает теоретическое введение «О возможности прикладного языкознания» (в издании 1930 г. — «Практическая стилистика как проблема»), в котором дается анализ учения Ф. де Соссюра. Останавливаясь на системе двух лингвистик (*язык* и *речь*), ученый высказывает мнение, что следовало бы говорить о языке не как о системе, а как «о структуре, о построении вглубь, где от внешнего приходится переходить к внутреннему». Г. О. Винокур посвящает отдельные главы книги языку прессы, речевой практике футуристов, культуре чтения. Значительное место в этой книге отводится задаче лингвистического воспитания общества. «Общее развитие нашей культуры, — отмечает автор, — невозможно без культуры лингвистической».

В начале 20-х годов Г. О. Винокур участвует в работе Российской (позднее — Государственной) академии художественных наук — РАХН (потом ГАХН). В трудах ГАХНа в 1927 году вышли книги «Биография и культура» и «Критика поэтического текста». В первой из них изложены принципы создания так называемой «философской биографии», одним из критериев которой Г. О. Винокур считал язык. Он рассматривал биографию как единство жизни и творчества писателя. В книге «Критика поэтического текста» (первоначальное название — «Русская филология и русские поэты»), до сих пор занимающей видное место в текстологической литературе, Г. О. Винокур определяет объективные критерии установления окончательного текста художественного произведения.

В 30-е годы Г. О. Винокур — один из крупнейших советских пушкинистов — много сил и энергии отдает пушкиповедению. Всестороннее изучение творчества Пушкина он считал необходимой и важной проблемой русской филологии. Г. О. Винокур участвует в подготовке 9-томного собрания сочинений Пушкина, вышедшего в издательстве «Academia», затем входит в редакционный комитет Полного собрания сочинений в 16-ти томах. При этом он выполняет разные виды работ (текстологических и собственно исследовательских), требующих неустанного кропотливого труда и высокой филологической культуры. Для разных изданий Г. О. Винокур подготовил тексты «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов», «Бориса Годунова», южных поэм и «Евгения Онегина» (с подробными комментариями). Кроме того, главным образом Г. О. Винокуру принадлежит разработка орфографических правил издания текстов.

Работа над текстами произведений Пушкина дала ученому материал для статей «Слово и стих в Евгении Онегине», «Вольные ямбы Пушкина» и «Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина».

Г. О. Винокуром был подготовлен ряд работ по языку и текстам произведений Пушкина, которые должны были составить книгу «Очерки истории текста и языка Пушкина». К сожалению, в связи со смертью Григория Осиповича (май 1947 г.) книга не была издана. Не увидел он и воплощения своей мечты — публикации «Словаря языка Пушкина». Еще в 1935 году он начал готовить словарь к «Евгению Онегину» и руководить составлением словников и словарей к другим крупным произведениям поэта. Под руководством Г. О. Винокура создавалась картотека, в которой были зарегистрированы все случаи словоупотребления Пушкина в отобранных текстах; при непосредственном участии Г. О. Винокура написан «Проект Словаря языка Пушкина» (1949), в котором излагались принципы составления словаря.

Огромную работу по изданию и изучению произведений Пушкина в 30-е годы Г. О. Винокур совмещает с трудоемкой работой над четырехтомным «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

В 40-е годы Г. О. Винокур много занимается теоретическими вопросами строя языка; в это же время он пишет и публикует исследования по исторической стилистике, лексикографии и орфографии, в которых обобщает опыт, накопленный во время работы

над поэтическим творчеством Пушкина и Маяковского. Это статьи «О задачах истории языка», «Об изучении языка литературных произведений», «О славянизмах в современном русском литературном языке», «Понятие поэтического языка», «Заметки по русскому словообразованию», «Форма слова и части речи в русском языке», «Орфография как проблема истории языка», «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в.» и др.

В статье «О задачах истории языка» (1941) Г. О. Винокур высказал положения, актуальные и для современных типологических исследований. «Общие лингвистические законы,— писал он,— это, действительно, исторические законы, по только сфера их действия — это не конкретная история конкретных человеческих коллективов, а общие отношения культурно-исторической типологии».

Точка зрения на принципы членения слова, методику определения истинной словообразовательной формы слова изложена ученым в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946), а также в более ранних статьях «Глагол или имя?» (1928), «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» (1939). Созданное Г. О. Винокуром учение о продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных моделях словообразования и о вариантности основ, разработанная им методика установления правильного отношения производной основы к производной для данной языковой системы (в современной терминологии — отношения мотивации), выделение понятия связанной основы актуальны и в наши дни.

В годы войны вышли две книги Г. О. Винокура: «Маяковский — новатор языка» (1943), которая до сих пор является одной из лучших книг о языке и творчестве поэта, и «Русский язык» (1945). В последней, написанной с популяризаторскими целями, по-новому решается существенная научная проблема взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы в их историческом движении.

В центре научных интересов Г. О. Винокура всегда была история русского литературного языка, или историческая стилистика, которую ученый считал лингвистической дисциплиной. Он выступал против беспорядочного употребления таких терминов, как «язык художественной литературы», «язык писателя», «поэтический язык», «язык произведения», которые и до сих пор не имеют четкого определения и разграничения. Исследования с подобными названиями Винокур относил к лингвистической стилистике, целью которой должно быть выяснение строя и состава соответствующего языка в определенную эпоху, изучение памятников письменности независимо от их жанровой принадлежности.

В лингвистической стилистике, утверждал Г. О. Винокур, объектом изучения является сам язык, а не то, что выражено в языке. Так, в сочетании «язык писателя» может вкладываться двоякий смысл: при ударении на слове *язык* — это объект исследования лингвиста, при ударении на слове *писателя* — историка литературы, психолога или литературного критика. Г. О. Винокур подчеркивал различие содержания, выражавшихся и сочетанием «поэтический язык». С одной стороны, это обособленная область языкового употребления со своеобразным набором слов, форм и оборотов речи, с другой — язык в особой художественной функции, язык как искусство.

На протяжении всей деятельности для Г. О. Винокура был характерен профессиональный интерес к проблемам культуры речи в самых различных ее аспектах. Этот интерес проявился у него уже в 20-е годы, когда языковая культура тесно связывалась с творчеством, с уровнем общей культуры и с гражданской позицией. «...Правильная, чистая речь,— говорил Г. О. Винокур,— есть признак правильного общественного поведения, свидетельство высокой гражданской сознательности... Правильной речи мы учимся в той мере, в какой мы учимся всему тому, что составляет содержание нашей культуры» (см.: Из бесед о культуре речи.— Русская речь, 1967, № 3).

Г. О. Винокур любил выступать с популярными лекциями и статьями по вопросам русского языка и культуры речи перед широкой аудиторией. Он читал лекции по русскому языку в театре имени Моссовета, МХАТе, Малом театре, ВТО, в Детгизе, в лектории МГУ. В годы войны Григорий Осипович проводил беседы о правильном произношении на сборах фронтовых агитаторов. Ученому принадлежат статьи о культуре речи в «Литературной газете» (1929 и 1935) и о русском языке — в «Московском комсомольце» (1945). Г. О. Винокура интересовала специфика сценической речи, проблемы индивидуализации языка действующих лиц, структура диалога. Для театральных работников им было написано краткое пособие по орфоэпии на сцене «Русское сценическое произношение», вышедшее уже после смерти ученого, в 1948 году.

Григорий Осипович Винокур был также прекрасным педагогом, горячо любившим преподавательскую работу. Начиная с 1930 года в разных вузах Москвы он читал почти все языковедческие курсы: современный русский язык, историческую грамматику, историю русского литературного языка, диалектологию, палеографию, старославянский язык, общее языкознание и в последние годы (1943—

1946) — введение в изучение филологических наук. Самым любимым для него был курс истории русского литературного языка, который Г. О. Винокур на протяжении многих лет читал студентам МИФЛИ имени П. Г. Чернышевского, а затем студентам филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Ученым была разработана первая программа этого курса для филологических факультетов. Большим успехом у студентов пользовались спецкурсы Г. О. Винокура по языку Пушкина, Пушкинской эпохи и по словообразованию.

Много времени и внимания Г. О. Винокур отдавал занятиям с аспирантами. Из года в год для аспирантов кафедры русского языка второго курса филологических факультетов МГУ и МГПИ имени В. П. Потемкина он вел семинар по чтению древнерусских памятников. Одновременно в семинаре занимались 4—5 человек. В течение года каждый участник делал два доклада по памятникам (его фонетике, морфологии или синтаксису) и один доклад-реферат по научной литературе. Занятия в семинаре были подлинной школой самостоятельной научной работы для начинающего ученого.

Научная деятельность Г. О. Винокура сыграла большую роль в развитии советской филологии, особенно в развитии исторической стилистики и пушкинистики.

В. А. ПЛОТНИКОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где правильно поставить ударение в слове *мельком*?

А. К. Чернышев, Курск

Правильно ставить ударение на первом слоге (*мельком*). В Орфоэпическом словаре: не *мелько́м*, в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм» допустимо *мелько́м*.

Н. М. Шанский.

**СЛОВА,
РОЖДЕННЫЕ
ОКТАБРЕМ**

Биографии. Истории. Новеллы. Обычно произведения таких жанров пишутся о людях, вообще о предметах одушевленных. На сей раз в роли героев интереснейшего и воспитывающего повествования выступают слова. «Слова, рожденные Октябрем» — так назвал свою книгу для внеклассного чтения старших школьников известный советский лингвист Н. М. Шанский. И книга эта действительно в основном состоит из полнокровных, живых очерков-рассказов, которые читаются как увлекательные и познавательные жизнеописания.

Итак, слова, рожденные Октябрем... *Совнарком, красноармеец, рабфак, коллективизация, фабрика-кухня, троллейбусный* (русское производное от англизма *троллейбус*), *стакановец*... Как много говорят они нам, встреченные на первых страницах вступительной главы «Октябрьская революция и лексика русского языка». Н. М. Шанский замечает: «Если из этого номера газеты [к примеру, взят номер „Правды“ от 9 марта 1979 г.] выписать слова советской эпохи в книжке, которую вы читаете, то понадобится несколько страниц».

Первый же, основной раздел книги — «Рассказы о словах советской эпохи» — начинается с двух лингвистических повелл: «Октябрь с большой буквы» и «Родное слово *советский*». Затем рассказано о происхождении и вхождении в русский язык таких слов, как *чекист, субботник, избачитальня, комсомол и ВЛКСМ, ликбез* и других. Автор ярко высвечивает роль В. И. Ленина в формировании слов, которые обозначают понятия, появившиеся и развившиеся в вихре великой революции. Ведь язык, строй речи Ильича всегда отличались необычайной точностью, выразительностью, афористичностью, мастерством словоупотребления. В. И. Ленин многим словам придал невиданную силу, огромный смысл. Здесь уместно вспомнить строки А. Т. Твардовского из стихотворения «Слово о словах»:

Оно не звук окостенелый,
Не просто пекий материал,—
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

Слова, о которых ведет речь Н. М. Шанский, интересны сами по себе. Однако в них, в их сочетаниях открывается действительно новый мир, социалистическая эпоха, новые человеческие, общественные отношения. Многие из этих слов стали интернациональными, вошли в другие развитые языки без перевода и зазвучали там естественно и прочно. Они, можно сказать, обогатили лексику народов мира. Автор замечает: «Нет такой сферы нашей жизни, в которой не рождались бы (и почти ежедневно) новые слова». Это вызывается разнообразными по-

требностями: развитием общества, науки, техники, нашего советского быта. Тут узнаешь и про *луноход* и *атомоход*.

Материал в книге богат, он может удовлетворить самые различные вкусы. Вот, к примеру, миниатюра «О спартакиаде, или от олимпиады до... олимпиады», а рядом толкуются слова *самбо* и *универсам*, далее *спутник* и его спутники, от *ипподрома* до *космодрома* и тут же... вкусная *пирожковал...* Проследживается, как от *пылесоса* появился в быту глагол *пылесосить*, а от *футбола* — *отфутболить*. И как возникло слово *доляр*. Раздел второй завершается статьей «Звонкое слово БАМ».

А вся книга замыкается главкой «Как же все-таки образуются сейчас новые слова». Конечно, вспомнить, узнать все это очень интересно.

Те же, кто не остановится, захочет почитать сверх изложенного, обнаружат в приложении компактный список литературы для дальнейшего чтения. На первый случай приводятся восемь названий. Но, как известно, главное — разжечь любопытство, стремление к познанию большего. И это, без сомнения, достигнуто.

С. В. ШИПОВСКИЙ

В. И. МАКЕИМОВ.

К ТАЙНАМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Один из самых интересных разделов в русском языкознании — словообразование. О том, как происходит этот про-

цесс и какова его роль в обогащении нашей лексики, можно прочесть в книге В. И. Максимова «К тайнам словообразования» (М.: Просвещение, 1980). Издание рассчитано на учащихся старших классов, интересующихся лингвистической наукой. Автор в увлекательной форме ведет свой рассказ о тайнах образования новых слов, о тесной связи этого процесса с культурой речи.

Книга состоит из десяти глав; расскажем о некоторых из них.

Из главы «Сколько способов словообразования в русском языке?» читатель узнает о том, как выбирается способ словообразования, почему используется один, а не другой, этот суффикс или приставка, а не другие? Существуют разные способы словообразования: суффиксально - флексийный, приставочный, аббревиационный, способ сложения и другие. Приставочный способ, например, «действует в рамках всех основных частей речи, но более всего присущ глаголам. Это объясняется в известной мере тем, что приставки обычно указывают направление действия». От глагола *ходить* образуется целая цепочка приставочных слов: *входить, выходить, подходить, отходить, приходить...* «Нетрудно заметить во всех приставочных глаголах нечто общее в значении, связанное с хождением; различие же касается направления этого действия». А вот примеры, относящиеся к другим частям речи: *бес + порядок, пере + выборы, сверх + человек, анти + исторический, наи + высший* и др.

Какое значение принимает то или иное новое слово, поче-

му мы иногда не сразу его можем понять и употребить в своей речи? На эти вопросы мы найдем ответ, прочитав раздел «От чего зависит значение новообразования?». А почему каждый из нас, встречаясь с новым словом, произносит его с правильным ударением? В образованиях от глаголов с приставкой *вы-* в любом случае ударение сохраняется на приставке: *убра́ть, подобра́ть, забра́ть, набра́ть*, но *вы́брать* и *вы́борка, вы́борный, вы́борность, вы́борщик, вы́браться*. «И только образования от глаголов несовершенного вида здесь изменяют общему правилу: *выбира́ть — выбира́ться*. Сравним еще: *вы́бить — вы́биться, вы́бойна, вы́бойна* (но *выбива́ть*)».

Знание законов и путей образования слов поможет в целом овладеть правописанием, повысить речевую культуру, определить стилистическую окраску нового слова. От названий животных можно образовать с суффиксом *-енок / -ят(a)* наименования детенышей этих животных, которые являются стилистически нейтральными: *медведь — медвежонок — медвежата, лиса — лисенок — лисята, кот — котенок — котята*. «Но если в роли производящих выступают имена другого рода (*Рославлев, космонавт, стихи*), то соответствующие производные получают сниженную стилистическую окраску (*рославлята, космонаята, стихата*): Где-то рядом прозвучали голоса: — Смотри, смотри, сам Корней Рославлев с рославлятами (Г. Николаева. Битва в пути); Космонаята. Так зовут мальчишек и девочек из клуба юных космонавтов (Неделя); Жалкие

мещанские стихата (Л. Опашин. Стихи о любви)».

О системе словообразования и о связи его с культурой речи интересно и занимательно рассказывает глава «Один из путей к речевой культуре». Мы часто, к сожалению, слышим такие фразы «Не ложите туда вещи», «Ложите книгу сюда». «Откуда такая прилипчивость просторечных форм „ложите“ — „не ложите“, употребление которых свидетельствует отнюдь не о высокой культуре говорящих». В современном русском литературном языке в значении «помещать куда-либо» используется глагол *класть*. *Ложить* — выступает только с приставками: *вложить, выложить, доложить, заложить, переложить, отложить* и т. д. «В видовую же пару с глаголом несовершенного вида *класть* входит приставочное образование *положить*, а не „покласть“, потому что глаголу *класть*, наоборот, запрещено выступать с приставками. Следовательно, глаголу несовершенного вида *класть* соответствует глагол совершенного вида *положить*. Они образуют видовую пару, как *брать — взять, говорить — сказать, ловить — поймать*. Нарушение этой видовой соотносительности и ведет за пределы языковой нормы».

Бывает, что школьники употребляют неправильно в устной и письменной речи слова, не разобравшись в их составе и не сумев правильно определить способ образования. Автор книги приводит интересные примеры и дает полезные советы, как избежать таких ошибок. Для этого «надо научиться соотносить то или иное производное с родствен-

ными образованиями. Например, нельзя написать *просвещение* через *и*, *проклянуть* через *е*, *поздний* без *д*, если предварительно подобрать к ним однокоренные образования. К *просвещению* — *просветить*, *свет*; к *проклянуть* — *клятва*, *проклятый*; к *поздний* — *опоздать*, *опаздывать*.

Однако правил словообразования придерживаются не всегда. Писатели и поэты часто сознательно, с определенными стилистическими целями, нарушают эти нормы, ведут, так сказать, «игру не по правилам». Например, в шутовском стихотворении В. Шукшина из книги «Я пришел дать вам волю» употребляются названия *Лобково*, *Бровково*, *Глазково* и т. п. Они имеют то же значение, что и слова, от которых образованы, — *лоб*, *бровь*, *глаз* и т. п., а форму получили по типу наименований

населенных пунктов на *-ово*, *-ково*. Расхождение между смыслом и формой этих названий создает комический эффект. А встречаются случаи «игры не по правилам» еще из-за незнания норм словообразования. Так, в разговорной речи иногда смешивают употребление глаголов *одеть* и *надеть*, вместо *выдающийся* говорят «выдающий», вместо *завклубом* можно услышать «завклуба» (по аналогии с *замдиректора*) и др.

В книге приведено много занимательных историй. Хочется также отметить, что автор подробно разъясняет читателям каждый лингвистический термин. Может быть, познакомившись с книгой «К тайнам словообразования», юные читатели займутся научным поиском, избрав профессию филолога-лингвиста.

Т. С. КОЛМАКОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Читая газету, встретил слово *ихтиолог*. Что оно означает?»

А. Бердимуратов, Туркменская ССР

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова сказано: «Ихтиолог — Специалист по ихтиологии». Ихтиология — отдел зоологии, изучающий рыб.

Лицевая рукопись, лицевой букварь... Слово *лицевой* в древнерусском языке имело значение «иллюстрированный, с миниатюрами». Букварь Карпиона Истомина, выполненный первоначально в нескольких рукописных вариантах, а затем изданный в 1694 году, является единственным в своем роде источником по истории русского языка. Своеобразие его заключается в наличии иллюстраций к словам, представляющим читателю ту или иную букву.

Текст букваря Карпион Истомина написал в 1691 году. Затем безымянными живописцами букварь несколько раз воспроизводился для нужд членов царской семьи как учебник первоначальной

грамоты. Букварь с гравюрами, парезанными гравером Печатного двора Леонтием Буниным, издавался неоднократно, последний раз — в 1829 году. Его полное название — «Букварь славенороссийскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ, греческихъ же латинскихъ и полскихъ, со образованми вещей, и со правоучительными стихами».

Карион (это его монашеское имя, мирское имя не известно) родился в городе Курске. Истомин — по имени отца, фамилия которого была Заулонский, в своей не законченной грамматике подписался: *иеромонахъ Карионъ Заулонский*. В 1679 году он служил в московском Печатном дворе в должности книжного писца, а с 1682 — справщиком. В марте 1698 года его назначают начальником Печатного двора. В период работы на Печатном дворе, познакомившись с учебными руководствами той поры, и создает Карион Истомин свой букварь.

Педагогическим новаторством Истомина является первая на Руси попытка ввести в обучение наглядность, смысл чего он изложил так: «подъ всякимъ же писменемъ, ради любезнаго созерцания отрочатомъ учащимся предложены виды во удобное звание в складе: да что видить, сие и назоветь слогомъ писмене достолепнаго начертания техъ, яко А: Адамъ, алекторъ, Афродита, аспидъ и проч. Б: брань, брада, бичъ» (см. иллюстрации 1, 2). Свой букварь он предназначал для обучения не только мальчиков, но и девочек, что способствовало женскому просвещению на Руси.

В виршах (стихах) букваря содержатся указания фонетико-орфографического характера. Отмечено, например, наличие двух букв для обозначения звука *y* (см. иллюстрацию 3). По поводу букв *ферт* и *фита*, а также о качестве звука *ф* сообщается: «Фиту потребно с фертомъ в писме звати где во именахъ и числахъ писати... сиплива фита въ произносе гласа». Любопытны замечания о букве *ь*: «Ерь тонкословить в произносе гласа... Темъ млада душа егда ерь пишеша тонкости в смысле всегда да взыщеша» (см. иллюстрацию 4). В букваре плет речь об особенностях употребления букв *ы*, *кси* и *пси*.

*

Для истории русского языка, прежде всего — исторической лексикологии, букварь ценен наличием изображений различных предметов материальной культуры с указанием названий этих предметов, то есть воплощением принципа «слова и вещи».

Рассмотрим страницу этого букваря. Верх ее занимает фигурное изображение буквы, в правом верхнем углу приведены рукописные и печатные ее образцы из кирилловского и греческого ал-

Фавитов. Центральную часть страницы заполняют иллюстрации. Закljučают страницу стихи нравоучительного содержания, в которых автор стремился употребить все слова, поясняющие рисунки. Однако содержание этих стихов слишком абстрактно, соединение слов искусственно и мало способствует уточнению их значения. Приведем часть виршей к букве *Н* (знаки препинания мои — Г. С.).

Здравъ кто *ногама*, будь болну *носило*;
ножемь не дерзай: в *требу* онъ есть дело;
ночвы в *домъ* возми: в *требстве* пригодятся;
нотопыри же злобъ да истребятся.

Работая над словарем, Карион Истомир стремился сократить число слов, являющихся названиями абстрактных или отвлеченных предметов, трудно поддающихся иллюстрированию.

Возможность или невозможность дать иллюстрацию к слову обусловили преимущественно конкретно-предметный характер лексики, включенной в букварь. Благодаря такому составу словника букварь оказался первой русской учебной книгой светского содержания. Все предыдущие азбуки и буквари носили определенно религиозный характер, что подчеркивалось в этих книгах: *малым детям в научение и познание божественаго писания* (Букварь Бурцова. М., 1634); *начальное учение человекомъ хотящимъ учитися книгъ божественаго писания* (Букварь языка славенска. М., 1669). Они содержали различные молитвы, притчи Соломона, гимны, евангельские заповеди, а в учебном разделе — таблицы слогов, азбуку с названиями букв, надстрочных и строчных знаков и т. д. Букварь Кариона Истомина преследовал цель не только научить читать, но и дать первоначальные сведения о многообразии предметов окружающего мира, эта цель определила широкий состав словника с преобладанием слов бытовой сферы.

Треть состава словника занимают названия предметов и явлений животного и растительного мира, например: *алектор* — «петух», *бабръ* — «тигр», *буйвол*, *виноград*, *воробей*, *ворона*, *выдра*, *голубь*, *гриб*, *древо*, *дубрава*, *ветвь*, *единорог*, *елень*, *ехидна*, *жаба*, *жаворонок* и т. п. Следует отметить, что рисунки птиц, животных, рыб отличаются точностью и реалистичностью. Богато представлены наименования домашней и хозяйственной утвари: *ведро*, *гребень*, *бич*, *бритва*, *веревка*, *весло*, *весы*, *делва* — «бочка», *жеребий*, *завеса*, *замок* и др. Представляют интерес названия одежды, обуви, тканей и украшений, включены в букварь названия орудий труда, пищи, встречаются названия построек, частей человеческого тела, музыкальных инструментов, явлений природы, военные и географические термины.

Для современного исследователя и просто читателя букварь является предметным словарем, где имеется рисунок к слову, а само слово представлено в нескольких фонетико-морфологических вариантах и указано ударение. Сравнение вариантов рукописного и печатного букварей, где иллюстрации выполнены разными живописцами, позволяет увидеть предмет, обозначенный тем или иным словом, в нескольких бытовавших в то время формах. Хотя слова зачастую совпадают с современными, предметы, ими обозначаемые, имеют свои специфические особенности. Например, *бритвой* называли небольшой нож с черенком и острым лезвием, бритвы могли быть складными. *Ведро* представляло собою деревянный или лубяной сосуд, обтянутый обручами. *Делва* выглядит, как круглая бочка, очень узкая в краях и широкая в середине. Имеющиеся в Картотеке древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР) примеры не дают возможности представить внешний вид делвы, и рисунок букваря здесь незаменим. В деловой письменности той поры это слово пока не отмечено, что может свидетельствовать о редком употреблении его в обыденной речи. Любопытно выглядит *жребий* — как кубок с различным количеством меток на каждой из шести его плоскостей.

Иллюстрации букваря дают представление о внешнем виде *котла* — сосуд, кованный из медных полос, склепанных между собою. В виде очень короткого круглого бочонка изображена *лагвица*, ее назначение пояснено: *лагвицы полны пшты пригодятся*. Слово *лествица* иллюстрируется рисунком лестницы. *Мохоръ* выглядит как кусок ткани с бахромой или кистями и, судя по содержанию вирш, являлся элементом отделки одежды: *мониста мохоръ людемъ во сѣкрасу*. *Мошна* изображена в виде мешочка на вздержке. *Мрежа* иллюстрируется рисунками сетей. В виде круглого сосуда изображена *мера*. К слову *носило* имеется рисунок носилок с днищем из берестяного луба, переплетенного между палками.

Данные букваря особенно полезны в случаях, касающихся слов, о значении и истории которых наука еще не располагает полными сведениями. Так, уточняются данные о внешнем виде *окрино* — это был сосуд с ручкой вроде кувшина. Зафиксированное одним примером в Картотеке древнерусского словаря слово *токмак* обозначало колотушку-трамбовку с ручкой, с помощью токмака, вероятно, размягчали кожи, предварительно их размачивая.

Отмеченное еще в Юрьевском евангелии 1119 года слово *чвань* обозначало невысокую кружку с ручкой и крышкой.

Можно наблюдать и синонимию отдельных названий: *обезьяна* — *пифик* — *араната коза*, *веревка* — *ужище*, *черпало* — *чюмичка*, *пояс* — *обязало* и др.

Анализ территориальной распространенности включенных в букварь слов позволяет судить о его преимущественно общерусской лексической основе, в которой богато представлены наименования бытовой сферы. Курское начало биографии К. Истомина отразилось только в двух случаях, связанных со словами *багор* — «четырёхлапый якорек с кольцом вверху для привязывания к нему веревки» и *овощник* — «огород». Оба эти слова отмечены только на южновеликорусской территории.

Влияние книжной культуры того времени и жизненного опыта автора букваря определили наличие в нем лексики религиозного круга, терминов духовной культуры, некоторого количества слов, архаичных даже для XVII века. Можно указать, например, на такие слова, как *орало* — «пахотное орудие», *спирида* — «невысокая плетеная корзина», *фиал* — «род кувшина»: все они характерны для литературы религиозного содержания. Вероятно, под влиянием Лексикона Памвы Берынды (1627 г.) в букварь включены и такие книжные архаизмы, как *кипарис*, *кладязь*, *мрежа*, *одр*, *праца*, *юзы*, но в целом совпадение словников этих двух памятников письменности XVII века невелико: из 257 слов букваря только 100 представлены в словаре Берынды.

Кариону Истомину удалось отобрать слова в большинстве своем общерусского распространения, не знающие стилевого или жанрового ограничения и потому обладающие большой жизненной силой — многие из этих слов употребляются в современном русском языке. Букварь сыграл известную роль в кодификации лексических норм формирующегося национального языка. Представляется целесообразным использовать букварь Истомина для нужд современной исторической лексикологии и лексикографии. Ведь заманчиво «показать во всех тех случаях, когда это возможно, какие вещи, какие конкретные представления и образы соответствовали словам, составляли содержание опыта и сознания разных классов русского феодального общества XV—XVIII вв.» (Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря. М.—Л., 1936, с. 18).

Г. В. СУДАКОВ

Рисунок В. Комарова

Падежная терминология в том виде, в каком она существует теперь, полностью сложилась в XVIII веке и отражена в грамматических трудах М. В. Ломоносова. Она прошла долгий и сложный путь развития и упорядочения, который занял четыре столетия.

ПЕРВЫЕ со славяно-русскими названиями падежей мы встречаемся в грамматической статье «О осмих частех слова» (XIV в.). Здесь и в ряде других более поздних грамматических сочинениях XV—XVI веков (а это были в основном переводы средневековых греческих грамматик), представлена пятипадежная система, характерная для греческого языка: *именительный, звательный, родительный, дательный, винительный*. Переводчики механически переносили ее на родной язык, так как в то время грамматические схемы классических языков считались универсальными и полностью приложимыми к любому другому языку. В конце XVI — начале XVII века «классическая» пятипадежная система уступила место новой, отражающей специфические свойства родного языка. Число падежей в грамматике Лаврентия Зизания увеличилось до шести за счет введения *творительного* падежа, а Мелентий Смотрицкий ввел последний, *седьмой падеж — сказательный* (равный предложному). В XVIII веке работу по систематизации падежной терминологии завершил М. В. Ломоносов.

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ ПАДЕЖЕЙ

Из истории отечественной
лингвистической
терминологии

Русская грамматическая теория унаследовала многие черты греческой, поэтому необходимо вспомнить, что подразумевала под термином «падеж» античная грамматика и каково первоначальное значение названий падежей.

По-гречески «падеж» — *ptosis*. Как грамматический термин это слово впервые было употреблено Аристотелем, причем значение его трактовалось предельно широко. *Падеж* у Аристотеля означало все формы слова, отклоняющиеся от основной, «нормальной» его формы. Это не только косвенные падежи имени, но и все глагольные формы, кроме формы настоящего времени, а также сравнительной и превосходной степени *прилагательных*.

Стоики — представители одной из философских школ эпохи эллинизма (III—I вв. до н. э.) — заимствовали у Аристотеля термин «падеж», но несколько сузили его значение: он характеризовал лишь склоняемую часть речи. Следует сказать, что в основу термина «падеж», согласно представлениям древних, был положен зрительный образ грифеля: как пущенный сверху грифель может вонзиться в землю вертикально или наклонно, так и имя может «выпасть» в прямом падеже (т. е. именительном) или в косвенном. Стоики, в отличие от Аристотеля, включили в систему падежей и исходную назывную форму имени — форму именительного падежа. Против такого толкования слова возражали перипатетики — последователи философии Аристотеля. Их спор со стоиками передает комментатор Аристотеля Аммоний (V в. н. э.): «Перипатетики говорят стоикам, что прочие падежи справедливо называют падежами, так как они упали с прямого; но на каком основании можно считать падежом прямой, как будто он откуда-то упал?.. Стоики отвечают, что и он упал с душевного представления: желал выразить имеющиеся у нас представления о Сократе, мы произно-

сим имя Сократ» (История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980). Постепенно на смену образного значения слова *падеж* как «отпадения» имени пришло понимание этого термина просто как его формы.

Русский грамматический термин «падеж», так же как и латинский *casus*, — калька с греческого. Первоначально (XIV—XV вв.) греческий термин *ptosis* переводился словом *падение*. Интересно, что русско-славянские названия падежей в статье «О осмих частех слова» (*права, родна, виновна, дателна, звателна*) обнаруживают тесную связь с языком-источником: они согласованы в роле не со славянским словом *падение* (ср. р.), а с греческим словом *ptosis* (ж. р.).

В XIX веке некоторые исследователи пытались осмыслить русскую грамматическую терминологию с точки зрения внутренней мотивированности. Так, например, современник Пушкина В. Кюхельбекер, возражая против существующего термина «падеж» и перечисленных названий падежей, писал: «Что может быть нелепее названия падежей? Что тут падает?». Вместо «схоластического» термина «падеж» Кюхельбекер предлагал ввести термины «виды», «перемены», «изменения». Тогда названия падежей (*именительный, родительный* и т. д.) уступили бы место перечислению: *первый вид, второй вид* и т. д. Русский язык не принял такой схемы, а вот в чешском, словацком и словенском языках названия «первый падеж», «второй падеж» существуют параллельно с латинскими наименованиями.

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Звательный падеж тесно связан с именем и возможностью обращения к лицу или одушевленному предмету. Этот падеж, как не имеющий в современном русском языке особого формального выражения (совпал по форме с именительным), не вошел в падежную систему. Еще стоики выделили его как особый вид высказывания, так называемую «категорию обращения», не входившую в систему падежей. Александрийские грамматики (Дионисий Фракийский), опиравшиеся на морфологические признаки (особое окончание), ввели звательный падеж в падежную схему. Русское название падежа «звательный» — калька с греческого. Это название осталось в языке неизменным с XIV века.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Первое славяно-русское название этого падежа — «права», передающее греческое *orthē*. Но в греческом языке этот падеж имел дублетное название *onomastikē* — «именовный». Кальки с дублета постепенно вытеснили в славянских грамматиках прежнее название «правый»: в «Адельфотисе» и у Зизания мы встречаем термин «именовный», а современное название «именительный» впервые появилось в грамматике Смотрицкого и было закреплено Ломоносовым.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Греческие грамматики связывали название этого падежа с обозначением родителя. Дело в том, что у древних греков к имени человека часто присоединялось в форме родительного падежа имя его отца (нечто вроде нашего отчества на более ранней стадии, ср.: Иван сын Петра). Более верно, однако, объяснение этого названия от слова *genos* — «род», то есть родовой, общий падеж, поскольку он единственный из всех косвенных падежей мог вступать в синтаксические сочетания со словами, принадлежащими любой изменяемой части речи.

В латинской грамматике термин *genetivus* появился сравнительно поздно (I в. н. э.). Эта калька с греческого ясно указывает на связь с понятием рождения, родителя, происхождения (в основе термина лежит глагол *gigno* — «рождать»). Попыткой отразить в названии падежа родовую принадлежность предмета в логическом понимании был термин римского грамматика Присциана (IV в. н. э.) *casus generalis* — «общий падеж», однако этот термин в грамматике не удержался.

В трех славянских грамматиках, идущих от греческой традиции («О осмих частех слова», «Адельфотис» и грамматика Зизания) греческий термин переводится как «родной падеж» (такое название осталось в современном белорусском: *родный склон*). Современный термин с суффиксом *-тельн-* впервые появился у Смотрицкого.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

На первый взгляд, с названием «дательный падеж» дело обстоит очень просто. Очевидна его связь с однокоренным глаголом: *дательный падеж* служит для обозначения лица, которому что-то

дают. Однако греческое слово, с которого скалькирован русский термин, обозначает не того, которому дают, а того, который дает сам: *dotikos* — «щедро дающий». Этот пример показывает нам, насколько могут расходиться значения термина и обычного слова. Впервые в славяно-русской грамматике название «дательный падеж» в форме краткого прилагательного «дателна» встречается в XIV веке. Термин оказался очень удачным: он существует неизменным уже шесть столетий.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Название этого падежа сами греки связывали с глаголом *aitiazmai* — «обвинять». Такое понимание отразилось в латинском названии *accusativus* и в русском — «винительный». Трудно, однако, объяснить, почему это так. Правда, в греческом языке указанный глагол управлял винительным падежом, но наряду с ним этим же падежом управляло много других глаголов. Вполне справедлива поэтому точка зрения, согласно которой данное название следует возводить к философскому термину *aitiaton* — «обусловленное причиной», «следствие». Действительно, обозначение объекта, возникшего в результате действия, — одна из основных функций винительного падежа. Именно поэтому римский грамматик Присциан передал по-латыни греческое название падежа как *casus causativus* — «причинный падеж».

Первое русское название этого падежа — «виновный». Впервые «винительный» мы встречаем у Зизания. Название, производное от «вина́», не вполне соответствовало сущности падежа, поэтому в XIX веке ему попытались дать новое — *предметный падеж* (термин Поржезинского). Однако этот термин не утвердился.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

В XVI веке в Москву попала в переводе толмача Московского приказа Дмитрия Герасимова элементарная латинская грамматика Допата. Знакомство с новой грамматикой, выделявшей в падежной системе собственный латинский падеж *ablativus*, заставило образованных людей задуматься над приведением в бóльший порядок и бóльшее соответствие с фактами родного языка грамматических типов склонения и терминов, заимствованных у греков.

Когда именно и у кого впервые появился термин «творительный падеж», сказать трудно. В грамматике Зизания мы встречаем этот термин уже в современном виде,

В грамматике Смотрицкого он впервые введен в падежную систему под названием «сказательного». Мотивировка термина у Смотрицкого предельно ясна: «...сказательный есть, имже сказуем, яко: о человеце». Термин «предложный падеж» ввел в русскую грамматику М. В. Ломоносов. Внутренняя форма этого термина тоже достаточно прозрачна: это падеж, не употребляющийся без предлога. Характерно, что Ломоносов ввел его в эпоху расширения аналитических конструкций в русском языке. Это единственный термин, выпадающий из общей словообразовательной схемы: он не имеет суффикса *-тельн-*.

Итак, рассмотрев историю падежной терминологии, мы можем заключить, что название падежа образовалось на основе того или иного случая его употребления, часто весьма произвольно выделенного из ряда других случаев (например, термин «винительный падеж»). Далее следовала систематизация терминов. В отечественной грамматике такая систематизация принадлежит Мелетию Смотрицкому, который ввел единую словообразовательную модель с суффиксом *-тельн-*. [В греческом и латинском языках единая словообразовательная модель также имела место: у греков на *-ikē*, у римлян на *-ivus*.] Словообразовательная терминологическая работа, проведенная с XIV до начала XVII века, свелась к тому, чтобы первоначальные кальки, имевшие форму кратких прилагательных женского рода (*виновна, родна*), широко употреблявшиеся вне терминологических сфер живого разговорного и письменного языка, сделать «особыми» словами, которые не имели бы смысла вне терминологии. Это было достигнуто (ср.: в современном русском языке есть прилагательные с корнем *род-*: *родной, родительский*, но «родительный» — это только грамматический термин). Четкое отмежевание терминов от общей лексики сделало русскую падежную терминологию очень устойчивой.

Н. В. ВАСИЛЬЕВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как правильно сказать *матрас* или *матрац*?

М. А. Гребнев, Владимир

Можно употреблять оба слова (и *матрас*, и *матрац*).

Большой популярностью пользовались в Петровскую эпоху рукописные повести, так называемые «Гистории»: «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли», «Гистория о храбром российском ковалере Александре и о любительницах его Тире и Елеоноре» и «Гистория о некоем шляхецком сыне, како чрез высокую и славную науку заслужил себе великую славу и честь и ковалерский чин и како за добрые свои поступки пожалован королевичем в Англии». В этих произведениях нашли отражение многие проблемы, волновавшие передовое русское общество того времени.

Естественно, что форма и язык их еще несовершенны, в них причудливо сочетаются элементы древнерусской литературы и литературы западноевропейской, слова устаревшие с неологизмами, но вместе с тем здесь можно увидеть, как в русском литературном языке начала XVIII века входят и развиваются своеобразные ростки новых стилей повествования и лирического выражения, а также заметить робкие попытки авторов использовать новые художественные приемы изображения.

«ПОВЕСТЬ о российском кавалере Александре» (здесь и далее название и примеры цитируются по изданию «Русские повести первой трети XVIII века», М.—Л., 1965) — одна из самых оригинальных, по определению А. Н. Пыпина, рукописных повестей начала XVIII века. О том, что произведение получило широкую известность у читателей, свидетельствуют различные приписки на полях отдельных списков повести, например: «Сия тетрадь господина Ивана Ивановича, его милости Костырина»; «Оная тетрадь капитана Коробовскаго»; «Сии тетрадь города Рыбни с деревни Воколова, крестьянина Ивана Свановатова». Подобные записи говорят о том, что повесть была интересна представителям самых разных социальных слоев общества в силу актуальности затронутых в ней проблем. Повесть — крайне сложное и за-

путанное по сюжету и композиции произведение, написанное в манере любовно-авантюрного романа, с фантастическими описаниями диковинных стран, кораблекрушениями, нападениями разбойников, рыцарскими подвигами, что было типично для литературы первой трети XVIII века.

Продолжая традиции литературы предшествующего периода (интерес к человеческой личности, к любовной линии в сюжете, к занимательности сюжета и др.), «Повесть о кавалере Александре» по-иному решает проблему оценки достоинства человека, создает новый образ положительного героя, который не идеализируется автором, как того требовали традиции, а представлен критически, объективно. Такой подход к изображению личности был подсказан жизнью, самой эпохой.

Своеобразие повести не только в постановке самой проблемы назначения человека, а и в ее решении. Отвечая на вопрос, каким должен быть положительный герой и каково его отношение к миру, автор пытается найти новые средства изображения действительности. Каковы же они?

Итак, главный герой произведения — молодой человек по имени Александр, который «умеренную силу в себе познал и двадцатое лето возраста своего достиге, возревновал красоту маловремянной жизни света сего зрети» и отправился в Париж, чтобы «политичных правов себя обучить». Автор подробно описывает

многочисленные приключения Александра, восхваляет его ум, красоту, верность чувству («лицем зело и умом остра суца; лутче мне тварию быти, нежели мне возлюбленную свою забыть»). Он явно симпатизирует своему герою, что проявляется и в приподнятом, торжественном тоне повествования, и в том, что предпочтение отдается словам экспрессивно-возвышенным, подчеркивающим благородство характера Александра («охотник к делам памяти достойной»; «достопамятные и мужественные дела»; «почтили ево над всеми приезжими ковалеры первенством» и т. п.). Причем интонации риторической торжественности и возвышенности, создаваемые в большинстве случаев за счет использования устаревшей и книжной лексики, различных повторов и нарочито сложных синтаксических конструкций, сохраняются на протяжении всего произведения: «И еще Александру юну в возрасте суцу, дивитис было достойно, понеже от природы разум в нем так изострился, что философии и протчих наук достиг и во учении превзыде...». Восхваление Александра — дань автора традиционным представлениям о положительном герое, герое-дворянине обедневшего, но славного рода: «...из знатнейших Российскаго государства дворянин был некто именем Дмитрий» (речь идет об отце Александра). И лишь изредка риторическая приподнятость изложения нарушается, этикетность изображения нейтрализуется авторским замечанием-оценкой: «...а склонность же ево была более в забавах, нежели во уединении быть»; «поехав и приехав в тот город чести ради — жил долгое время праздно». Подобные замечания автора, на первый взгляд незначительны, но они определяют, как нам кажется, с одной стороны, развитие сюжета и его неожиданный финал (смерть героя), а с другой — являют собой необычный, новый принцип изображения положительного героя, позволяющий дать более реалистический, правдивый образ. Подобное описание личности вызывало у читателя определенный настрой, определенное отношение к ней. Если в прошлом читатель заранее знал, что герой — человек идеальный, которому все удастся, и с первых страниц произведения не сомневался в счастливой его судьбе, то в повести об Александре заранее предугадать финал трудно. Трагическая судьба Александра («между волнами утомясь, дну морскому предался, и тако бедне скончался») обусловлена, вероятно, замыслом автора показать в образе молодого дворянина человека достойного, но забывшего в праздных забавах о своих благородных целях: стать европейски образованным человеком, дабы не стыдно было «дворянином назваться». Отождествление понятий *дворянин* и *высоко образованный человек* отражало новую идеологию и требования петровского времени. Автор отступает от принятых литературных традиций и предсказывает трагический конец герою, за-

бывшему главное дело жизни — служение отечеству. Такое изображение положительного героя приближается в какой-то мере к литературе позднего периода, когда приемы описания строго соответствуют изображаемому.

*

Отношение автора к своим героям (его симпатии или антипатии) определяет специфику повествования. Об Александре, его уме, благородстве, красоте мы узнаем со слов самого автора. Другое действующее лицо повести — Владимир, приятель Александра, сам о себе рассказывает и сам оценивает свои поступки: «Прежде как я отечество свое оставил, зделал начало волоките своей»; «Да и сам, братец, подумай. Я надеюсь, что в свете не найдеш такого бесчастного волокиты, как я был». Итак, Владимир — прямая противоположность Александру: беспечный, легкомысленный, безнравственный молодой человек. И автор не случайно отказался представить нам нового героя. Он как бы отходит в сторону, давая возможность читателю самому определить свое отношение к Владимиру, его поступкам, взглядам. Однако непричастность автора мнимая. Развитие сюжета, отбор языкового материала показывают, на чьей стороне симпатии автора. Это проявляется и в изменении эмоциональной настроенности повествования: пышное многословие и торжественность вдруг уступает место будничности, естественности, а иногда и «сниженности» стиля. Как уже отмечалось, в описании приключений Александра предпочтение отдается словам книжным, фразам витиеватым, замедленным. В рассказах Владимира о себе словесная ткань повествования резко меняется. Основная нагрузка ложится на слова «разговорные», просторечные: *братец, дожидатца, метла, погреб, сунулся, мешкать, нуще быть нельзя* и др. Например: «Пошел я с великим поспешением к тем дверем и *запнулся* за столик, на котором лежал всякой убор, тут же и посуда драгоценная была, которую я с неосторожности опрокинул... И от того стуку зело *оторопел*».

Если сопоставить контексты авторского повествования и рассказов Владимира, то нетрудно убедиться в том, что речь автора отличается однотипным набором языковых элементов, перегружена словами «высокого» стиля: *пребывающи, знатнейший, принужден, паки, оный* и другие. В рассказах Владимира изменяется соотношение языковых элементов, усиливается роль разговорной стихии языка, происходит, по определению А. И. Горшкова, важное для последующего развития русского литературного языка объединение «простых российских» и «славенских» языковых ресурсов, их соединение, взаимодействие в пределах одного

контекста. Приведем пример из рассказа Владимира: «*Аз же с великою радостью всем корпусом чрес порог сунулся, абие в погребе очутился, отчего в великой страх пришел; утвердился единогласно в совете и выгнали меня с великим руганием на двор, а з двора метлами проводили*». Отличается речь автора и обилием славянизмов, на них ложится основная семантическая и экспрессивная нагрузка. В рассказах Владимира славянизмы в сочетании со словами иной стилистической окраски и предметной соотнесенности теряют свойственные им оттенки торжественности, возникает своеобразный контраст: несоответствие между содержанием и той приподнятостью, которая заложена в лексике «высокой», что и создает эффект иронии или комизма: «...ударил меня по щеке так болно, что тысящу разных колеров, огненных лучей, очима моими зрети мог». Как видим, славянизмы в сочетании со словами другой стилистической окраски выступают как средство индивидуализации языка персонажа.

*

Особое место в повести занимают письма, которыми обмениваются герои. Широкое использование различных посланий в произведении объясняется, с одной стороны, стремлением автора показать человека в конкретной обстановке, с другой — отразить характерные черты быта того времени.

С помощью писем автору удастся глубже раскрыть внутренний мир своих героев, подчеркнуть контрастность натур Александра и Владимира. Например: «Любезнейшая Тира, милостивая государыня моя! Лютые стрелы красота ваша в сердце мое вонзила... Однако ж отдаю в ваше милостивое рассуждение и буду неусыпной милости ждати, нежелъ гнева от вас ожидать. И в том пребываю всегдашний вам, государыни моей, милостиво готовый слуга Александр», — так искренне и вдохновенно объясняется в любви герой повести. Другое дело — Владимир: «Любезнейшая моя! Вчерашний вечер мне столко охоты ко исканию знакомства дал, что я с великим терпением пыняшнего дня дождался, которой мне советовал, чтоб я себя писмено рекомендовал... И остаюсь ваш слуга Владимир».

В 1708 году в Москве была выпущена книга «Приклады, како пишутся комплементы разные, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалительные, такожде между сродников и приятелей», содержащая советы и образцы написания писем, например: «Моя госпожа. Ваше милостивое намерение меня за вашего слугу восприяти, и доступе к себе высокосклонно позволить... дабы я себя мог за вашего преданного слугу почесть...»;

«я с первого мгновения ока, как я вас увидел, желателен стал ваше высокодрагое знакомство получить... постоянно пребываю ваш моею госпожи всепослушный и покорный слуга» и так далее.

Примеры из текста убеждают нас в том, что, конечно, автор повести использовал конструкции «Прикладов», в одних случаях приближаясь к ним, в других — заимствуя стиль изложения, но наполняя текст послания конкретным содержанием, отражающим особенности характера пишущего, что проявилось в отборе и сочетании слов в посланиях. Конечно, не все письма глубоко индивидуальны, по все-таки есть и такие, которые вполне соответствуют характеру персонажа. Письма также подчеркивают противоположность натур Александра и Владимира. Автор делает это сознательно. В посланиях Александра в основном представлены книжные слова и словосочетания. Его благородство, искренность чувства передаются яркими метафорами: *любовь* — «болезнь», *любовные переживания* — «внутренние болезни», *возлюбленная* — «врач», «доктор болезни» и т. п. Его письмам свойственны интонации возвышенности, приподнятости, что вполне соответствует характеристике, которую дал автор Александру и которая отвечает его представлениям о положительном герое.

В посланиях Владимира метафоричность слов и выражений встречается реже, употребляются чаще слова экспрессивно-нейтральные, снижающие лиризм описания (*охота знакомства, свободные поступки в компании, персонально* и т. п.). Сниженность стиля изложения усиливается за счет слов деловой речи: *советовал, рекомендовал, заседание*.

Если в письмах Владимира появляется возвышенно-риторическая лексика, то она только усиливает контраст между сказанными им «высокими» словами и истинными чувствами Владимира: «Хотя с вами в компании заседание переткое имею, но тем не доволен, понеже изрядная красота ваша подобно магнит железо влечет... и слатчайшие разговоры, а особливо острые очей ваших взоры такие сердцу моему раны дали, что, кроме вас самих, никто исцелити не может... Раб ваш Владимир».

*

Отдельные письма, обращенные к разным героиням или написанные ими, характеризуются некоторыми специфическими особенностями, проявляющимися как в составе языковых единиц, так и в их употреблении. Преобладание тех или иных из них зависит от отношения автора или персонажа к предмету описания. Так, Александр искренне любит Тиру — и письма его к ней возвышенные, нежные, Гедвиг-Доротея ему несимпатична — стиль посланий

изменяется: «досады ты со мною, Гедвиг-Доротей, чиниш, а когда будет нужда, и сам вас просить буду». Автор, например, осуждает одну из героинь (Лину) и восхваляет другую — Тиру, что, естественно, отражается и на стиле их писем, позволяя дополнить образ средствами языковой характеристики. Сравните, как Тира пишет Александру: «Другу Александру от любви нашей поздравление! И от трех ран истекшая кровь сердце мое к жалости склонила и надежду вам дати понудила. Того ради zde положенной знак любви — златыя шнуры, узел зовомы, едина мя смерть развяжет...». Выражения *к жалости склонила, строгий отказ, пребуду в верности, смерть развяжет* придают контексту оттенки радости и глубокой печали. Письмо Анны к Владимиру совсем иное — конкретное, деловое, лишённое чувства: «В число приятелей уже причтён», — сообщает она Владимиру. Нетрудно за этими посланиями угадать характер героинь и отношение к ним автора.

Приведенные примеры и весь текст повести показывают, что автор стремился к индивидуализации средств изображения, а это особенно важно, так как позволяет говорить о новых приемах организации текста, попытках создания языковыми средствами образа рассказчика, что в литературе позднего периода станет одним из основных принципов.

Г. С. ЖУРАВЛЕВА

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как правильно сказать *инспéкторы* или *инспекторá*, *инстрúкторы* или *инструкторá*?

А. К. Шитов, Реутово

Множественное число от слов *инспéктор*, *инстрúктор* — *инспéкторы*, *инстрúкторы*.

Ноябрь — последний месяц осени, пора холодов и порош, замерзания земли и перволедея.

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Есенин. «Нивы сжаты, рощи голы...»

В древней Руси ноябрь носил название *грудень* (*груденъ*): «Поидоша на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣць (месяц) *груденъ*, рекше ноябрь» (Лаврентьевская летопись, 1097 г.).

Название *грудень* образовано от слова *груда*, которое в старорусском языке (XVI—XVII вв.) значило «разъезженный, плохой и замерзший путь»: «И послы говорили: немочно тому такъ быти, что столь борзо посломъ сходити: занже ужжо придетъ осень, дожды, морозы, *груда*, чтобъ государь вашъ съ нашимъ государемъ

похотѣлъ перемирна хоти на годъ» (Польские дела I, 1520); «А скорее тово посиѣшит(ь) никакъ нельзя: — ...по дороге расторопица стоит и *груда* и облом» (Письма царя Алексея Михайловича, 1656 г.). В русских говорах *груда* — «мерзлые колеи по дороге, мерзлая кочковатая грязь поголу, кочки, кблоть». Диалектное название ноября *снеговѣй*.

В перевозимье часты заморозки. Первые осенние заморозки в русских говорах называются *замерѣк*, *замерки*, *замереки* («Попли *замереки*, скоро полетят белые мухи»), *замороз* («Со весны до осени, до студеного до *замороза* — песня), *заморозь* («Если хлеб печеный замерзнет при первых *заморозях*, то значит, наступила настоящая зима»). Есть народная примета, касающаяся промерзания с осени земли и озимей: «Коли с осени земля и озими хорошо промерзли, то и без снегу хлеб уродится, а если нет, — корешок на озими подопрет» (Тверская губ.).

По наблюдениям крестьян бывшей Тульской губернии с первого ноября (здесь и далее датировка дается по старому стилю) начинались морозы. Это отражено в поговорке «Козьма и Дамиан с гвоздем». Относительно 8 ноября, дня Михаила Архангела, сложились противоречивые приметы: «День Михаила Архангела бынет», «Со дня Михаила Архангела зима кует морозы».

К 10 ноября относятся такие приметы: «Если после Михайловского мороза появится на деревьях иней, то пужно ожидать больших снегов»; «Если день начинается большим туманом, то ждут оттепели».

К 11 ноября (день Федора Студита) относятся поговорки: «Федор Студит землю студит»; «На Студита Федора студит по двору».

С 21 ноября связаны также разноречивые приметы: «Введенье ломает леденье» (Тульская губ.); «На Введенье толстое леденье» (Рязанская губ.); «Введенские морозы не ставят зимы» (Московская губ.). Общее народное замечание: появляющиеся оттепели с 21 ноября расстраивают зимний путь. После оттепелей в перевозимье, когда землю схватывает морозом, возникает гололед (гололедица). Есть запись о гололеде в Новгородской IV летописи (1386 г.): «А тогда крестьяномъ не бѣше пути по го(ло)ледь бес пути и бе-снега».

Вот ряд названий гололеда (гололедицы) в русских говорах: *ледосица*, *ледѣница*, *леденец*, *ледянка*, *ледокблица*, *налѣдица*, *обледень*, *обле(ѣ)дица*, *обледѣница*, *улѣдица*, *уледень*, *подледѣница*, *гладцá*, *гладь*, *глюдь*, *сѣльзя*, *скблизь*, *ковзѣлица*, *скальзбта*, *склизбта*, *слизбта*, *глезь*, *глѣздка*, *глездь*, *поглѣздка*, *поглездѣха*, *обливáха*, *облвй*, *головяница*, *голедѣха*, *голѣча*, *горлолѣдка*, *чигуха*, *гузноббй*, *голощѣк*, *гблоть*, *голодбá*, *кблоть*, *ожелѣдица*.

В поябре — декабре наблюдается установление ледяного покрова на водоемах. Это время (замерзания воды и земли) в древней Руси носило название *заморозъ(ь)*: «Се слышавше новгородци и рѣша Ярославу яко заутра перевеземься на нихъ. Аще кто не поидеть с нами, то сами потнем, бѣ бо уже в *заморозъ* и стояша (двѣма) межи озерома» (Ипатьевская летопись, 1016 г.); «Бѣ бо уже *заморозъ*. А Святополкъ стояше между двѣма озерами и всю ночь пилъ бѣ с боляры своими. и нача Днѣпръ мръзнути» (Типографская летопись, 1016 г.). В русских говорах пора замерзания рек называется *ледостав, ледостай, заледки, рекостав*.

Процесс замерзания вод отражен в русских говорах глаголами *опягъся* (о воде) «затянуться, покрыться льдом, замерзнуть»: «С осени с самой собирались, а поди и застряли, река-то уж *опялась*» (архангельские говоры); *застыгнуть* (о воде) «слегка на поверхности замерзнуть, взяться льдом»: «Осеньс вода уже *застыгла*, а он все, вишь, купался» (архангельские говоры); *засаливать* «покрывать тонким слоем сплошного льда (о водоемах)»: «Варвара заварит, Савва *засалит*, Никола закует» (пословица; ивановские говоры); *заслудить* «покрыть тонкой пленкой или наслудом, то есть тонким льдом»: «Прудок *заслудило*»; *закипать* «покрываться льдом»: «Река закипела, окна закипели»; *закбываться* «покрываться прочным льдом»: «Река *заковалась*» (ярославские говоры).

В русских говорах есть также выражение *реку смолит* — «когда река становится, то при постепенном замерзании воды над рекою поднимается пар, как бы от курева». Перед сплошным замерзанием рек по ним идет мелкий плавучий лед, который в русских говорах имеет такие названия: *сало* («Вода выйдет на ноль, нет тепла — *сало* поплывет; *сало* — это токо створаживается, а маленькие льдинки — это уже шуга; сперва *сало*, потом шуга» — соликамские говоры); *тук* (архангельские говоры), *стенъ* («По реке *стенъ* плыве (плывет), звать скоро стане (станет)» — повгородские, олонечские говоры); *шуга, шуг* («Первый лед, он еще не стоит, его еще несет, это еще *шуга*» — пинежские говоры); *шѣрох, шарашъ, ша(е)(о)рбшь, шарш* («*Шарашъ* цепка в мороз» — волжские говоры); *шакша* («Как *шакша* пойдет, так скоро будет рекостав» — кузбасские говоры); *снежница* («Наперво идет сало, потом *снежница*; вода еще не застыла, а сгустится, сделается на ём как сало; *снежница* — со снегом, как застывать уж» — соликамские говоры).

Осенью льдины образуются из смерзшегося сала, шуги, снежницы и оторвавшихся заберегов. *Забереги* — «лед у берегов в период осенних заморозков, когда река еще свободна ото льда». Та-

кой лед называют еще *залёда, зálezь, закрáйки* («Вон *закрайки* появились, скоро река станет» — свердловские говоры).

Относительно осеннего ледостава есть также приметы: «Если лед на реке становится грудями — и хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко (неурожай)»; «Если замерзнет лед темный — к урожаю, светлый — к неурожаю» (Тобольская губ.).

Обычно в ноябре земля покрывается снегом (хотя первый снег может выпасть и раньше), начинаются пороши. Вот народная загадка о первом снеге: «У нас на молоду скатерть бела весь мир застлала». О выпадении первого снега говорят: «Полетели белые мухи».

Приведем ряд названий первого снега в русских говорах: *ва-рбк, вбпадъ первая, зазýмок* («В якой день первый *зазумок*, в тэй день капусту сади» — смоленские говоры); *зазýмки, зазýмье, зá-мерék, замерéка, зáмереки, зáмерзý, зáизгрыш, мелкоснежница, на-зýмок, нáзимь, назýмье, падъ* («Осинесь еще перва *падъ* была, след-от хорошо видно, я шатуна-то и выследил» — соликамские говоры); *первая рбца* («Поедем в лес по *первой роце*» — клинские говоры); *подзýмки, подзýмье, позéмье* («До *поземья* зайцу плохъ приходицъ, ево далеко видно» — московские говоры), *чернотрбк*.

По тому, как выпадал снег осенью на землю, крестьяне судили о будущем урожае: «Если снег лег на землю ровно, будет ровный урожай озимого и ярового» (Курская губ.); «Если снег лег на сухую землю — к плохому урожаю» (Курская губ.); «Если снег падает осенью рано и глубоко — к урожаю»; «Если снег упадет на сухую землю и станет путь санный — на следующий год неурожай» (Пензенская губ.); «Если осенью снег выпадет на гололедицу — жди неурожая»; «Если осенью снег покроет сырую землю толстым слоем — рожь уродится хорошо».

Известный биолог, большой знаток русской природы Л. П. Сабанеев в своей книге «Календарь природы» отмечает, что настоящие пороши под Москвой редко бывают ранее начала ноября. Порошей, по его определению, называется собственно снег, шедший ночью и переставший идти утром. Для хорошей пороши снег должен быть настолько глубок, чтобы отпечаток ноги ясно на нем обозначался и был бы притом непрерывен, то есть чтобы не было больших оголенных пространств.

Охотники разделяют пороши на *верховые* (результат выпадения снега) и *низовые* или *заносные* (наметенные поземкой). По глубине пороши делятся на *мелкие, глубокие* и *мертвые*. *Мелкая* пороша — когда отпечатки передних лап зайца вдавлены не глубже нижнего своего сочленения; *глубокая* — когда снег лег глубиной от 2 до 3 вершков (вершок — старая русская мера длины,

равная 4,4 см), *мертвая* — когда теплый мокрый снег выпадает ровным слоем толщиной в четверть. Различается еще *печатная пороша* — «когда каждый ноготок лапы зверя ясно, рельефно выходит на снегу, как бы печатается». Рано прекратившаяся пороша, когда зверь успел дать длинный след, называется *длинной*. *Короткая* пороша — когда зверь дал короткий след и когда снег шел всю ночь и даже продолжает идти. По пороше охотятся на зайцев, лис, волков. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет значение слов *порбха*, *порошуха*, *порбша* так: «пушной, рыхлый снег, идущий в безветрие, а потому покрывающий землю ровно... Охотник (ловец) порбши, что праздника ждет... По первой пороше медведя обходят... Первая пороша не санный путь».

*

Но вот наступил вслед за ноябрем декабрь, в старину называвшийся *студень*, в русских говорах его имя *ветрозим*, — первый месяц зимы с ее морозами, холодными ветрами, снегопадами.

4 декабря — день св. Варвары: «Грешит Варюха: береги нос и ухо»; «На день св. Варвары зима мосты мостит»; «К Варварину дню зима дорогу заварит».

6 декабря — день св. Николая: «На день св. Николая зима ходит с гвоздем».

В древней Руси очень холодная погода (*мороз*) называлась также словом *ледъ*: «Съгарающе зноемъ днью и ледомъ ночью» (Пандекты Антиоха, XI в.).

А вот записи о морозе в русских летописях: «На оснь оуби всю ярь морозъ» (Новгородская I летопись, 1160 г.); «Отъ мороза изомроша» (Ипатьевская летопись, 1283 г.).

Ночной мороз назывался *ночемържа-ночемеържа*: «Тои же осени бысть вода велика и выломи ледомъ, *почемеържею*, у великого мосту 7 городень» (Новгородская IV летопись, 1436 г.).

Другие названия мороза в русских говорах — *стѹда*, *стѹдь*, *стѹжа*, *стѹдь*, *стѹдѣль*, *стѹль*, *стѹд*, *стѹть*: «*Стужа*, да *нужа*, да царская служба (равны)». В словаре В. И. Даля читаем: «*Стужайла* м. олицетворение зимы, стужи, морозов. *Вот и стужайла пришел*, зима настала».

Стужа, от которой все костенеет, цепепеет в сибирских говорах называется *кок-коковѣнь* или *коковѣнь*: «На дворе пыне *кок-коковень!*». Это название восходит к глаголу *коковѣть* «мерзнуть, промерзать»: «Такой мороз, что *коковка коковееет* (нос мерзнет)». В русских говорах стужа, мороз носят также названия *ознобѣнь*, *сѹровица*, *заколева́нье*, *заверняй*, *тянѹга*.

Жестокий мороз называется в русских говорах словом *лють*. *Лють* — также блестящие инея, летающие в воздухе в солнечный морозный день.

С морозом связаны многие поговорки, пословицы: «Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет»; «Ходит и бос на мороз»; «Мороз не велик, да стоять не велит»; «На дворе мороз, а в кармане денежки тают»; «Кабы на хмель (на крапиву, на горох) не мороз, так бы и тын перерос (до неба дорос)»; «Мороз подорожным одежным кланяться велит, а безодежных сам посещать не ленится». «Морозко скачет по ельничкам, по березничкам, по сырым берегам, по веретейкам...».

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Рисунок В. Толстоногова

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ В КИШИНЕВЕ

26—27 мая 1981 года в Кишиневе проходила Всесоюзная научная конференция «Фольклорное наследие народов СССР и его роль в художественной культуре развитого социализма».

В конференции приняли участие исследователи фольклора из союзных республик — РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии; из автономных республик — Дагестана, Абхазии, Татарии, Карелии, Чечено-Ингушетии и др.

Местом проведения Всесоюзной конференции Кишинев стал не случайно. В Молдавии накоплен большой опыт по собиранию, изучению, изданию устно-поэтического наследия. В республике, в частности, уже издано двенадцать из семнадцати томов «Устного народного творчества» («Кре-

ания популярно орально») — своеобразной художественной энциклопедии народного быта.

В центре внимания участников конференции было рассмотрение в свете решений XXVI съезда КПСС задач советской фольклористики применительно ко всему устно-поэтическому наследию народов СССР и его функционированию в художественной культуре развитого социалистического общества, определению путей и перспектив исследовательской работы на XI пятилетку и далее до 1990 года.

Говоря о задачах освоения фольклорного наследия народов СССР, председатель Научного совета по фольклору АН СССР В. М. Гацак подчеркнул то, с каким вниманием относился к народному устно-поэтическому творчеству В. И. Ленин. В библиотеке Владимира Ильича в Кремле хранятся сборники, посвященные фольклору народов нашей страны. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин говорил, что устное народное поэтическое творчество включает в себе «чаяния и ожидания народные». «Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни» (Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., Т. III, М., 1963, с. 350),

Указания В. И. Ленина успешно претворяются в жизнь. В стране идет большая работа по собиранию, изучению, изданию фольклорного наследия. На Украине, в Белоруссии, Грузии, Молдавии, республиках Советской Прибалтики, Таджикистане, Мордовии, Башкирии, Татарии и в других республиках создаются своды (многотомные серии) фольклора. Их выпуску были посвящены выступления Б. Н. Путилова, М. Я. Чиковани, А. И. Баландина и других.

Всего в обсуждении фольклорных проблем приняли участие более 70 специалистов. Во всех выступлениях, прозвучавших на конференции, красной нитью проходила мысль: памятники устного творчества всех народов нашей многонациональной страны современны. Они утверждают образцы высоких чувств, помыслов и подвигов предков, воспевают дружбу между народами, учат любви к Отечеству и ненависти к его поработителям.

Конференция в Кишиневе выдвинула и обосновала в качестве принципиально важного объединяющего научного направления советской фольклористики изучение фольклорного наследия народов СССР как единого достояния советского народа — новой социальной и исторической общности.

В. В. КАСАРКИН

Русский язык на земле Карфагена

Обычно первое упоминание о Карфагене невольно ассоциируется с представлениями, почерпнутыми из школьных учебников по истории древнего мира с неотъемлемым утверждением о том, что он был разрушен римлянами...

В настоящее время столица в прошлом обширной Карфагенской империи является респектабельным предместьем столицы Туниса (г. Тунис), в котором раскопки древнего города, проводимые усилиями ЮНЕСКО, соседствуют с остатками мраморных римских построек и современными виллами. В римском театре под открытым небом проходят получившие мировую известность и признание фестивали народных танцевальных коллективов, в которых принимали участие и советские артисты Большого театра, танцевальные ансамбли из Татарии, Молдавии, Азербайджана и др.

*

Преподавание русского языка в Тунисе стало осуществляться с начала 60-х годов в арабском мужском лицее Алауи, в женском лицее Монфлери и во французском лицее Карно. С 1966 года на одной из центральных столичных улиц — улице Свободы — располагается Советский культурный центр, в стенах которого тунисцы изучают русский язык, знакомятся с русской и советской литературой, историей Советского государства, советской действительностью. На страницах тунисских газет периодически появляются объявления о записи на курсы русского языка. Вначале немного-

численные группы со временем выросли в аудиторию, насчитывающую ныне более двухсот слушателей. С расширением культурных связей, научно-технического и торгово-экономического сотрудничества между Советским Союзом и Тунисской Республикой постоянно растет и популярность курсов русского языка среди тунисской общественности. За время существования курсов при Советском культурном центре на них обучалось свыше трех тысяч человек. Среди слушателей курсов можно встретить представителей различных социальных групп и слоев общества, которых объединяет общее стремление познакомиться ближе с советским образом жизни. Курсы русского языка являются основным массовым центром распространения русского языка в Тунисе. О росте интереса к русскому языку свидетельствует и тот факт, что в последние годы в адрес Советского культурного центра стали все чаще поступать письма из периферийных районов страны с просьбой выслать учебники и учебные пособия по русскому языку для самостоятельного его изучения.

Клуб русского языка, созданный на курсах, объединяет любителей драматического искусства, хорового пения и художественного слова. На еженедельных заседаниях клуба демонстрируются и обсуждаются учебные и художественные фильмы на русском языке. В рамках клуба действует кинолекторий «По Советскому Союзу». Силами членов клуба русского языка ставятся спектакли, музыкально-литературные композиции, проводятся конкурсы чтецов, театрализованные выпускные вечера, организуются выездные концерты для советских специалистов, работающих на объектах экономического сотрудничества и др.

*

В системе высшего образования преподавание русского языка впервые было введено факультативно в 1974—1975 учебном году в Национальной инженерной школе Туниса, где в последнее время его изучало более тридцати человек, в том числе тунисские, французские и швейцарские преподаватели. В этом высшем учебном заведении работают и советские преподаватели.

Почти одновременно, начиная с 1975 года, преподавание русского языка было введено на филологическом факультете Тунисского университета, а годом позже в качестве второго обязательного иностранного языка (после английского) — в Институте живых языков имени Х. Бургибы. В 1980 году состоялся выпуск первых дипломированных специалистов по русскому языку, подготовленных в стране. По четырехлетней программе обучения русскому языку студенты должны овладеть навыками разговорной речи, грам-

матической структурой русского языка, пройти курсы страноведения, русской и советской литературы, а также изучить основы деловой переписки.

После окончания института его выпускники имеют право работать служащими государственных учреждений, сотрудниками представительства иностранных и смешанных компаний, международных организаций и т. д.

В последние годы преподавание русского языка введено в техническом лицее г. Нобёля, где русский язык преподают тунисцы — выпускники советских вузов. Курсы и кружки по изучению русского языка действуют на объектах советско-тунисского экономического сотрудничества.

В настоящее время русский язык в стране изучают около четырехсот человек.

Большое значение в популяризации и распространении русского языка в Тунисе имеют встречи с советскими писателями, учеными, преподавателями, общественными деятелями, спортсменами.

Одна из богатейших библиотек стран Магриба — Национальная библиотека Туниса — располагает изданиями на русском языке, организует выставки книг, фотографий и публикаций в местной прессе, выпускает к знаменательным датам библиографические обзоры произведений и литературоведческих исследований о жизни и творчестве русских и советских писателей.

Первая национальная олимпиада по русскому языку определила трех победителей, которые принимали участие в III Международной олимпиаде школьников по русскому языку, проходившей в Москве в 1978 году. В IV Международной олимпиаде школьников в этом году участвовало четыре тунисца, получивших золотую, серебряную и две бронзовые медали.

*

Установились тесные связи между Институтом живых языков имени Х. Бургибы и Институтом русского языка имени А. С. Пушкина, в котором проходят стажировку тунисские студенты, некоторые из них учатся в аспирантуре. В 1980 году по приглашению ИРЯ имени А. С. Пушкина в нашей стране побывала делегация преподавателей Института во главе с его директором Мохамедом Маамури. Они познакомились с достижениями советской русистики, постановкой преподавания иностранных языков в высшей школе. В заключение между Институтом русского языка имени А. С. Пушкина и Институтом живых языков имени Х. Бургибы был подписан план перспективного сотрудничества на ближайшие годы.

Н. Д. КАНАЕВ

ПРАЗДНИК РУССКОГО ЯЗЫКА И ДРУЖБЫ

С 30 июня по 7 июля в Москве проходила IV Международная олимпиада школьников по русскому языку. В Москву приехали школьники более чем из 40 стран всех пяти континентов. Их объединяет любовь к русскому языку, языку Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова... Не первый год Москва принимает юных знатоков и почитателей русского языка. С 1972 года проведение в Москве соревнований в знании русского языка стало доброй традицией. На протяжении 9 лет через каждые три года собираются здесь победители национальных туров олимпиады для борьбы за высшие награды.

— Нынешняя олимпиада самая представительная из всех проводившихся ранее, — рассказывает председатель международного жюри кандидат филологических наук М. Н. Вятотцев. — В этом году к нам приехало около 350 школьников. Среди них впервые принимают участие в олимпиаде учащиеся из Афганистана, Алжира, Вьетнама, Кипра, Японии.

Конкурс проводился в течение трех дней. Каждый представитель экзаменовался в трех комиссиях: «Устная речь», «Страноведение СССР», «Чтение и беседа».

Писать сочинение было обязательно, но большинство «олимпийцев» приняли участие и в этом виде соревнований. Результаты ответов оценивало авторитетное международное жюри. Несмотря на волнение, все ребята успешно справились с экзаменами и не раз заставляли членов жюри, к их большой радости, ставить высшие оценки. Многократно звучали в ответах и сочинениях школьников из самых различных стран такие понятные и близкие всем слова, как «мир», «дружба». Призывом ко всем взрослым сохранить мир прозвучало сочинение вьетнамского школьника Буй Тху Фьонг Ань: «Люди Земли! Сделайте все, чтобы нигде и никогда не рвались бомбы и снаряды, чтобы все дети ходили в школу, не знали голода и нищеты, чтобы у них не отнимали Родину, маму, детство».

В гостеприимной Москве зарубежные школьники познакомились с историческими памятниками, достопримечательностями столицы, с искусством. Каждый новый день дарил им яркие, незабываемые впечатления. Ребята побывали на Красной площади, в Кремле, осмотрели Третьяковскую галерею, встречались с космонавтами.

Во время бесед в ответах ребят неоднократно звучала мысль о том, что посадка в Советский Союз — это большая

награда, интереснейшее знакомство со страной, язык которой изучаешь и любишь.

— Мне повезло — я в Москве, — делится своими впечатлениями Бернадета Орлик из Польши, — в городе великого Лешина, в столице могучего Советского государства. Я очарована красотой города. Я рада, что могла встретиться и подружиться с ребятами из разных стран. При помощи русского языка мы отлично понимаем друг друга.

— Наша олимпиада является своего рода индикатором тех процессов, которые происходят в мире в распространении русского языка, — рассказывает председатель организационного комитета олимпиады, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы профессор В. Г. Костомаров. — Говоря об ее итогах, следует подчеркнуть, что не только увеличилось число ее участников и национальных делегаций, но и заметно повысился качественный уровень знаний русского языка. Перед жюри стояла сложная задача: большая группа школьников показала отличное владение языком и глубокое знание истории и культуры нашей страны. Трудно было отдать кому-либо предпочтение. Олимпиада стала большим праздником русского языка и дружбы.

7 июля — в день награжде-

ния победителей и закрытия олимпиады — в конференц-зале Московского университета царил атмосфера радостного ожидания и волнения. Зачитываются фамилии школьников, удостоенных золотых медалей. Их, как никогда, много — 125. Ни на одной из предыдущих олимпиад не было завоевано столько золотых медалей! Десятки кинокамер и объективов фотоаппаратов направлены корреспондентами телевидения и газет на юных победителей, чтобы запечатлеть их счастливые, улыбающиеся лица. Среди награжденных школьники из Болгарии, Польши, Чехословакии, Италии, Индии, Австрии, США, ФРГ, Конго и других стран.

71 «олимпиаец» награжден серебряными медалями и 35 — бронзовыми, 54 участникам олимпиады вручены почетные значки и грамоты «За успехи в изучении русского языка».

Прощаясь с олимпиадой, гостеприимной Москвой и новыми друзьями, зарубежные школьники устроили праздничный концерт. Радостно звучала всем хорошо знакомая и давно любимая песня, ставшая своеобразным гимном всех детей планеты, их призывом к миру и дружбе:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама...

А. Ю. ПРОКОПОВ

На трассе БАМа

В начале ноября 1974 года у маленькой сибирской деревушки Юхта появились строители. Вскоре на месте Дарьиной Гари, почти у впадения реки Улькан в Киренгу вырос поселок *Улькан*.

Свое название он получил по имени реки Улькан, правого притока Киренги. Река и поселок — это не единственные географические объекты с таким наименованием. У них есть «тезки»: в Иркутской области известна еще одна река *Улькан* — правый приток Лены, в устье ее расположено село *Улькан* (первоначально это была деревня *Ульканская*, возникшая в 1699 году и состоявшая из четырех дворов пашенных крестьян).

В «Чертежной книге Сибири» (СПб., 1882) С. У. Ремезова мы не находим географического наименования *Улькан*. Правда, на одном из ее листов (17-й «Чертеж земли Якуцкой») несколько выше Куты, приблизительно на месте Игирмы, значится река *Улиян*, левый приток Лены. Видимо, *Улькан* и *Улиян* находятся в непосредственной связи, представляя собой варианты одного и того же имени (*Улькан*). В ряде документов встречаем варианты «имен» при обозначении одних и тех же объектов: *Якурим* — *Ясырим* (левый приток Лены) в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (лист 17-й «Чертеж земли Якуцкой» и лист 21-й «Чертеж сибир-

ских градов и земель»); *Иленск — Илимск, Бурат — Братск, на Ангаре — на Ангаре* в записках западноевропейских ученых и путешественников (Зингер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1968).

Затерявшиеся в непроходимой тайге, небольшие и неглубокие речушки *Улькан* ни в прошлом, ни в настоящем не имели и не имеют какого-либо транзитно-транспортного значения. И неудивительно, что они не нашли «своего места» не только в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова, но и на многих географических картах Иркутской области.

Топоним *Улькан* — эвенкийского происхождения, *Уликэн* в переводе на русский язык означает «маленький», буквально — «маленькая река».

В архивных документах Илимской воеводской канцелярии *Улькан* встречается среди имен эвенков. Например, в окладных книгах (ясачных) Киренской и Усть-Кутской волостей (1733 г.) читаем: «Гильбан Шемеулов, Аранча Сакуров, Магарча Мошеулов, *Улькан Вовлокин* и т. д.»

*

Наименование новых географических объектов, которые появились на территории Иркутской области по трассе Байкало-Амурской магистрали, не вносит существенных изменений в топонимику этого края. Новых имен дается немного (*Звездный, Магистральный, Гранитный*). Как правило, используются уже известные на этой территории топонимы.

Т. В. СЕРГЕЕВА

Иркутск

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где ставится ударение в слове *закупорить*?

П. П. Гордеев, Горький

В глаголе *заку́порить* (не *закупóрить*) ударение ставится на втором слоге; причастие *заку́поренный* (не *закупóренный*)

По Золотому кольцу России

На нашем пути Суздаль — город-музей, город-заповедник, сокровищница национальной культуры, крупный туристский центр.

Суздаль... Какие же версии существуют относительно происхождения и значения этого наименования? К сожалению, большинство из них сомнительны уже в самой своей основе. Некоторые перечисляет В. А. Никонов в «Кратком топонимическом словаре» (М., 1966): *«сух дол, сушидало — „осушаемое место“, суждоль — „основатель судил быть тут городу“* и даже из древнегреч. *суз дулус — „твой раб“*. Известный советский историк М. Н. Тихомиров в книге «Древнерусские города» (М., 1956) писал: «Название «Суздаль» трудно объяснить из славянского языка, если не считать, что окончание «ль» надо понимать так же, как в словах «Ярославль», «Ростиславль», «Изяславль», т. е. видеть в нем указание на строителя: Суздаль, или Суждаль — город Сузда, или Сужда, но и в этом случае корень названия остается без объяснения». Существовали и предположения, исключающие возможность объяснения названия города на материале славянских языков, на материале древнерусского языка. Некоторые исследователи считали,

что раз название *Суздаль* непрозрачно, следовательно, мы имеем дело с нерусским наименованием, по всей видимости, — угро-финским. Из научной литературы версия о якобы финском происхождении названия *Суздаль* перекочевала в многочисленные краеведческие издания.

Сейчас существует гипотеза, обладающая высокой степенью научной обоснованности. Речь идет о славянской версии происхождения имени города. Она была высказана еще в XIX веке известным славистом Ф. Миклошичем (затем, правда, забыта на долгие годы), а в наши дни творчески развита и дополнена членом-корреспондентом АН СССР О. Н. Трубачевым (мы имеем в виду его статью «Снова о названии Суздаль», опубликованную в 1975 году в ЧССР).

Согласно этой версии, топоним *Су — зда — ль* был образован в древнерусском языке при помощи именной приставки *су-* и суффиксального форманта *-ль* от глагола *сзъдати*, то есть «создать». О. Н. Трубачев восстанавливает исконно русское нарицательное слово *суздаль*, которое с течением времени исчезло из языка, оставив о себе память только в названии города Суздаля. Это слово может иметь примерное, наиболее общее значение «глинобитная или кирпичная постройка», так как глагол *сзъдати* имел первоначальное конкретное значение «слепить из глины».

Имеет ли эта гипотеза иное подтверждение, кроме чисто лингвистического? Да, имеет! Впервые название *Суздаль* (в форме *Суждаль*) упоминается летописью под 1024 годом: «В се же лето всташа волъсви в Суждали...». В районе Суздаля в результате археологических изысканий была обнаружена древнейшая печь XI—XII вв. для обжига тонкого кирпича. Нашли ее на берегу речки Каменки, на которой Суздаль собственно и возник.

Конечно, Суздаль рос как город преимущественно деревянный. Но хорошо известно, что любое географическое название (в частности, наименование населенного пункта) дается, как правило, по какому-то характерному, наиболее бросающемуся в глаза или наиболее известному признаку объекта — так проще выделить этот объект из ряда ему подобных, точнее — однотипных. Суздаль со своими первыми строениями из кирпича, конечно же, мог выделяться среди других деревянных городов Северо-Восточной Руси.

Археологические исследования показали, что ядро будущего города Суздаля — первые поселения мерян и славян — возникло у впадения речки (скорее даже ручья) *Гремячки* в реку *Каменку*. Оба эти гидронима в общем прозрачны. Их этимология устанавливается без особых затруднений. Ученым известен местный географический термин *гремяч*, это — народное название ключа, ручья,

водного источника (слово, как видим, создано на основе метафорического переноса). Наричательное слово *гремяч* в значении «ручей, ключ» вошло в состав большого количества названий рек, речек, ручьев, оврагов, балок: *Гремячка, Гремячевка, Гремячей* и т. п. Вполне объяснимо и второе наименование — *Каменка* (эта речка, на которой стоит Суздаль, является правым притоком Нерли). *Каменками* называют речки и ручьи с каменистым ложем. Таких гидронимов в Европейской части СССР очень много. Иногда термин *каменка* встречается в несколько иной форме — *каменик*. Даже на страницах художественной литературы можно найти иллюстрацию мотивированности наименований многочисленных речек Каменок. В повести И. А. Бунина «Суходол», посвященной вырождению усадебного дворянства, читаем: «Мужики суходольские ничего не рассказывали. Да что им и рассказывать-то было! У них даже и преданий не существовало. Их могилы безыменны. А жизни так похожи друг на друга, так скудны и бесследны! Ибо плодами трудов и забот их был лишь хлеб, самый настоящий хлеб, что съедается. Копали они пруды в каменистом ложе давно иссякнувшей речки Каменки» (разрядка наша. — М. Г., В. Д.).

В древнем Суздале существовал большой посад. Он постепенно разрастался за Ильинскими воботами крепости и ее восточным рвом. С севера посад защищал искусственный ров, смыкавшийся с Каменной. Он носил название *Нетека*, которое тоже весьма прозрачно: «стоячая вода», «водоем с застопоренным течением».

Во времена Владимира Мономаха Суздаль приобрел роль стольного города Ростово-Суздальского княжества. Примечательно, что первый князь Ростово-Суздальской земли — Юрий Долгорукий — жил даже больше в Суздале, чем в Ростове.

Во время монголо-татарского нашествия Суздаль был разграблен и сожжен. Княжество ослаблялось и междоусобицами. В конце XV и начале XVI веков Суздаль уже причисляется к так называемым «замосковным» городам. Его древние монастыри становятся местом, куда ссылаются некоторые оппозиционно настроенные по отношению к Москве представители княжеских и боярских родов. Город постепенно превращается в религиозный центр. Большие земельные площади на окраинах Суздаля назывались по имени монастырей: *Андреевская сторона, Борисовская сторона, Димитриевская сторона* и т. д. В городе было очень много церквей и монастырей. Это связано, в частности, с тем, что до конца XVIII века Суздаль являлся резиденцией епископа.

Суздаль, пожалуй, один из немногих городов, в границах которого столь естественно и привольно раскинулись луга и огорды. *Коровий луг, Ильин луг*, многие другие названия — не просто топонимы, которые мы обнаруживаем в архивных материалах, на

старинных картах. Так называются луга, существующие до сих пор.

*

Неподалеку от Суздаля на крутом берегу реки Нерль стоит село Кидекша, архитектурные памятники которого известны очень широко. Прежде всего, конечно, это относится к белокаменному храму Бориса и Глеба. Он был построен как придворный в резиденции князя Юрия Долгорукого в 1152 году. Однако занятый делами, Юрий вскоре покинул Кидекшу. Любопытно, что этот исторический факт способствовал переосмыслению топонима, появлению предания, согласно которому Юрий считал, что место расположения Суздаля не удобно — «на долу», у мелкой реки. Князь вознамерился перенести город в другое место — к устью Каменки, на Нерль (туда, где стоит сейчас Кидекша). Было заготовлено очень много строительного материала, приглашены мастера, как вдруг Юрий отказался от своего намерения, покинул эти места. С тех пор село и стало именоваться *Кидакшею* или *Кидекшею*, то есть *покинутым*.

Село Кидекша на самом деле своим названием обязано небольшой одноименной речке Кидекше. А откуда же ведет свою историю гидроним? Он, по-видимому, был оставлен финноязычными племенами. Элемент *икса*, *икша* очень употребителен в гидронимии всего севера Европейской части СССР: *Шиликша*, *Иликса*, *Икша* и многие другие. По-видимому, элемент этот представляет собой речной термин. Это подтверждается и данными современных угрофинских языков: в наше время в марийском языке слово *икса* означает «ручей, небольшая речка».

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *эталон*?»

М. Аллабергалов, Хорезмская обл.

Эталон — точный образец установленной единицы измерения. *Служить эталоном для кого — чего-нибудь.*

Осенью 1941 года на полях Подмосквья развернулась грандиозная битва с бронированными ордами немецко-фашистских захватчиков, остервенелю раввавшихся к сердцу нашей Родины Москве.

Наш народ никогда не забудет бессмертного подвига советских воинов. В боях под Москвой они проявили чудеса героизма, отваги, мужества, доблести, они выстояли в неравной схватке с врагом: остановили железный поток фашистского пашествия, разгромили и отбросили войска противника на сотни километров от Москвы.

В 1941 году войсковым частям, проявившим мужество, отвагу, воинское мастерство и организованность на поле боя, было присвоено звание *гвардейские*. Им были вручены особые знамена (*гвардейское знамя*), ставшие символом высокой боевой чести в воинской доблести.

Газета «Правда» (18 ноября 1941) писала: «Слово «гвардия» окружено славным ореолом. С образования гвардейских полков начала свое историческое существование регулярная армия русского народа... С образованием Красной гвардии начала свое существование Красная Армия. Рабочие называли своих воинов гвардейцами для обозначения мужества, стойкости, беззаветной преданности Родине».

В передовой статье «Правды» подчеркивалась историческая преемственность гвардии, рожденной в кровопролитных сражениях на просторах Подмосковья, и отмечалось то новое, особенное в боевой жизни войсковых формирований, за что присваивалось почетное звание *гвардейские*: «Гвардейские части — это детище Красной Армии, рожденное в огне войны с немецко-фашистскими оккупантами. Гвардейские части — это цвет нашей армии. Это — героические соединения, цементирующие Красную Армию, составляющие ее передовую, ударную силу».

Слово *гвардия*, восходящее к итальянскому *guardia*, появилось в России в конце XVII века и стало обозначать привилегированную часть русской армии. Осенью 1941 года это слово наполняется новым содержанием, выступая в качестве наименования самых боеспособных частей, кораблей, соединений Красной Армии, удостоенных почетного звания гвардейских. Иной характер предметной отнесенности содействовал обособлению слова от тех значений, которые ему были свойственны в начале нашего столетия: «привилегированные войсковые формирования, предназначенные для защиты царского самодержавия»; «вооруженные отряды рабочих, созданные в марте 1917 года для защиты власти трудового народа». В последнем значении выражение *Красная гвардия* выступает как название регулярных частей, составивших ядро Красной Армии.

В годы гражданской войны название *Красная гвардия* стало противопоставляться названию *белая гвардия* — так именовались контрреволюционные формирования, защищавшие интересы приверженцев свергнутого буржуазно-помещичьего строя, а с образованием Красной Армии возникло наименование — *белая армия*.

Полярными по своему содержанию были производные образования: *красногвардеец — белогвардеец, красногвардейский — белогвардейский, красноармеец — белогвардеец, красноармейский — белогвардейский*.

Новообразования, развившиеся на базе словосочетания *Красная гвардия*, не исчезли бесследно. Они живут и в наши дни как названия городов, поселков, районов, предприятий, учреждений: *Красногвардейск* — район Самаркандской обл., *Красногвардейский* район г. Москвы, *Красногвардейский* — поселок в Свердловской обл., *Красногвардейское* — район в Крымской обл. и т. д.

Возрожденное в годы Великой Отечественной войны слово *гвардия* обрывает производными образованиями: *гвардеец, конногвардеец* (от выражения *конная гвардия*, обозначавшего кавалерийские части, которым присваивалось почетное наименование гвардейских), *гвардейский, конногвардейский, по-гвардейски*.

Эти слова активно используются в языке. Они встречаются в песнях:

Нам дано это званье недаром.
Честь гвардейца в бою береги!
Пусть железных гвардейских ударов
Не забудут враги.

Гвардейская Шенетовская

По-гвардейски неустанно
Бьемся мы с врагом,
Всех фашистов доконаем
Пулей и штыком.
Так идут бойцы бесстрашно
В северный поход.
Это наша, это наша
Гвардия идет!

Песня 10-й гвардейской

На базе опорного имени *гвардия* возникают словосочетания *воздушная гвардия, танковая гвардия, советская гвардия*; со словом *гвардейский* (-ая, -ое) — *гвардейская армия, гвардейский корпус* и др. Появляются и словосочетания, посредством которых обозначаются вооружение и атрибуты, являющиеся символом воинской доблести: *гвардейский миномет* — оружие реактивного действия, называвшееся в просторечии *Катюша*; *гвардейское знамя*; *гвардейский знак, гвардейский значок*.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года были установлены отличительные почетные звания: *гвардии красноармеец, гвардии ефрейтор, гвардии младший сержант* и т. д., *гвардейского экипажа краснофлотец, гвардейского экипажа старшина второй статьи* и др.

Почетное звание *гвардейский экипаж* начинает применяться на базе метонимического переноса как название боевых кораблей: *гвардейский экипаж крейсера, гвардейский экипаж подводной лодки, гвардейский экипаж минного заградителя, гвардейский экипаж эскадренного миноносца*.

Слово *гвардейцы* используется в качестве уточняющего определения, обладающего оценочной окраской. При этом оно выступает в препозиции, но может быть и в постпозиции: «Бойцы и командиры наших частей, разите врага так, как уничтожают его гвардейцы-пехотинцы, гвардейцы-конники, гвардейцы-летчики!» (Правда, 1941, 7 дек.); «Отныне в составе Красной Армии будут существовать и биться с врагом танкисты-гвардейцы. Это — высокое звание» (Красная звезда, 1941, 12 нояб.).

В период Великой Отечественной войны возрожденные слова получают большое распространение. Появляются сочетания *удаль гвардейская, слава гвардейская, стойкость гвардейская* и др.

В настоящее время в смысловом объеме рассмотренных слов развиваются различные виды экспрессии, посредством которых повышается образность речи, степень воздействия ее на окружающих. Так, кадровых рабочих, мастеров своего дела называют *рабочей гвардией*, тружеников целинных земель — *целинной гвардией*, трудящихся, борющихся за успешное выполнение и перевыполнение заданий на различных участках коммунистического строительства, — *гвардейцами целины, гвардейцами пятилетки, гвардейцами уборки урожая, гвардейцами жатвы, гвардейцами механизации*.

А. Н. КОЖИН

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Одинаковы ли по значению и употреблению слова *нестерпимый* и *нетерпимый*?

З. А. Попова, Ленинград

Однокоренные слова *нестерпимый* и *нетерпимый* различаются по своему значению и употреблению.

Нестерпимый — это «невыносимый; такой, что трудно вытерпеть». Например: *нестерпимая боль, мороз был нестерпим, нестерпимая жара* и т. п.

Нетерпимый — значит «такой, с которым нельзя мириться; недопустимый». Например: *нетерпимое положение, нетерпимые условия* и т. п.

Не следует смешивать в литературной речи слова-паронимы *нестерпимый* и *нетерпимый*. Неправильно, например: *здесь создано нестерпимое положение* (надо: *нетерпимое положение*), *его жизнь стала нетерпимой* (надо: *нестерпимой*) и т. п. По отношению к человеку, характеру употребляется только прилагательное *нетерпимый*, например: *нетерпимый по своему праву* (т. е. совершенно не считающийся с чужим мнением; ср. *нетерпимость*).

Географические термины *ильмень* и *лиман* известны в двух противоположных зонах Европейской части СССР. На севере один из них представлен лишь в топонимии как название новгородского озера — *Ильмень*; на юге, в бассейне Каспийского моря и по низовьям впадающих в него рек, бытует похожая форма, но с иным ударением — *ильмѣнь* «озеро». В бассейнах Азовского и Черного морей употребляется в составе названий термин *лимán* — «морской залив с устьем впадающей в него реки». Например, *Ейский, Бейсугский, Днепровский, Днестровский лиманы*.

*

Внешне термины *ильмѣнь* и *лимán* очень похожи, поэтому возникает вопрос: это формы одного и того же слова или разные слова?

В древнерусском языке слово *ильмень* (в составе названия новгородского озера) было известно, во-первых, в значении «озеро»: «И бѣ поуть из варягъ въ грекы, а изъ грекъ по днепру и верхъ днепра волок до ловати, а по ловати внити в илмерь...» (Повесть временных лет).

Во-вторых, слово имело значение «мелкое озеро в дельте реки». В южнорусском памятнике XVII века читаем: «Вода в ылменях... вымельла, а стоим у соли без дела» (Акты Астраханской воеводской избы).

«Книга Большому Чертежу» (1627) свидетельствует о том, что *ильмень* обозначало не только материковые водные объекты, но и объекты моря. *Ильмень* — «морской залив с устьем впадающей в него реки»: «В Черное море, проливу морскую в Ыльмень пала река Днепр, от Перекопи верст с 70».

В Словаре В. И. Даля значения ю.-русс. *ильмѣнь* представлены так: «астрх. озеро, особенно, образующееся от широкого разлива реки...», «озеро, в которое впадает река и из него снова вытекает»; «норс. разливы, поймы среди камышей». Особого внимания заслуживает пояснительное замечание В. И. Даля: «Вообще же у *ильменя* берега в камышовых, тростниковых, мокрых зарослях; голое озеро не ильмень».

Именно такая особенность ильменей, как наличие камышовой растительности, заболоченность, и явилась основной причиной осмысления значений и происхождения термина *ильмѣнь* по линии народной этимологии. Даже в научной литературе термин трактовался как производное образование от слова *ил*. Этой точки зрения придерживался, в частности, А. И. Попов, утверждавший, что в происхождении и значениях ю.-русс. *ильмѣнь* отразилось название повгородского озера. Однако процесс изменения слова *ил* и появление слова *ильмѣнь* объяснены автором не были (Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957).

Сходное мнение несколько ранее было высказано М. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка». Он считал, что название повгородского озера Ильмень (до XVI века оно именовалось *Ильмерь*, *Илмерь*) «превратилось в речи новгородцев в нарицательное и распространилось благодаря повгородской колонизации». Такое толкование термина *ильмѣнь* не совсем убедительно, так как основной регион его бытования — русский юг. Кроме того, территории расселения повгородцев, как известно, охватывали русский север, а не юг.

*

Слово *лиман* по материалам Картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» фиксируется сравнительно поздно, с XVII века. Впервые оно представлено в одном из списков «Книги Большому Чертежу» издания Д. И. Языкова (СПб., 1838). В более древних памятниках письменности отмечено употребление близких слову *лиман* форм: *лимень*, *лимѣнь*, *лимень*. Например, в «Хождении игумена Даниила» (сл. XV века) встречаем форму *лимень*: «Лимень добръ». Приведенные русские формы — заимствования из греческого языка, восходящие к слову *limēn* — «гавань, убежище».

Географы давно обратили внимание на несходство водных объектов, обозначаемых терминами *ильмень* и *лиман*. Н. Я. Данилевский первым указал на неправомерность отождествления этих терминов в научной терминологии (Несколько мыслей о русской географической терминологии по поводу слов: лиман и ильмень.— Записки Русского географического общества по общей географии. Т. 2, СПб., 1869). В частности, он отметил, что, хотя термин *лиман* в основном распространен на побережьях Черного и Азовского морей, а *ильмень* — только в низовьях рек, впадающих в Каспийское море, в народном употреблении эти слова означают одно и то же. Изучив специфику двух водных объектов, автор пришел к выводу, что волжские *ильмени* — «побочные озеровидные расширения рукавов Волги», а кубанские *лимань* — «морские заливы, отделенные от моря косами». Первые являются речными пресноводными образованиями, а вторые — одновременно речными и морскими, поэтому вода в них солоноватая.

Н. Я. Данилевский обоснованно предлагал упорядочить употребление терминов в языке русской географической науки XIX века и определять *ильмень* как видовой термин относительно родового *озеро*, а *лиман* как видовой термин относительно родового *залив*.

Несмотря на убедительность данных выводов о географическом отличии ильменей и лиманов языковеды почему-то продолжали рассматривать их как нечто общее. Так, Я. К. Грот предполагал, что *ильмень* и *лиман* — это одно слово «в разных формах, из которых последняя представляет только перемещение звуков в начале слова и другую гласную в середине его» (Заметка о названиях мест.— Филологические разыскания. Т. I, СПб., 1899). Свое утверждение Я. К. Грот подкрепил ссылкой на краткий комментарий, данный к слову *лиман* Г. И. Спасским в указателе предпринятого им в 1846 году издания «Книги Большому Чертежу»: «лиман, а по старинному ильмень». Кроме того, Я. К. Грот полностью отказался от этимологического сближения формы *ильмень* с финск. *ulí-meri* — «верхнее море», *ilemeinen* — «открытый, обширный» и с греч. *λίμνῆ* — «озеро, пруд».

Некоторые этимологи, напротив, считали реальной возможность видоизменения слова *лиман* в *ильмень*, хотя никаких этапов такого видоизменения указано не было. По этой причине М. Фасмер вообще признавал невозможным обнаружить сходство между двумя словами. Однако этимологическая связь терминов очевидна: *ильмень* и *лиман* были заимствованы из греческого при участии тюркских языков. На это также указывает основной регион терминов — русский юг, граничащий с тюркоязычными территориями.

Русское *ильмень*, как это убедительно доказано И. Г. Добродомовым, является грецизмом, заимствованным через посредство тюркских языков, поскольку зафиксированная в них форма *limen* на древнерусской почве могла трансформироваться в *ильмень*. «...начальное *л* нехарактерно для тюркских языков. Обычно перед начальным *л* тюркские языки развивают протетический [вставной. — А. Б.] гласный, поэтому половецкое *limen* могло также звучать как *илимән или *илимен... Ср. турецкое *İliman-liman*. От этого предполагаемого тюркского *илимен* с редуцированным *и* в древнерусском языке легко могло получиться *ильмѣнь...*» (О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство. — Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966).

Русское *лимән*, как и родственные формы из других языков (ср. укр. лиман; польск. *liman*; болг. лиман; сербск. лиман; рум. и алб. *liman*), многие этимологи возводят к турецкой и крымскотатарской форме *liman*.

Таким образом, предложенное М. Фасмером этимологическое сближение названия озера *Ильмень* и ю.-русск. *ильмѣнь* следует считать неубедительным, поскольку новг. *Ильмень* восходит к зап.-финно-угорск. *Ильмерь* с позднейшей заменой конечного *рь* на *нь* (ср. эст. *ilm-järv*, финск. *ilma-järvi*). Совершенно ясно, что термин *Ильмень* имеет финно-угорское происхождение в отличие от терминов *ильмѣнь* и *лимән*, являющихся грецизмами, вошедшими в русский язык через тюркское посредство. Причем последние два термина обозначают абсолютно разные водные объекты.

Термин *ильмѣнь* распространен в настоящее время в качестве местного обозначения в озерной гидрографии русского юга (в отличие от новгородского *Ильмень*) и частично — на Южном Урале. Комплекс значений ю.—русск. *ильмень* в целом характеризуется единством, отличия касаются частностей: 1) «мелкое озеро в дельте реки с берегами, заросшими тростником и камышом»; 2) «старичья, заполненная водой»; 3) «понижения между буграми, грядами, залитые водой»; 4) «пресное, заросшее растительностью озеро, образованное весенним половодьем» (дельта Волги); 5) «озеро среди размывов в пойме» (Урал); 6) «пойменные разливы, озерные окна в тростниковых зарослях» (Дон, Днепр) — [Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М.: Географгиз, 1959]. По-видимому, термин отражен в названии группы хребтов на Южном Урале в Челябинской области — *Ильменские горы*, так как в долинах этих гор имеются заболоченные озера, то есть *ильмѣни*, а южнее гор — озеро *Ильменское*,

«Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, отмечая у слова *ильмень* значение «низменное место, покрытое водой от разлива реки», не дает к нему ограничительных помет, хотя в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *ильмень* в этом значении сопровождается пометой *областное*. Такой подход к оценке слова разных по времени издания словарей отражает процесс утраты термином диалектного характера и его вхождение в литературный язык. Однако это не исключает употребления слова *ильмень* в диалектах (См. Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977).

Термин *лимán* также имеет южнорусское распространение, обозначая заливы в бассейнах рек Северного Причерноморья, Приазовья и Каспийского моря. Отражен термин и в топонимах этого региона: одноименные поселки *Лиман* в Лиманском районе Астраханской области и в Змиёвском районе Харьковской области, поселок *Лиманское* в Одесской области. Особенно широко представлен термин *лиман* в топонимах и гидронимах южной и юго-восточной Украины, в бассейнах Донца-Северского.

Несмотря на местное бытование термин *лиман* давно вошел в литературный язык: уже в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова слово давалось без всяких ограничительных помет. В настоящее время в литературном языке наметилась тенденция к еще более широкому употреблению термина безотносительно к его основному ареалу. Ср. использование термина в составе названия для обозначения залива в северной части Берингова моря: «Ледокол «Василий Поярков» привел вчера через ледовые поля в Анадырский лиман теплоход «Бодайбо» с лесом» (Труд, 18 июня 1979).

*

Таким образом, история термина *ильмень* заключается в сохранении «озерных» значений и в утрате значения «морской залив с устьем впадающей в него реки». Смысловое содержание термина *лиман* сохранилось в современном русском языке без изменений. Интересно, что этот русский термин употребляется в английской, немецкой и французской географической литературе (*liman*) наряду с другими географическими терминами, заимствованными из русского, например: *tundra*, *steppe*, *taiga* и др. Международное использование имеет и термин *лимнология* — «озероведение», образованный от греч. *límnē* — «озеро, пруд» и *lógos* — «учение».

А. В. БАРАНДЕЕВ
Рисунок В. Комарова

Сюрприз и результат

Сюрприз и *результат* — что может объединять эти столь разные слова? Значения? Но между ними нет никакой близости. *Сюрприз*, как известно, означает «неожиданный подарок или неожиданное событие, обстоятельство, неожиданность». Вспомним супругов Маниловых из «Мертвых душ» Гоголя, которые так любили делать приятное друг другу:

«Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготавлиемы были *сюрпризы*: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку».

Результат — «конечный итог каких-либо действий, показатель чего-либо». Мы говорим о результатах труда, о результатах спортивных соревнований, о научных результатах, о том, что происходит в результате каких-либо действий, что является результатом чего-либо и т. п.

Степень употребительности этих слов в современной речи тоже различна. Слово *результат* в силу актуальности для нашей жизни выражаемого им понятия употребляется значительно чаще, чем *сюрприз*.

Но если мы обратимся к истории появления и функционирования этих слов, то найдем между ними немало общего,

Начнем с того, что и *сюрприз* и *результат* появились в нашем языке в середине XVIII века, когда для него были характерны значительные изменения — прежде всего, количественное обогащение новыми, ранее неизвестными словами. Преобразования и реформы петровского времени затронули все сферы производства, хозяйства, быта, науки, знаний, мировоззрения. Новые предметы, отношения, понятия требовали своего словесного выражения. Одним из важных способов пополнения словарного состава в ту пору было заимствование слов и выражений из других языков. Огромная масса иноязычных заимствований хлынула, в частности, в речь военных людей, в связи с реорганизацией армии и военного дела, с перестройкой военно-административного аппарата. К середине XVIII века количество заимствований в военной сфере значительно уменьшилось, но не прекратилось.

В 50-е годы XVIII века Россия участвует в так называемой «Семилетней войне». Одним из тактических приемов в этой войне была внезапная, неожиданная атака на противника или штурм и захват оборонительного пункта (крепости или города). Существовавшие в русском языке слова *нападение*, *приступ* и заимствованные в начале XVIII века *атака*, *штурм* не вполне выражали требуемое понятие. Французы (которые, кстати сказать, были союзниками России в этой войне) называли такой вид военных действий *surprise*. Так впервые в документах военного характера появляется заимствованное из французского языка слово, означающее «неожиданное нападение на неприятеля». Конференция министров, правительственный орган, ведавший и военными делами, посылает русскому главнокомандующему рекомендации, в которых сказано: «А между тем так себя содержать, чтоб не токмо никакой *сюрпризе* или нечаянному нападению подверженным не быть, но паче всегда к походу... в готовности находиться» (Семилетняя война, М., 1948). Встречаем это слово и в решениях Военного совета того времени: «Предложенная *сюрприза* города ... крайне трудное и почти щастливого произведения невозможно дело» (там же). Очень употребительно оно в различных реляциях, ордерах, приказах, доношениях и других документах: «Просил несколько полков и осадной артиллерии, может быть удасться *сюрпризом* (город) взять», — пишет в Петербург командующий армией П. С. Салтыков (Сборник Русского исторического общества, Т. IX). «Для вида несколько и назад отступить», — предлагается в ордере сменившего Салтыкова на посту командующего русской армией А. Б. Бутурлипа, — «дабы неприятель, причитая то вашей слабости, тем больше усыплен и в безнечность приведен, а чрез то *сюрприза* на Коль-

берг облегчена была» (Архив князя Воронцова. Кн. VII). Использует это слово и А. В. Суворов в своей «Автобиографии»: «французские офицеры вошли в замок ночью чрез скважину в стене... Ссю *сюрпризоу* пленили тамошний гарнизон» (Письма и бумаги Суворова. Т. I, Пг., 1916).

В конце века слово уже как военный термин входит и в военные уставы: «Обыкновенно неприятель сими часами (вечерними) воспользоваться старается, как удобнейшими к *сюрпризам*» (Военный устав о полевой пехотной службе, 1797 года); «Посылать на высоты людей, которым вокруг смотреть, не увидят ли неприятеля, дабы оный никогда не мог сделать *сюрприза*» (Военный устав о полевой кавалерийской службе, 1797 года).

В приведенных нами примерах периода вхождения и освоения слова *сюрприз* нашло отражение варьирование его формы. В течение всего XVIII века преобладала форма женского рода — *сюрприза*, соответствующая женскому роду фр. *surprise*, с оформлением слова по образцу русских слов женского рода на -а. С нею конкурировала форма мужского рода — *сюрприз*, отражающая произношение французского слова (с непроизносимым конечным *e*) и подведенная под тип русских имен мужского рода с основой на согласный. Эта форма оказалась сильнее и, вытеснив в начале XIX века форму женского рода, стала единственной.

В Отечественную войну 1812 года слово *сюрприз* выходит из употребления. Оно не встречается ни в военных документах того времени, ни в мемуарах. Неожиданное нападение на французскую армию партизанских отрядов («партий») обычно называется *поиск*: «Я не могу уже, к сожалению моему, упомянуть о тех партизанских ударах, кои быв известны обоим сражавшимся армиям, помещены были в одних донесениях и объявлениях князя Кутузова. И потому я не распространяюсь о *поиске* 8/20 октября, при Каменном и Плескове, в тыл авангарда французской армии...» (Давыдов Д. Военные записки. М.: Гослитиздат, 1940).

Неожиданное нападение кавказских горцев обычно называлось *набегом*: «При первом взгляде на средства обороны Кавказской Линии от *набегов* Горских народов, удобно видеть можно, что, в соразмерности пространства Линии, силы наши недостаточны», — пишет в своем рапорте генерал Ермолов в 1817 году (Записки А. П. Ермолова. Ч. II, М., 1865).

*

Одновременно со словом *сюрприз* появляется и образованный от французского *surprendre* (в значении «захватить врасплох, застигнуть») глагол *сюрприенировать*, а также существительное *сюр-*

пренирование и глагол *сюрпризировать* (уже под воздействием заимствованного *сюрприз*). Они также используются в военных документах: «Генерал-поручик Вильбоа вчера с пятью полками ипфантерии... к Франкфурту для *сюрпренирования* оного, буде удастся, пошел» (Семилетняя война). Некоторое время глагол *сюрпренировать* используется терминологически в уставных текстах: «Не ставить... ведеты (ближайшие к неприятелю конные караулы) под лесом, дабы неприятель не мог их *сюрпренировать*»,— сказано в Военном уставе о полевой кавалерийской службе (1797 г.).

Однако эти слова постигает та же судьба, что и *сюрприз*,— они выходят из употребления.

Слово *сюрприз* в современном его значении появляется несколько позже, чем военный термин, как самостоятельное заимствование французского *surprise* со значением «нечто неожиданное».

Первые случаи такого употребления связаны с придворным кругом дворянства и отражают общую направленность речи этой социальной группы с ее ориентацией на французский язык и с активным заимствованием иноязычной лексики. Впервые данное слово встречаем в письмах, отражающих разговорную речь: «Для оказания большей *сюрпризы* Анне Карловне»,— пишет в 1761 году канцлер Воронцов своей дочери,— «надлежит тебе сколько возможно прилично убраться по дорожному» (Архив князя Воронцова. Кн. IV). «*Сюрпризы* или неприятности, которые я с их стороны нашел, суть следующие»,— извещает русский посланник в Турции Н. В. Репнин в 1775 году (Сборник Русского исторического общества. Т. XV). «Вдруг стена раздвинулась, и сделался театр, стали комедию играть, *сюрприза* очень была хороша всем»,— рассказывает в письме своему мужу Е. М. Румянцева (Письма к П. Румянцеву. СПб., 1888).

В дальнейшем слово *сюрприз* расширяет сферу своего употребления, становится достоянием литературного языка, используется в произведениях художественной литературы как в речи персонажей, так и в авторской. Его можно встретить у писателей XIX века и у современных авторов.

В приведенных нами примерах *сюрприз* (как и во французском языке) употребляется для обозначения чего-либо неожиданного — приятного или неприятного. Слово, объединяющее в своем значении полярные смыслы «приятного» и «неприятного», судя по материалам, используется в дальнейшем преимущественно в значении «приятная неожиданность». Приведем примеры: «Вот это мило! вот это *сюрприз*! — восклицают молодые люди, обступая адвокатскую знаменитость» (Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы); «З о я. Почему же он меня не известил? Л у п а ч е в. Не знаю.

Вероятно, хотел сделать вам *сюрприз*» (А. Островский. Красавец-мужчина).

Отмечается только положительное значение слова в Толковом словаре В. И. Даля. *Сюрприз* толкуется как «нечаянная, внезапная радость, неожиданный подарок, пещечко».

Для выявления оттенка значения «неприятная неожиданность или что-либо неприятное» обычно нужны более широкий контекст, особая интонация произнесения самого слова, использование определений или иных уточняющих примет, например: «— Племянник из провинции — вот *сюрприз*! — ворчал он...» (Гончаров. Обыкновенная история); «Со дня на день ждут «господ». В сущности, пренеприятнейший *сюрприз* этот приезд» (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги).

*

Зайствованное из французского языка слово *результат* появляется впервые в русских военных документах 60-х годов XVIII века в значении «заключение, постановление Военного совета». Появление его тоже связано с военной сферой.

Командующий русской армией пишет в 1757 году в реляции: «Хотя я реченной *результат* по мнениям генералитета и подписал, однако мое слабейшее мнение было б (иное)... И я иного средства не нахожу, как только армию в винтерквартиру ввестъ в Курляндию и Лифляндию, кроме той части кавалерии и легких войск, которые в *результате* упомянуты» (Семилетняя война). В протоколе, направленном командующему от имени императрицы, читаем: «В заключение же всего вышеписанного, похваляя ваш *результат*, рекомендую почаще ко мне о состоянии вашего корпуса, предприятиях и движениях меня рапортовать» (там же).

Слово помещено в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1806) и сопровождается следующим толкованием: «Определение, заключение, постановление, сделанное в Коллегии членами оной».

В дальнейшем слово в этом «канцелярском» значении используется все реже и реже. Около 40-х годов XIX века начинает функционировать слово *результат*, зайствованное из французского (возможно и через посредство немецкого языка) в значении «итог каких-либо действий, следствие, последствие, вытекающие из чего-либо». Отражено оно в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года: «Результат. Последствие; вывод». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля оно приведено с более развернутым толкованием: «Следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог, развязка, исход, конец дела». Свидетельство Даля особенно важно, так как известно, что Даль с боль-

пой осторожностью помещал в словарь слова, заимствованные из других языков. Поэтому включение в него иноязычного по происхождению слова *результат* — показатель того, что оно освоено русским языком.

Действительно, с 40-х годов XIX века слово уже широко используется в критической и публицистической литературе, в частности, Белинским, а затем Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым и др., например: «Мы постараемся только припомнить черты, общие всем его [Островского] произведениям или большей части их, свести эти черты к одному *результату* и по ним определить значение этого писателя», — пишет Добролюбов (статья «Темное царство»).

С 60-х годов XIX века слово утверждается и в художественной литературе: «*Результатом* этой беседы было то, что Эльчанинов начал с полным уважением смотреть на Савелия» (Писемский. Боярщина); «Старик... стал нам рассказывать о *результате* своих походов» (Достоевский. Униженные и оскорбленные); «*Результат* перешел за пределы его ожиданий» (Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши); «Решившись обратить лентяя на путь истины, Павел Федорыч всегда доводил свою работу до благоприятного *результата*» (Помяловский. Очерки бурсы).

В дальнейшем в пределах общего значения слова *результат* развился особый оттенок, который формулируется обычно как «показатель соревнования, спортивного достижения». Первая словарная фиксация его представлена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и сопровождается примерами-речениями: *Лучшие результаты у бегунов-мужчин. Список спортсменов с их техническими результатами.*

В математике слово *результат* приобрело особый специальный смысл — «конечный итог вычисления, математического действия».

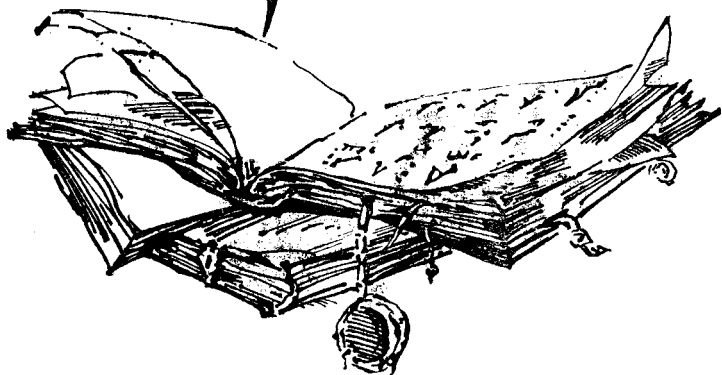
Наконец, сочетание *в результате чего* пополнило группу отыменных предлогов.

*

Следовательно, и *сюрприз* и *результат*, будучи заимствованы в XVIII веке из французского языка как слова военной сферы, функционировали в словарном составе русского языка сравнительно короткое время (около 40—50 лет), а затем вышли из употребления. Известные нам сейчас слова *сюрприз* и *результат* появились в результате вторичного заимствования их из французского и прочно вошли в русский язык.

Е. Э. БИРЖАКОВА
Ленинград

Откуда пришли названия нот?

Всем знакомы ноты — знаки, при помощи которых записывается мелодия. Когда они появились и что им предшествовало?

Еще в античности существовали способы условной записи мелодий. Звуки, в зависимости от их высоты, обозначались буквами древнегреческого алфавита, а на длительность указывали штрихи возле букв. В средние века записывалась лишь музыка церковная, подчиненная определенным канонам и до некоторой степени независимая от национальных традиций. Эта музыка пришла в Европу с эллинистического Востока, что и определило форму ее записи. Записывалась она с помощью *невм* (греч. *нешта* — знак).

Невменная нотация, тесно связанная с христианскими культовыми песнопениями, восходит к знакам древнегреческого ударения, из которых острое (´) указывало на повышение тона, тупое — (˘) — на понижение, а обличенное (~) — на движение тона вверх, а затем вниз. Писались невмы над словесным текстом.

*

Способ записи музыкальных знаков, привившийся на Руси (существовал с конца XI века — возможно и ранее — по XVII включительно), аналогичен невменному. Нотные знаки — *знамена* «знак, печать» или *крѣпки* (название определяется самим видом значков) — писались над словесным текстом. Они обозначали отдельные мелодические обороты, но не указывали на высоту и длитель-

ность звука. Слово *крюкъ* как музыкальный термин зафиксировано в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «А се имена знаменіе... крюкъ свѣтъ» (XV в.).

Реформа нотации, обусловившая появление современного нотного письма в Европе, была проведена в начале XI века выдающимся итальянским музыкантом и теоретиком Гвидо Аретинским. Она основывалась на певческой практике и была призвана облегчить певцам запоминание мелодий. Весь певческий диапазон был поделен на семь единообразных последовательностей из шести звуков. Ноты всех шестизвучий назывались одинаково. Для запоминания новой музыкальной системы Гвидо использовал гимн св. Иоанну (покровителю певцов), так как в нем высотные соотношения между строками совпадали с последовательностью интервалов в шестизвучии. Названия нот были образованы из первых букв каждой строки.

<i>Ut queant laxis</i>	Чтобы смогли воспеть
<i>Resonare fibris</i>	На расслабленных струнах
<i>Mira gestorum</i>	Слуги твои
<i>Famuli tuorum</i>	Чудные деяния,
<i>Solve polluti</i>	Разреши грех
<i>Labi reatum</i>	Оскверненных уст,
<i>Sancte iohannes</i>	Святой Иоанн.

Седьмая же нота *si* получила название не сразу. Она обозначает звук неустойчивый, тяготеющий к следующему за ним *do* — опорному звуку. Церковники называли седьмую ноту *nota sensibilis* (чувственная), считали ее дьявольским звуком и изгоняли из богослужебного пения. Название этой ноты было составлено из начальных букв слов последней строки гимна св. Иоанну лишь в конце XVI века. А неудобное для пения название ноты *ut* было заменено на *do* во второй половине XVII века.

В XVI веке в России была проведена реформа крюкового письма, обеспечившая единообразие записи и однозначность ее прочтения.

Усовершенствования вносили в нотацию и раньше. Певцы для правильного чтения текста вводили дополнительные пометы — *подметные слова* или *подметные буквы*. Слово *подметный* в приведенных сочетаниях не следует путать со старым словом *подметный* в значении «подброшенный» (*подметные письма*; *подметчик* — тот, кто подбрасывает). Музыкальный термин, видимо, связан с глаголом *метить*.

К концу XVI века появились так называемые *степенные пометы*, указывающие на ступень, то есть на высоту тона. Потом вошли

в употребление и другие пометы, определяющие темп и оттенок исполнения. Однако все эти усовершенствования были индивидуальными, и только дьяк Иван Шайдуров (вторая половина XVI в.) создал универсальный набор помет, которые распространились повсеместно. Они писались при черных крюках киноварью, поэтому получили название *киноварных помет*. В рукописях XVII века встречаются уже исключительно *шайдуровские пометы*. Буквенные обозначения отдельных звуков приписывались к крюкам. Для обозначения звука применялись первые буквы характеризующих его слов, например: *гн* — гораздо низко, *м* — мрачно, *с* — средним гласом.

Такая форма музыкального письма подходила вполне лишь для записи вокальной мелодии и кроме того была довольно громоздкой.

На рубеже XVII—XVIII веков на Руси начинает распространяться «западническая» светская музыкальная культура, а с нею — и европейская линейная нотация. Окончательно закрепило господство европейского нотного письма на Руси распространение инструментальной музыки при Петре I.

Н. Я. ДАРАГАН

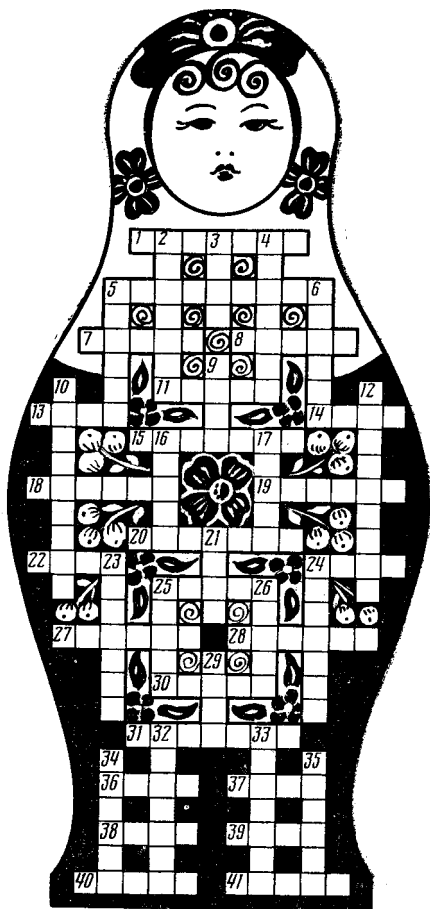
Рисунок С. Гавриловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Роман А. Фадеева. 5. Древнегреческий поэт, автор любовных, застольных песен. 7. Басня И. А. Крылова. 8. Имя городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 11. Река на Кавказе, часто упоминаемая в поэзии М. Ю. Лермонтова. 13. Герой русской волшебной богатырской повести. 14. Наименование обширного объединения восточнославянских племен IV—VI вв., обитавших в междуречье Днестра и Днепра. 15. Одноименные произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Толстого. 18. Роман А. Н. Толстого. 19. Французский драматург, создатель жанра высокой комедии. 20. Рассказ К. Паустовского. 22. Пьеса А. Н. Арбузова. 24. Роман Э. Золя. 25. Немецкий писатель, драматург, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 27. Мифическая птица, символ вечного обновления. 28. Необыч-

ные, неупотребительные слова и выражения, встречающиеся в данном тексте. 30. Грамматическая категория глагола. 31. Название нескольких прозаических и стихотворных сводов, в которых собраны мифы, сказания и историческая хроника иранских народов. 36. Персонаж пьесы М. Горького «Дачники». 37. Условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной или профессиональной группой. 38. Употребление слова в переносном его смысле в целях достижения большей художественной выразительности. 39. Популярный прогрессивный журнал второй половины XIX века. 40. Украинский советский поэт. 41. Страстное воодушевление, подъем, энтузиазм.

По вертикали: 2. Стихотворный размер. 3. Персонаж пьесы Шекспира «Много шума из ничего». 4. Рассказ М. Горького. 5. Рассказ И. А. Бунина.

6. Русская песня. 9. Русский филолог XIX века, академик. 10. Почерк в древних греческих и славянских рукописях. 12. Пьеса Г. Бокарева. 16. В древнегреческой мифологии — возлюбленный Артемиды, убитый ею из ревности и якобы помещенный богами на небе в виде созвездия. 17. Воспетый в песнях казачий атаман XVI века. 21. Область, управляемая князем, в древней и средневековой Руси. 23. Русский советский актер, выдающийся исполнитель произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоев-

ского, В. В. Маяковского. 24. Слово как структурный элемент языка. 25. Советский поэт. 26. Муза, покровительница комедии в древнегреческой мифологии. 29. Французский писатель, один из создателей жанра научно-фантастического романа. 32. Поэтический прием, состоящий в повторении в начале двух или нескольких отрезков речи, одного и того же слова или звука. 33. Значимая часть слова. 34. Рассказ Мопассана. 35. Стиль в архитектуре и декоративном искусстве в начале XVIII века.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3.

Харламов. Отчество от формы Харлам из церковного мужского имени Харлампий (древнегреч. «радостный свет»). Из отчеств от производных форм того же имени возникли фамилии Харлашкин — в Обвальской волости Пензенской губернии. Фамилия из отчества от полной формы имени редка и всегда опускает второй из трех гласных а — только Харламшиев.

Хвостов. Первоначально отчество от нецерковного мужского имени Хвост, например, крестьянин Хвост записан в 1495 году («Новгор. писц. книги», т. I), бояре Хвостовы — потомки боярина Андрея Хвоста (жил в середине XIV в.).

Хлынов. Наричательное хлы в русских диалектах выражало самые различные значения, среди них: «обманщик», «вор», «барышник», «кулак» и др. (см. словарь В. И. Даля). Так как территориальное распространение этих слов известно плохо, то этимологическое значение фамилии в каждом случае установить трудно.

Хмырин. Отчество от прозвища Хмыра; в русских говорах, по В. И. Далю, хмыра — «плакса», хмырить — «скучать,

горевать» и «дуться, сердиться».

Хохряков. Отчество от прозвища Хохряк из диалектного хохряк «прав, характер»; другая возможность — фонетическое изменение из Хухряков (с многочисленными значениями).

Храмцов. Отчество от именования Хромец (из нарицательного хромой, но не исключено из Хромей, Вахромей, Варфоломей).

Хрушкий. Диалектное прилагательное хрушкий «крупный» (подробнее об этой фамилии — см. сб. «Этимология — 1978». М., 1980).

Царев. Возможны два разных источника фамилии, довольно частой: 1) именование по владельцу, то есть «принадлежащий царю» 2) отчество от насмешливого прозвища Царь (аналогична фамилия Царьков от Царек).

Целовальников. Отчество от именования отца по его занятию — целовальник, в прошлом — сборщик различных налогов или откупщик той или иной монополии от государства (продажа водки, соли и т. п.). Вступавший в эту должность присягал, целуя крест,

Цигельников. Отчество от именованья отца по его профессии: цигельник — рабочий кирпичного завода (из немецк. Ziegel «кирпич»).

Цюлковский. Фамилия возникла в польском языке, означала прибывшего из населенного пункта Цюлково.

Цуканов. Отчество от именованья цукан; цуканы — диалектная группа людей, произносящих *ц* вместо *ч*. Цоканье распространено в русских северных говорах.

Цыверов. Отчество от прозвища, основа которого, вероятно, цывер (диалектное северное) «парыв, болячка». Фамилия документирована в Вознесенской волости Архангельской губернии (дельта Северной Двины) в 1897 году. Носят ее более полтора столетия человек.

Цубатов. Частая фамилия в дер. Забычье Шаблыкинского района на западе Орловской обл., у границ с Брянской. Документирована в 1963 г. (Орловск. обл. архив). Из диалектного нарицательного *цыбаты* — «тонконогий» (по В. И. Далю).

Чаадаев (Чегодаев). Отчество от нецерковного мужского личного имени Чегодай, в русском произношении также и Чаадай: в гор. Невель воевода Чаадай Спешнев (1633 г.); помещик Чегодай Ожерельев (1597 г.). Имя — монгольского происхождения, его носил один из сыновей Чингисхана, он получил во владение огромную территорию, население которой называли *чегодаи* — (фонетический вариант — *чагатаи*), само имя из этнонима. Фамилия существует в Воронеже, Калуге, Туле, Владимире, а в форме *Чадаев* — в Рязани, Орле (и области).

Чажегов. Элемент *ег* харак-

терен для удмуртских фамилий. В пермских языках (в удмуртском и почти всех говорах языка коми) слово *чаж* звукоподражательно: им передавали шум дождя, шорох сухих листьев и т. п.

Чазов. Частая в Пермской области фамилия, вероятно, связана с основой *чаз* — в языке коми это слово означает конопляные выжимки, крупные высевки (муки или тертого табака).

Чайкин. Отчество от нецерковного мужского личного имени Чайка. Имя было нередким. «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приводит примеры: боярин Чайка — 1522 г., священник Семен Чайка — 1625 г. Кроме современного значения — «водоплавающая птица» слово имело и другое, — означало китайскую ткань.

Чалов. Отчество от прозвища; нарицательное *чалый* значит «серый (седой) с рыжеватым оттенком» (из тюркск). Фамилия записана в 1897 году в селе Томилово (Сенгилеевск. уезда Симбирск. губ.).

Чамов. Отчество от прозвища. В Заонежье *чамый* означает «разборчивый в еде» (Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья, — в сб. «Севернорусские говоры», вып. 3, Л., 1979).

Чаплин. Отчество от нецерковного мужского личного имени Чапля из польского *szapla* «цапля» (произносится *чапля*). Такое произношение знакомо и русским говорам. Образована аналогично многим другим, полученным из отчеств от имен типа *Сорока*, *Голубь* и подобных. В России зафиксирована с XIII века как дворянская. В настоящее время встречается в Воронеже, Краснодаре. С фамилией

знаменитого американского киноактера Ч. Чаплина не имеет ничего общего — та от слова *капеллан* (церковная должность).

Чарошников. Отчество от именованья отца по его профессии: в XVIII веке *чарошник* — изготовитель мягкой кожаной обуви, чары; со словом *чара* (*чарка*) — «небольшой сосуд для питья вина» связи нет.

Чайковский. Первоначально — именование прибывшего из населенного пункта Чайка, Чайки, Чайковское, каких очень много на Украине (по списку населенных мест УССР их сегодня 18). Эту фамилию носил украинский казак, поступивший в Киевскую духовную академию, дед русского композитора Петра Ильича Чайковского.

Часоводов. Отчество от именованья отца по занимаемой должности. В документах 1713 года перечислены работники архиерейского дома: хлебник, гвоздарь, кузнец, ча-

совод (см. материалы Картолки древнерусского словаря). Фамилия записана в Рязани — 1976 г.

Часовщиков. Отчество от именованья отца по его занятию, но, вероятно, не в современном значении слова *часовщик* — мастер по изготовлению и починке часов, а в более раннем — обслуживающий городские башенные часы. В описи Пскова 1683 года часовщики указаны в том же списке, где стрельцы, пушкари, воротники (охрана крепостных ворот).

Чвирев, Чвырев. Фамилия связана со старинным русским диалектным словом *чвирь* — «хлебное вино, самодельная водка» (черниговское, по Дально); *чвыркать* — «жадно, проворно хлебать» или «привередничая, не есть чего-либо» (новгородск.). Фамилия в форме *Чвырев* записана в Рязани, 1976 г.

Продолжение следует

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Пестов. Читатель Г. П. Пестов из города Соликамска Пермской области просит объяснить происхождение его фамилии и сообщает, что она часта в Уржумском районе Кировской области. Оттуда, как полагает автор письма, она занесена в Сибирь (Иркутск, обл.) староверами или каторжанам. Фамилия нередка и в Новгородской области (от нее и название районного центра Пестово у границ Вологодск. обл.). Первично — отчество от нецерковного мужского имени Пест от нарицательного *пест*,

Писклов. Читатель Н. В. Писклов (Новосибирск) сообщает, что в его родной деревне Писклово, под Курском, больше двух третей жителей — Пискловы (ударение на 1-м слоге). Местное предание гласит, что эту землю получил некогда в подарок от князя воевода Писклов за успешную битву с татарами. Фамилия могла возникнуть из отчества от прозвища Пискло; нарицательное *писк* — «тоненький крик, плач», украинск. глагол *пискати* — «пищать»,

Прохватилов. Спрашивает

Ю. А. Прохвятилов (Ленинград). У русского глагола *прохвратить*, с которым связана фамилия, при общем его смысле «пронизать, пройти насквозь» много самых различных конкретных значений: «крепко разбранить», «простудиться» и др.

Ронин. Э. А. Хуторянец из Кривого Рога сообщает, что эта фамилия часта в с. Алешенка, Трубчевского р-на Брянской обл. Наиболее вероятно отчество «ронин (сын)», то есть сын Рони — от уменьшительной формы Роня из многих канонических (церковных) мужских имен — Андрон, Арон, Геронтий, Иероним, Мирон, Софрон и др.

Сатаров. Спрашивает В. А. Сатаров (г. Новоаннинск Волгоградской обл.). Первично — отчество, образованное по законам русского языка в форме краткого прилагательного с притяжательным суффиксом *-ов*, отвечающее на вопрос «чей?» (сын), от принесенного исламом к тюркским народам мужского имени Саттар (арабск. «прощающий», «милующий»). Правда, есть тюркское слово *сатар* «продающий», но нет оснований связывать фамилию с ним.

Силичев. Читатель С. Н. Силичев (г. Омск) делится семейным преданием, будто фамилия дана его предку в Вологодской области за недюжинную силу. Фамилия эта — отчество 2-й степени, то есть отчество от отчества же, образованного от одного из церковных мужских имен — Сила, Силуан, Сильван. Все эти имена не имеют никакого отношения к русскому слову *сила*, они древнеримского происхождения, основа всех их — латинское слово *silva* «лес». Хорошо известно и Силыч (фонетический вариант — Силич), *сили-*

чев «сын Спялча». Мне удалось обнаружить самое густое в стране скопление фамилий, образованных с *-ичев*: между Белоозером и Череповцом (запад Вологодской обл.) многочисленны Афоничев, Боричев, Васпчев, Галичев, Демичев, Ивичев, Костичев, Мариничев, Савичев и мн. др. (в Апдозерском сельсовете они составляли 12 процентов населения). По мере удаления — *ичевы* редуют. Другое скопление фамилий этой формы, менее ярко выраженное, — в бывшем Ефремовском уезде (юго-восток Тульской области).

Стюфляев. Семья Стюфляевых из Липецкой области сообщает, что много лет выписывает наш журнал и терпеливо ждет, когда словарь фамилий дойдет до буквы *С*. «Однако, к своему огорчению, ничего не обнаружили в словаре о своей фамилии, хотелось бы знать русская ли она. В селе Желтые Пески Липецкой области она часта. Фамилия — первоначально отчество от прозвища Стюфляй. Но из какого слова возникло прозвище — найти не удалось. Просим диалектологов и других читателей принять участие в поисках этого слова.

Тарараев. Спрашивает В. Г. Тарараев (Белинский район Пензенск. обл.). Фамилией стало отчество от прозвища Тарарай из *тарарай* — «пустомеля, болтун».

Труняков. Спрашивает А. Д. Труняков (г. Рубцовск, Алтайского края). Фамилия, возможно, связана с польским словом *trunek* — «спиртной напиток». Она могла возникнуть либо как отчество от прозвища, либо, и вероятней, из географического названия, связанного с этим нарицательным.

В. А. НИКОНОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ КОСМЕТОЛОГ ИЛИ КОСМЕТИЧКА?

Правильное употребление названий профессий, особенно тех, с которыми мы часто сталкиваемся в быту, очень важно. Ведь именно в быту мы чаще всего прибегаем к упрощениям.

Москвички Дрaбкина и Можелёва обратились в редакцию с вопросом: как правильно назвать специалиста по косметике: *косметолог* или *косметичка*? Какое из двух наименований наиболее уместно? Дело, по-видимому, осложняется еще и тем, что слово *косметичка* неоднозначно. Оно употребляется в разговорной речи для обозначения небольшой дамской сумочки, где хранится косметика.

В русском литературном языке в качестве обобщенного наименования лиц по профессии, отвлеченного от наименования пола, используются слова мужского рода типа *профессор*, *биолог*, *географ*, *геолог*, *физиолог*, *косметолог*. Но в последнее время в разговорной речи можно слышать и другой вариант названия профессии: «Последний урок у *биологички*» (это в школе); «Я зашла к своей *косметичке*» (в парикмахерской).

Косметолог — новое слово в нашем языке. 17-томный «Словарь русского языка» его не приводит — в нем для обозначения человека этой профессии есть слово *косметик*. Например: «Она побывала у врача-косметика». Однако сейчас это слово почти не употребляется. В последние годы возникла целая наука — косметология, и это потребовало некоторого изменения названия соответствующей профессии. Словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971) определяет *косметологию* как «отрасль знания, изучающую врачебную и декоративную косметику».

Итак, сферой употребления слова *косметолог* является научная и деловая речь. Обычно это относится к человеку с высшим обра-

зованием, к врачу. «Словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова дает следующие определения слов *косметичка* и *косметолог*: «*Косметичка*, -и, ж. разг.— специалист по косметическому уходу за лицом»; «*Косметолог*, -а, м.— Специалист по косметологии. *Врач-косметолог*». В существительном *косметолог*, образованном способом сложения, четко выделяется компонент *-лог*, указывающий на специалиста по тому или иному предмету. Например: «Не каждое из средств, которыми располагают *косметологи*, пригодно для всех» (Здоровье, 1981, № 7); «XIX Международный конкурс парикмахеров и *косметологов* социалистических стран на Кубок дружбы состоялся в Бухаресте в октябре этого года» (Вечерняя Москва, 1981, 9 июля). Слова с этим компонентом относятся к книжному или научному стилю речи, но в разговоре имеется тенденция к замене их словами с русскими суффиксами. В данном случае, это, вероятно, вызвано еще и тем, что слова с этим суффиксом, обозначающие профессию или род занятий, принадлежат к мужскому роду. Однако представителями таких профессий чаще являются женщины. Поэтому понятно стремление создать в разговорной речи эквивалент названия профессии женского рода. Сегодня слово *косметичка* имеет два значения. Отсюда и трудности в его употреблении. Суффикс *-ичк* в слове *косметичка* вносит в него явно разговорный оттенок.

Итак, в современном русском языке для обозначения этой профессии используются слова *косметолог* и *косметичка*. Но они различаются стилистической окраской, поэтому употребляются в зависимости от контекста и условий общения.

Н. Милюткина

■ КОНЬ О ЧЕТЫРЕХ НОГАХ...

М. С. Абрамов (с. Ванновское, Краснодарский край) пишет о том, что встретил в газете выражение «трактор... о трех колесах». Иногда, сообщает автор письма, в разговорной речи ему приходилось слышать: *человек об одной руке, рука о трех пальцах*, но вот в печати такое выражение ему встретилось впервые. В нашем журнале была статья на эту тему (№ 2, 1973), но так как читатели интересуются этим вопросом, мы предложили кандидату филологических наук В. П. Николаевой ответить на него.

В известной пословице «Конь о четырех ногах, да спотыкается» использована древняя грамматическая форма местного падежа существительного с предлогом *о*. Эта и подобные ей формы интересны тем, что они отражают определенный этап в развитии системы **падежных отношений**: в памятниках древнейшей письменности XI—XII веков они еще не встречаются, а в современном русском

языке воспринимаются как остаточные явления давно исчезнувших процессов.

Характерной чертой древнерусского языка было преобладание беспредложных конструкций. Поэтому и шестой падеж для древнерусского языка принято называть не предложным, а местным, так как он мог употребляться и без предлога, обозначая в этом случае прежде всего место (а также и время). Особенно широко использовался местный беспредложный при названиях городов: «Живяше Ольга Кыеве», «И седяше Мьстиславъ Чернигове» (Повесть временных лет).

В связи с развитием в языке новых смысловых отношений беспредложные конструкции, начиная с XIII—XIV веков и позже, стали заменяться предложными. Уже в XIII веке беспредложный местный падеж исчезает. С ним постепенно начинают употребляться предлоги: *в, на, по, при, о (об, обо)*, отчего впоследствии его стали называть предложным.

В связи с интересующим нас вопросом рассмотрим лишь некоторые значения местного падежа с предлогом *о*.

Одним из них было обозначение определенного количества частей предмета. В таком употреблении местный падеж приобретал определительный оттенок: Посреди же городка того церковь велика създапа *о трехъ олтарехъ* (Странник Даниила игумена); Ворота большие, *об одномъ щигу* с калиткою (Закладная 1691 г.). В Словаре В. И. Даля отмечены сочетания существительных не только с числительными («храм *о трех главах*»), но и с качественными прилагательными: «печи *о глухихъ дверкахъ*»; «храм *о золотой главе*». Впоследствии вместо этой конструкции стали употреблять творительный падеж с предлогом *с*: храм *с тремя главами*.

Другим широко употребительным значением местного падежа было значение времени. В этом случае предлог *о* сочетался с существительными, указывающими, в пределах какого времени протекает действие. Часто такими существительными были названия праздников: *о святой неделе, о пасхе, о рождестве*. У В. И. Даля: *О святкахъ буду у васъ*.

Рассмотренные конструкции с предлогом *о* нередко встречались в произведениях литературы XIX и даже XX века: Где тебе с султаном тятаться, Воевать с белградским пашою? Аль *о двухъ головахъ* ты родился? (Пушкин. Песня о Георгии Черном); Там *о заре* прихлынут волны На брег песчаный и пустой (Пушкин. Руслан и Людмила); [Антон] поставил перед прибором почерневшую солонку... *о трехъ ножкахъ* (Тургенев. Дворянское гнездо); [В усадьбе] каменный дом *о семи комнатахъ*... (Чехов. Письма); Как-то *о великомъ посте* заиграл ветер (Горький. Детство); Как-то *о празднике* было дело (Бажов),

В XVIII—XIX веках предложный падеж с *о* почти полностью перестал употребляться в роли определения при существительном (*берега о трех верхах*), утратил он и временное значение (*приеду о рождестве*). В современном языке форма предложного падежа с *о* употребляется для обозначения лица, предмета, явления, которые представляют собой объект разговоров, размышлений и т. п. (говорить о деле, вспоминать о друзьях). Определительные и временные отношения в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1950—1965) рассматриваются как устаревшие или диалектные.

Однако и в современном литературном языке, в разговорной речи может встречаться предложный падеж с *о*, обозначающий признак предмета по количеству его частей, членов: *квартира о пяти комнатах*; «Краевед прислал в некое советское учреждение большое, *о двенадцати страницах, письмо*» (Леонов Л. Скutareвский). Такие выражения имеют обычно шутливый или иронический оттенок.

До сих пор живут фразеологические обороты с древними падежными формами: *О двух головах* — о ком-либо неосмотрительно смелом, рискующем жизнью; *Палка о двух концах* — о том, что может кончиться и хорошо и плохо. Живут и пословицы, в состав которых входят эти обороты: «Конь *о четырех ногах*, да спотыкается», «Счастье, что палка: *о двух концах*».

В. П. Николаева

■ КЛЮЧКА И КЛЮШКА

Хоккей — популярная спортивная игра как в нашей стране, так и во многих государствах мира. Мы любим хоккей с шайбой, хоккей с мячом, хоккей на траве. Хоккеисты играют клюшками, без которых игра немислима. Слово *клюшка* заключает в себе определенное привычное и общеизвестное содержание, и у нас не возникает желания заменить это слово другими, например: палка, дубинка, молоток и т. п. *Клюшка* выполняет в современной спортивной лексике особую функцию — наименования специального предмета, то есть является термином. По пути в спортивную терминологию оно вступало в различные сложные и интересные взаимоотношения и контакты с другими словами.

В общем языке *клюшка* (и *клюка*) «палка с загнутым концом для опоры при ходьбе» имело давнюю традицию употребления. Восточнославянское по происхождению слово *клюшка* образовано от *клюка* как уменьшительно-ласкательная форма с суффиксом *-к(а)*; звук *к* чередуется с *ч*: *ключка* (ср. укр. *ключка* «клюшка»); сочетание *чк* изменилось в *шк* (см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов,

Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка). Слово *клюшка* является общеупотребительным, а вариант *ключка* сохраняется в говорах.

Издавна в России были известны народные игры: городки, земляная лапта, прочики, котел, ключки (реже клюшки), в которых использовались слова *палка*, *ключка* и *клюшка* в значении «палка для игры»: «Игры с шарами в России очень распространены... Эти шары или катаются руками и палками, или только бьются особого рода палками, пазываемыми *клюшками*» (Русские детские подвижные игры. М., 1892).

На рубеже XIX и XX веков в России начала развиваться игра хоккей. Как игру, так и палки для игры в хоккей первое время стали называть *ключки*, используя давно известное наименование из лексики пародной игры ключки: «В воскресенье вторично пришлось команде СПб. Общества любителей бега на коньках выступать в состязаниях в *ключки* (хоккей) против Английского хоккей-клуба» (Спорт, 1911, № 11). В это же время впервые встречается и слово *клюшка* «палка с загнутым концом для игры в хоккей», взятое тоже из лексики народных игр: «*Клюшки*, употребляемые в игре хоккей, делаются из легкого и гибкого камыша, толщиной в дюйм» (Подвижные игры. СПб., 1903). Хоккей как новая игра имел мало сходства с русскими народными играми *ключки*, *котел* и др. Может быть, поэтому авторы первых руководств и пособий по спорту искали новые, более точные, совершенные наименования палки для игры в хоккей. Кроме названных *ключка* и *клюшка*, в этот период начинает функционировать заимствованный термин *бэнди* (<англ. bandy «палка для игры в хоккей»), русские эквиваленты — *палка* и *костыль*. Стремление к созданию русских наименований приводит к тому, что вариантный ряд обозначений палки для игры в хоккей пополняется новыми словами: *лопатка*, *дубинка*, *молоток*, которые можно встретить даже в одном источнике: «Каждый игрок снабжается крепкою деревянною *лопаткою*, которой он должен сбивать маленькую прилегающую ко льду деревянную пластинку»; «Каждый игрок вооружен крючковой *дубинкой*, которая может быть сделана из простой палки»; «О держании *молотка* опять заметим, что он должен быть взят обеими руками» (Муравьев С. Бэнди, или хоккей. Английская игра. СПб.— М., 1914).

К 20-м годам синонимический ряд значительно сокращается. Выходят из употребления наименования, носившие случайный характер, остаются только слова *палка*, *ключка*, *клюшка*. Слово *клюшка* становится основным наименованием, обозначающим данное понятие, хотя в этот период его иногда дублируют слова *палка* и *ключка*: «Эта игра представляет соревнование между двумя командами, причем каждая, ударяя специальными *клюшками* по

мячу, передает его от одного своего игрока к другому» (Козлов М. С. Хоккей на льду. М., 1926); «Игра в хоккее очень схожа по правилам и тактике с игрой футбол, отличается же от нее тем, что в игре хоккеей мяч подгоняется не ногой, а палкой или „ключкой“» (Сборник подвижных игр. Л., 1925).

Клюшка как спортивный термин впервые фиксируется словарем в 1928 году (Чесноков Б. М. Энциклопедический словарь по физической культуре), позднее его отмечает Словарь Д. Ушакова с пометой *спорт* и др.

В 30-е годы слово *палка* уже не встречается в этом значении, выходит из употребления и *ключка*. *Клюшка* в конкурентной борьбе с другими русскими словами и заимствованным наименованием одержало верх и укрепилось в качестве спортивного термина.

П. М. Юрковский

Кишинев

■ НЕМОЙ ВЗОР ИЛИ НЕМАЯ ЖЕНЩИНА?

Перечитывая Ф. И. Тютчева, с недоумением останавливаюсь на строфе:

С какою негою, с какою тоскою влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Тютчев. Стихотворения, 1972

Если определение в третьем стихе относится к женщине, то должно быть «как опаленная»; если же речь продолжается о взоре, то с ним должен согласовываться сложно-составной эпитет *бессмысленно-немой... немой*.

Но связи нет, нить оборвана, нет единства — почему? Правда, можно *опаленный* воспринимать как субстантивированное причастие. Но почему *бессмысленно-немым* предстает человек, пораженный «молнии огнем»?

Можно предположить еще, что Тютчев был в состоянии аффекта, когда мысль, теснимая чувством, не успела выстроиться в логический ряд, а потом поэт так и не захотел переделать стих, выражающий непосредственность эмоционального наплыва.

В издании «Ф. И. Тютчев. Стихотворения» (М., 1935) данный стих выглядит иначе:

С какою негою, с какою тоскою влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-немой, немой, как опаленный
Небесной молнии огнем...

Этот вариант меня устраивает, но ни то, ни другое издание не авторитетны. В основном тексте академического издания читаем: «Бессмысленно-нема... нема, как опаленный». В рубрике «Другие редакции и варианты» К. В. Пигарев приводит второй вариант, но не объясняет, почему он хуже первого.

Ранее академическое издание было подготовлено Георгием Чулковым (Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. М.—Л., «Academia», 1933). Повторяя второй вариант стихотворения за «семейным» изданием (Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900), составитель имел больше шансов воспроизвести подлинный текст. Иван и Дарья Тютчевы при участии А. П. Майкова, учтя разночтения текста, взятого имп из «Современника» (это видно по разным окончаниям первого стиха: в оглавлении написано «влюбленный», в тексте — «влюбленной»), ориентировались, очевидно, и на рукопись поэта. Как бы то ни было, текст этого варианта, будучи удобочитаемым, не теряет в экспрессии по сравнению с текстом «Современника». Сохранив перенос многоточия из середины третьей строки в конец второй (что было сделано в издании 1900 года), Г. Чулков ставит три точки и в конце первой строфы, что не только передает экзотичность душевного состояния поэта, но и стимулирует воображение читателя, воссоздающее зрительный образ. Примечание к данному стихотворению отличается небывалой ни до ни после 1933 года научной обстоятельностью.

В издании «Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма» (М., 1978) непонятный третий стих выглядит, на мой взгляд, еще более неуклюже:

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-немое... немой, как опаленный
Небесной молнии огнем!

В разделе «Состав и принципы издания» К. Пигарев пишет: «Конечно, при выборе того или иного текста в качестве последней редакции наблюдались порою колебания и допускались ошибки... И тем не менее можно со всей ответственностью сказать, что спорные решения теперь уже стали исключениями...». К исключениям, видимо, относится и стихотворение «С какою негою...». Но, к сожалению, «ошибку» в нем повторили около пятнадцати советских изданий, выходявших тиражом от 25 000 до 250 000 экземпляров. К тому же вариант с «немой женщиной» вошел в книги серии «народная» (М., ИХЛ, 1970) и «школьная» (Восточно-сибирское книжное изд-во, 1972) библиотеки, где нет справочного отдела.

Конечно, из-за отсутствия автографа вопрос об основном тексте

остается в данном случае открытым. Но все же в пользу второго варианта можно привести ряд соображений: за него — элементарный здравый смысл; поэт любил описывать глаза, взгляд развернуто (см., например, «Люблю глаза твои, мой друг...», «Я очи знал,— о, эти очи!..», «Твой милый взор, невинной страсти полный...»); «пламень... в очах», «южный взгляд» — эти двуединые константы так прочно укрепились в сознании читателя Тютчева, что ему трудно разрушить их во имя сравнения «нема, как опаленный человек»; лингвистический анализ слов *бессмысленный* и *немой* даст больше доводов отнести их к *взору*, а не к *женщине*.

Таким образом, читатель и поэт выиграют, если второй вариант начальной строфы окажется в основном тексте, а первый — в примечаниях.

В. Погорельцев

Редакция попросила прокомментировать статью В. Погорельцева «Немой взор или немая женщина?» доктора филологических наук А. Д. Григорьеву.

Статья В. Погорельцева полемична. В ней высказывается сомнение относительно предпочтения, отданного варианту стихотворения Ф. И. Тютчева «С какою негою, с какою тоской влюбленной...» К. В. Пигаревым в 2-томном издании 1965—1966 годов и затем повторенному уже механически рядом последующих переизданий.

Исходя из логики отношения понятий, автор высказывается за вариант этого стихотворения, напечатанный в «Современнике» и затем принятый в 2-томном издании Г. Чулкова. Я лично предпочитаю именно это чтение, исходя из тех же логических оснований. Полагаю, что приводя свой вариант стихотворения, К. В. Пигарев как-то обосновывал свой выбор, возможно опираясь на рукописи. Но, к сожалению, подобное обоснование в вариантах этого стихотворения отсутствует, как, впрочем, и по отношению к другим прочтениям ряда стихотворений. При работе над книгой «Слово в поэзии Тютчева» я предпочтала в некоторых случаях чулковский вариант, который мне представлялся более выразительным.

Касаясь данного стихотворения и остановившись на варианте Г. Чулкова, я не ставила своей целью обосновать его предпочтение перед вариантом издания 1965—1966 гг.

Кстати, принятое и Г. Чулковым и К. В. Пигаревым чтение первого стиха «...с какою тоской влюбленной» вместо «...тоской влюбленный», встретившегося в издании «Современника», тоже проблематично. За «влюбленный Воор...» говорит свойственное Тютчеву

стремление несколько нарушить ритмическую упорядоченность стиха.

Полагаю, что автор статьи, прав в требовании каким-то образом выделить в тексте спорные прочтения или, если не выделить (хотя бы петитом), то мотивировать более основательно выбор их. Представляется, что речь в спорной строфе идет все же о *взоре*, а не о превратившейся в опаленный столп от страстного озарения *женщине*.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

В поэме А. Т. Твардовского «За далью — даль» есть такие слова:

«...Что родом тюхи да матюхи,
Да простаки да ваньки мы».

В нашей местности говорят с некоторым добавлением: «тюха, матюха да колунай с братом». Смысл слов понятен, но интересно знать, откуда пошли такие слова?

Г. Д. Курганов, Псковская обл.

Судя по материалам Картотеки Словаря русских народных говоров можно предположить, что *тюха* является словом, родственным глаголам *тюхать* — медленно идти (смоля.), *тюх-тйт* — медленно есть (горьковск.). Отсюда бранное, эмоционально-оценочное *тюха* — простофиля, разиня. Говорам известны однокоренные слова: *тюхрик* (брян.), *тюхряк* (курск.), *тюхтэй* (онеж.), *тюхтёрь, тюхтя* (новг., волог., свердл.).

Матюха известно как форма собственного имени Матвей, в сочетании же *тюха-матюха* оно используется как удачно рифмующееся с *тюха* и для усиления основного экспрессивно-оценочного бранного смысла.

Колунай — имя нарицательное, родственное глаголу *колуна́ть* — ковырять, медленно делать работу. *Колунай* означает также нерасторопного медлительного человека. Таким образом, в сочетании «тюха, матюха да Колунай с братом» имеем набор синонимов, соединенных между собою для усиления главного смысла этих слов. Такой прием известен русской речи и широко распространен в фольклорных произведениях. Ср., например, зачин в сказках: «В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем...» и т. п.

Н. В. Попова

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1981 год

Абакшина Г. М. Какого рода «вагон-библиотека»?	2
Аванесов Р. И. О русском сценическом произношении	5—6
Аванесов Р. И. Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии	3—4
Бадаева И. П. Мастерство К. Симонова-прозаика	3
Барандеев А. В. <i>Шльмень п лиман</i>	6
Бахарев А. И. Архаические отрицания в русском языке XIX— XX вв.	5
Бельчиков Ю. А. В. Г. Белинский и русский литературный язык	3
Бельчиков Ю. А. В. И. Ленин о Белинском	2
Биржакова Е. Э. <i>Сюрприз и результат</i>	6
Бирман Ю. Е. Отрок, отрочество...	4
Борисова Е. Н. Публиковать, публика, публикация	5
Бояринцева Г. С. А. Н. Апухтин. «П. И. Чайковскому» (лите- ратурно-лингвистический анализ стихотворения)	4
Брагина А. А. «Кинослова»	5
Брагина А. А. Чужое — все-таки чужое (о стилистической ро- ли заимствований)	4
Буров Л. А. Вставные конструкции в прозе Ф. М. Достоев- ского	5
Бутир Л. М. Концерт: и состязание, и согласие	4
Вакуров В. Н. Неожиданные сравнения в фельетоне	2
Валеев Г. К. Древнерусские подпоручики Кижэ	2
Валеев Г. К. Мнимые герои «Повести временных лет»	4
Валеев Г. К. «Наши вичи едят одни калачи»	1
Василевская Е. А. Афанасий Матвеевич Селищев (1886— 1946)	2
Василевская Е. А. «Какой светильник разума угас!»	1
Василевская Е. А. Павел Яковлевич Черных (1896—1970)	3
Васильева Н. В. Русские названия падежей	3
Вечеслова Г. Л. Кравчий — кравчая	2
Видова О. В. Памяти ученого (хроника)	3

Веннерский В. П. М. В. Ломоносов и его роль в изучении русского языка	1
Воронцова В. Л. Л. К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка	5
Востокова Г. Р. «Житие Феодосия Печерского» — литературный памятник Киевской Руси	3
Гадманова М. А. С трибуны съезда писателей СССР	6
Гвоздарев Ю. А. Семь пятниц на неделе (истоки некоторых выражений)	4
Гирущанй А. А. Белорусские самоцветы	5
Гладышева Л. А. Ради жизни на земле	3
Глушаков С. Н. «Первыми вышли <i>гребцы...</i> »	5
Голуб Н. Б. Гармония звуков, мыслей и чувств	6
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Иваново, Шуя, Палех	5
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Кострома — Плес	4
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. От Ярославля до Костромы	3
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Ростов Великий	1
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Суздаль	6
Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Ярославль	2
Гербачевич К. С. Книга о теории речевой культуры	2
Гориков А. И. Язык поэзии — язык жизни	1
Горячева Т. В. Времена года. Первозимье	6
Горячева Т. В. Времена года. Первосенье	5
Горячева Т. В. Времена года. Середина лета	4
Граудина Л. К. Русский язык в национальных республиках Советского Союза	3
Григорян Э. А. Самолет, вертолет, экранолет	6
Гриценко З. А. «И рече князь...»	5
Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Терминология и норма	1
Дараган Н. Я. Откуда пришли названия нот?	6
Демьянов В. Г. Заметки о русских переводах XVII века	4
Денисов П. Н. Живой, как жизнь	2
Добродомов И. Г. Слово <i>подписчик</i> у В. Т. Нарезного	4
Дукельский В. Ю. См. Горбаневский М. В.	1—6
Еськова И. Б. Через русское слово к познанию русской культуры	3
Жижина А. Д. О лиризме слова (стихотворение М. Ю. Лермонтова «Горные вершины»)	4
Журавлев А. Ф., Розанова Н. Н. Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы	5
Журавлева Г. С. «Повесть о российском кавалере Александре»	6
Зубова Л. В., Сыщиков А. Д. Бесценный клад	1
Иванова Н. Н. Разговорный синтаксис в современной поэзии	3
Иванова Н. Н. «Сестра народа — и моя!» (о музе Некрасова)	6
Ивинский П. И. Русский язык в Польше	1
Ивлева З. Н. Где был напечатан первый отечественный букварь?	2

Канаев Н. Д. Русский язык на земле Карфагена	6
Касаркин В. В. В. И. <i>Порудоминский</i> . Повесть о Толковом словаре	6
Касаркин В. В. Конференция в Кишиневе (хроника)	6
Катлинская Л. П. Начисто	2
Коготкова Т. С. Как обратиться к родителям (об автоматизме речи)	1
Кожин А. Н. Гвардия	6
Кожин А. Н. Слово сердца во славу Родины (заметки о советской поэзии)	1
Колесов В. В. «Сказание о Варяге и сыне его Иоапне»	5
Колмакова Т. С. В. И. <i>Максимов</i> . К тайнам словообразования	6
Конференция в Копривштице (хроника)	2
Кохтев Н. Н. В поисках эмоционального слова	4
Кохтев Н. Н. «Форма речи — простая, понятная»	1
Кохтев Н. Н. Яркое слово В. В. Воровского	5
Кузнецова О. Д. Гранат — драгоценный камень, цветом темно-красный	3
Кузьмин А. И. Аксаков, Щепкин и русский театр	5
Курина О. Л. Л. И. <i>Скворцов</i> . Культура языка — достояние социалистической культуры	3
Куттубаева Г. А. Внутренняя форма слова	6
Лепешев И. Я. В. П. <i>Жуков</i> . Школьный фразеологический словарь русского языка	4
Литературная страница:	
В. Г. Белинский. Рецензия на «Грамматические разыскания...» Васильева В. А. (отрывок)	3
М. Ю. Лермонтов. Частные правила разных родов прозаических сочинений	4
А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова (отрывок)	1
Г. М. Марков. Отрывок из романа «Сибирь»	2
Д. А. Фурманов. Из дневников	5
Лопатина Л. Е. Феофан Прокопович (к 300-летию со дня рождения)	3
Лукашанец А. А. Что такое «словообразовательное гнездо»?	3
Майорова О. Е. Особенности стиля рассказов-воспоминаний Н. С. Лескова	1
Марковский И. К. Жар-птица	2
Михайлова Н. М. <i>Теплый и горячий</i>	2
Михайловская Н. Г. Русский язык и литература народов СССР	1
Михайловская Н. Г. Слово Имана Касумова	4
Моисеев Б. А. Оренбург	3
Мокиенко В. М. Молочные реки и кисельные берега	2
Мокиенко В. М. О выражении «как спящий мерин»	4
Наши публикации: А. Г. Достоевская. «Как меня сватали!» (из неопубликованных воспоминаний)	5
Некрасова Е. А. Как «сделаны» стихи А. Блока?	2
Низаметдинова Н. Х. О стиле произведений Максима Грека	1
Николина Н. А. «Жизнь человека в детстве»	5
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1—3, 5, 6

Новиков Л. А. Диалектика мысли, характера и слова в «Двойнике» Ф. М. Достоевского	5
Новикова Н. В. Термины в научной фантастике	3
Новые горизонты советской науки	4
Одинцов В. В. Везде язык поэзии	2
Одинцов В. В. «...Все ходит по цепи...»	4
Одинцов В. В. О поэтическом синтаксисе А. С. Пушкина (к уроку литературы)	3
Орешкина М. В. Языковые проблемы массовой коммуникации в СССР (хрошика)	2
Основина Г. А. Живая поэтическая фантазия А. П. Гайдара	5
Отин Е. С. «За сим пакы здравствуй!» (зачины и концовки писем в XVII—XVIII вв.)	3
Отин Е. С. Тагапрог	2
Панаичин Ф. Г. Выдающийся русский педагог-организатор	4
Плютинкова В. А. Григорий Осипович Винокур (1896—1947)	6
Познякова Т. Ю. <i>Саид Шермухамедов</i> . Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа	5
Прискока О. В. Армяк с кебеяком	5
Прозоров В. В. «Идеи в масках» М. Е. Салтыкова-Щедрина	2
Прокопов А. Ю. Праздник русского языка и дружбы	6
Протченко И. Ф. Русский язык в трудовых коллективах Чехословакии	4
Протченко И. Ф. Язык перасторжнмого братства	1
Ревенская Н. А. И стимул, и вдохновение	2
Ревенская Н. А. Задачи науки — задачи жизни	3
Ревенская Н. А. <i>Л. И. Скворцов</i> . Правильно ли мы говорим по-русски?	4
Рогожникова Р. П. Пригбръшня	3
Розанова Н. Н. См. Журавлев А. Ф.	5
Русинов Н. Д. Угличское <i>Петушково</i> и Сказка о золотом петушке	2
Рытхэу Ю. С. Источник света и тепла	3
Саблина Н. П., Сахаровская М. И. «Книга о Луне и всех планетах небесных»	1
Садыхлы П. Е. «Богаткова Авдотьица — княгиня Евдокее Лукьяновне» (из московских челобитных)	4
Самойленко Г. В. Взыскательный мастер сэсва	5
Сахаровская М. И. См. Саблина Н. П.	1
Светана С. В. В эфире «Русская речь»	5
Сергеев В. И. А. В. Луначарский — оратор	2
Сергеева Т. В. На трассе БАМа. Таюра	5
Сергеева Т. В. На трассе БАМа. Улькан	6
Сергеева Т. В. На трассе БАМа. Усть-Кут	4
Скворцов Л. П. <i>Р. А. Будагов</i> . Филология и культура	3
Скворцов Л. И. См. Даниленко В. П.	4
Склярская Г. П. Активный суффикс <i>-ик</i>	5
Смирнова Г. А. Александр Христофорович Востоков (1781—1864)	2
Смолина К. И. Рухлядь — богатство, рухлядь — старье	3
Смолицкая Г. И. Владимир Иванович Даль (1801—1872)	6

Солодуб Ю. П. Николай Николаевич Прокопович (1901—1972)	1
Судаков Г. В. Лицевой букварь Карпопа Истомина	6
Сумникова Т. А. Николай Николаевич Дурново (1876—1937)	5
Суханова М. С. «Русская грамматика»	4
Сыцников А. Д. См. Зубова Л. В.	1
Таранов Н. В. Береза в названиях народных	3
Таранов Н. В. «Песенное дерево»	1
Тарланов З. К. Волшебник слова	1
Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания — слова?	5
Туркин В. Н., Шиловский А. Н. Тимофей Петрович Ломтев (1906—1972)	4
Файнштейн М. Ш. Словопроизводные словари Российской Академии (30—40-е годы XIX века)	4
Фесуненко П. М. Стилистическая роль обособлений в произведениях В. И. Ленина	2
Филатов В. А. Падь и распадок	1
Филин Ф. П. На рубеже новой пятилетки	1
Филиппов В. С. Зрительный зал театра	3
Фойницкий В. Н. Об источнике выражения «живая жизнь»	2
Хаустова Ю. Ф. В. Н. Головин. Основы культуры речи	3
Химик В. В. Речевой этикет и местоимение «он»	3
Ходакова Е. П. Отъявленная красавица	1
Ходакова Е. П. Роль И. А. Крылова в демократизации русского литературного языка	4
Холматова С. Д. По законам братства	2
Хруслов Г. В. II-й советско-английский семинар (хроника)	2
Цоффка В. В. «Крылатая богиня» и «крылатая лилия» в поэзии	5
Чистякова Э. И. Окказиональные слова-кальки	5
Чурмаева Н. В. Приметы и обычаи	3
Шалимова Г. С. Выражая мир кадрами	1
Шиловский А. Н. См. Туркин В. Н.	4
Шиповский С. В. Н. М. Шанский. Слова, рожденные Октябрем	6
Шустов А. П. Александрийский столп	2
Шустов А. Н. От пироксафа до аэрохода	5
Этерлей Е. Н. Квас	2
Этерлей Е. Н. Оружием сатиры	4
Юношева В. К. Подметные письма	5
Юношева В. К. Тупей, тупейный	1
Юрчук Т. Г. «Я русский стих слагаю Украине»	1
Почта «Русской речи»	
Буквенные окончания при цифрах	2
Все ли написанное произносится?	1
Год и лето	5
Государственный Знак качества	2

Двойная фамилия и две фамилии	5
Калач	1
Копь о четырех ногах	6
Косметолог или косметичка?	6
Ключка и ключка	6
Моя автобиография?	5
Немой взор или немая женщина?	6
Неприятель	3
Обзор писем читателей	4
Опробовать — апробировать	3
Палитра	3
Рыболовный — рыболовецкий	3
Склоняется ли слово ГОСТ?	2
Чебурашка	1
Шлягер	3
Кроссворд	1—6

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 1. «Разгром». 5. Анакреонт. 7. «Купец». 8. Антон. 11. Терек. 13. Бова. 14. Анты. 15. «Портрет». 18. «Чудак». 19. Мольер. 20. «Аннушка». 22. «Таня». 24. «Лурд». 25. Брехт. 27. Феникс. 28. Глосса. 30. Время. 31. «Шахнаме». 36. Влас. 37. Арго. 38. Троп. 39. «Дело». 40. Бажан. 41. Пафос.

По вертикали: 2. Анапест. 3. Геро. 4. «Озорник». 5. «Алупка». 6. «Тройка». 9. Грот. 10. Полуустан. 12. «Сталевары». 16. Орион. 17. Ермак. 21. Удел. 23. Яхонтов. 24. Лексема. 25. Боков. 26. Талия. 29. Верн. 32. Анафора. 33. Морфема. 34. «Иветта». 35. Рококо.

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор) Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
 Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
 Корректоры *Е. И. Евдокимова, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор, 12.08.81 Подписано к печати. 06.10.81, Т-27511

Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72.

Усл. кр.-офт. 381,1 тыс. Уч.-изд. л. 7,8 Бум. л. 2. Тираж 55000 Заказ 722

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
 2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10